

ПИОНЕР

Июнь

Издательство ЦК ВКП(б) «Правда» 1938 г.

6

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А В Л К С М

№ 6

И ю н ь 1938 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Надежда Константиновна Крупская

Ребята советской столицы —
Москвы — пришли на праздник
в свой Дом пионеров.

Н. К. Крупская

Два письма пионерам

О ДРУЖБЕ РЕБЯТ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Письмо первое

Дорогие ребята, вы знаете, как при царе помещики и капиталисты эксплуатировали, угнетали национальности, населявшие Россию. Таких национальностей было очень много. Они были лишены всех прав. Царское правительство старалось всячески мешать сближению национальностей: натравливало одну национальность на другую: татар на армян (в 1905 году дело дошло до резни между татарами и армянами), на-

травливало русских на евреев. Вы читали, вероятно, о диких еврейских погромах, их устраивали черносотенцы, которые врвались в еврейские дома и квартиры, все в них ломали, грабили имущество, избивали и убивали стариков, женщин, детей, увечили их. Все это проходило безнаказанно. Взгляд на нерусские народности, как на какую-то низшую породу людей, был широко распространен среди обывателей. Вла-

Эти две девочки: Кенна Курбан (слева) и Соили Паты—живут в Туркмени, в Сталинском районе, в колхозе «Дайхан Вирлешик». Обе они учатся на «отлично».

димир Ильич рассказывал о том, как он в детстве и ранней юности постоянно слышал такие разговоры среди симбирских обывателей: заговорят об евреях, непременно скажут «жид», о поляке — «полячишка», об армянине — «армяшка». Но это было не только в Симбирске—было повсюду. Я жила в детстве в Петербурге, в Псковской губернии, в Киеве—езде было одно и то же.

Населявшие Россию народности царское правительство держало в темноте, чтобы легче было их эксплуатировать. У целого ряда народностей не было даже своей письменности, другим запрещали что-либо писать на их родном языке.

Советская власть сразу же положила этому конец: дала всем национальностям одинаковые права с русскими, все время проявляет особую заботу о слабых национальностях. Дружба народностей, населяющих наш Союз Советских Социалистических Республик, растет и крепнет чем дальше, тем больше.

Само собой, что пионеры разных национальностей должны дружить между собой, помогать во всем друг другу. Как правило, это так и бывает. Но бывает и так, что русские пионеры считают, что дети других национальностей более отсталые в культурном отношении. Пионеры одного детского дома—русские—писали мне как-то из Таджикистана: «Кругом нас живут таджики. Мы знаем, что царское правительство угнетало их. Когда мы вырастем, мы поможем им стать культурными».

В ответ на это я написала им, что на-

ционалы, которые были задавлены при царизме, теперь усиленно учатся, многие из них стали крупными работниками; я писала ребятам, что им надо поближе сойтись с ребятами-таджиками, сдружиться; что среди ребят других национальностей многие ребята очень дисциплинированы, умеют хорошо работать, петь, рисовать, метко стрелять. Многому можно у них поучиться, но надо и им помогать, делиться с ними знаниями. Нужна дружба между ребятами всех национальностей. Этого хотел Ленин, этого хочет Сталин.

Дорогие ребята, пионеры и пионерки всех народностей СССР, от своих отцов и матерей, от стариков многие из вас слышали, как русские помещики и капиталисты эксплуатировали ваш народ, держали его в темноте и бесправии, и может случиться, что у кого-нибудь из вас нет-нет и вспыхнет чувство недоверия к русским ребятам. Ленин заботился, Сталин заботился, чтобы все народности СССР были полноправны, чтобы они могли расти и крепнуть, чтобы ребятам всех национальностей, и мальчикам и девочкам, хорошо жилось. У вас нет причин обособляться, дружите с русскими ребятами, помогайте друг другу в учебе, в общественной работе, сообща боритесь за социализм, за жизнь сытую, здоровую, просвещенную, светлую, за дело Ленина—Сталина.

Теперь во всех школах вводится преподавание русского языка. Знание, кроме родного, одного общего языка—русского—еще больше сблизит все народы СССР. На русском языке очень много книг, которые рассказывают о революции, о борьбе, о том, как надо по-новому перестраивать всю жизнь. На русском языке много учебников, много научных трудов. Надо открыть доступ к этой богатой литературе всем национальностям, помочь им поскорей овладеть наукой.

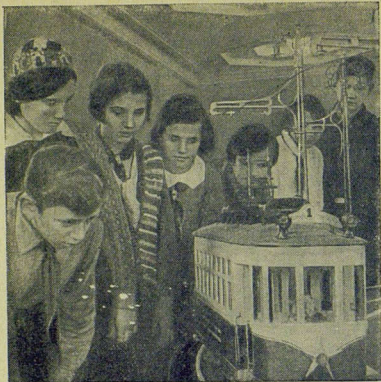
Язык некоторых национальностей очень отличается от русского. Есть такие языки, где, например, нет разницы между мужским и женским родом, и ребята, когда начинают учиться русскому языку, долго путают мужской и женский род, говорят: «Ваня пошла спать», или «Маша пошел домой»; есть языки, на которых никогда не бывает рядом двух согласных букв, и ребята этой национальности, когда начинают учиться русскому языку, никак не могут сказать «три», говорят «ри»; есть такие языки, где неясна разница между буквами «к» и «х», между «б» и «п» и т. д. И вот ребята,

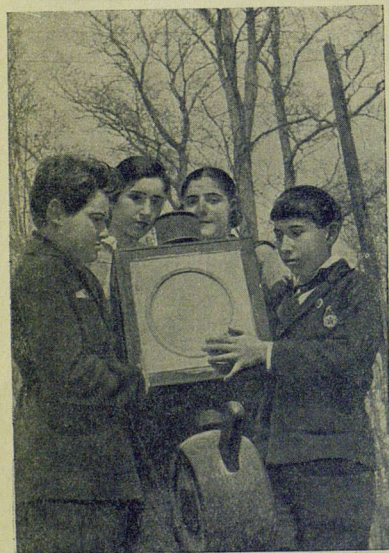
Много моделей построили в своем Доме пионеров ребята Кировабада (Азербайджанская АССР). Они несут свои модели на старт. А ну, которая пролетит больше?

Вот сидит окруженный своими внуками и правнуками 80-летний колхозник колхоза имени Сталина, Янги-Курганского района, Узбекской ССР, Малабай Бекидиев.

В Минском Дворце пионеров. Ребята рассматривают действующую модель трамвая.

В Тбилиси ребята построили первую в Союзе детскую железную дорогу. На снимке «старый» железнодорожник Витя Сокольский объясняет будущим железнодорожникам систему сигнализации.

когда пишут диктовку, делают много ошибок, как ни стараются, все выходит «плохо».

Чтобы научиться хорошо писать и читать, им надо прежде всего научиться говорить по-русски. Это зависит от практики.

Дружба ребят разных национальностей с русскими, совместные игры, прогулки, рассказы на русском языке, русские стихи, которые будут легко запоминаться, русские песни помогут им быстро овладеть русской речью.

Мой отец был революционер. Он хотел, чтобы я дружила с ребятами других национальностей. Когда мне было лет пять, мы жили в Варшаве. И вот я играла во дворе с ребятами польскими, еврейскими, татарскими. Мы очень дружно играли, нам было очень весело. Мы угощали друг друга, чем могли. Татарские ребята водили меня в палатку во дворе, где жили их родители — они работали на стройке, — и угощали меня кониной, которая казалась мне очень вкусной; еврейский мальчик был постарше меня года на три — он очень хорошо обращался со мной, я его очень любила, — он угощал меня хлебом со смальцем; польские ребята угощали меня «тястечками» — пирожными. Я не помню, чем я их угощала, но жили мы очень дружно и весело. И потом, когда я стала постарше и слышала, как обижают детей евреев, не пускают их в общественные сады, не пускают учиться, как притесняют поляков, я очень возмущалась. Потом я жила в Полтавской губернии, в деревне, играла там с деревенскими ребятами-украинцами, научилась говорить по-украински, мне очень нравились украинские песни, украинские цветущие деревья. Я и сейчас бываю рада, когда получаю от украинских пионеров письма.

Отец Владимира Ильича Илья Николаевич был директором народных училищ в Симбирске. Он всегда очень заботливо относился к детям националов: мордовцев, чувшей и др. Владимир Ильич видел это, это ему нравилось, и в старшем классе гимназии целый год занимался он с товарищем чувашем Огородниковым, помогал ему подготовиться в высшую школу и помог — тот сдал очень хорошо экзамен.

Я крепко надеюсь, ребята, что вы, какой бы национальности ни были, будете дружить друг с другом, помогать друг другу в учебе, в выработке характера, уметь работать и станете и на этом фронте настоящими ленинцами-сталинцами.

БУДЬТЕ ОБЩЕСТВЕННИКАМИ

Письмо второе

Дорогие ребята, вы боретесь сейчас за порядок в школе, стараетесь быть ударниками учебы. Вы знаете, что знание — сила и что нельзя, чтобы было, как при царе: знание было в руках помещиков и капиталистов и их прислужников, а трудящихся — рабочих и крестьян — держали в темноте и невежестве. Борьба за знание — большое дело.

Но в школе вы проводите 5—6 часов, а остальное время вы живете вне школы, в гуще жизни, вы живете среди взрослых, знаете, что их заботит, слышите разговоры их, слышите разговоры дома, на улице, во дворе. Вы думаете над жизнью и видите, что многое в ней надо еще переделать.

Многие из вас — пионеры. Ваши вожаки, верно, рассказывали о том, что быть пионером, — это значит не только носить красный галстук. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружаю-

щей жизни, думать над тем, как это сделать. И каждый пионер должен принимать участие в этом не только в школе, но и вне школы. А то бывает так: в школе «пионер — всем детям пример», а вышел из школы — точно с цепи сорвался и думать забыл, что он пионер: думает только о том, как бы в кино попасть или похулиганить малость. А об общественной работе и не помышляет, без него-де большевики обойдутся, как поется в песне.

Многие ребята неясно себе представляют, что такое общественная работа: это работа, направленная на то, чтобы улучшить сообща окружающую жизнь.

Вот вы видите, например, что в доме, где вы живете, есть детский сад, а у ребят нет игрушек, малышам скучно, организуйте несколько человек в кружок, сделайте ребятам-малышам несколько игрушек, по очереди ходите поиграть с ними. Или вы

Отличники учебы ленинабадских школ (Таджикская ССР).

Пионерки—дети казахов, ученицы карагандинской средней школы. В прошлом году они сдали на «отлично» все испытания.

Ребята Киева в своем Дворце могут заняться любимым делом. На снимке: занятия в кружке юных натуралистов.

видите, что на селе, где вы живете, есть неграмотные ребята-подростки, которым не удалось в свое время поступить по какой-нибудь причине в школу, теперь их в школу не берут потому, что они по возрасту не подходят: много старше тех ребят, которые учатся в первом, во втором классах — ребятам охота учиться, а учить их некому. Организуйте работу с ними, достаньте им бумаги или тетрадок, учебников разных и учите их тому, чему вы сами учились. Это — очень нужное дело. Или есть у вас на селе школа взрослых. Взрослые в школе учат географию, а карт у них нет. Вы для школы взрослых начертили бы карты, вас этому учат, и многие из вас любят чертить карты, обсудите, как это сделать получше. Как благодарны будут вам ученики школ взрослых! Начертите для избы-читальни, для красного уголка

большую карту Испании, наделайте флажков красных и черных и втыкайте их на булавах, переставляйте потом флажки в зависимости от передвижения войск. Подберите кружок слушателей и делайте им дня через три доклады о том, как идет борьба. Это очень полезная работа будет.

Вы видите, что кругом грязь ужасная, начните поход за чистоту в читалке, в столовке, в яслях, в детском саду.

Это я к примеру говорю. Надо самим глядеть, где кругом что неладно, обсуждать сообща, чем и как вы в том или другом случае можете помочь улучшить дело.

Будьте помощниками общественников-взрослых, и тогда вы на этой работе вырастаете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина — Сталина.

Четыре стихотворения

Перевод с еврейского Е. Благиной

Рис. М. Аксельрод

Есть стихотворения, которые достаточно услышать один—два раза и уже помнишь их чуть не всю жизнь. Почти каждый из советских ребят знает стихи «Письмо Ворошилову». В какие-нибудь полгода «Письмо Ворошилову» облетело ребят всего Советского Союза.

Написал это стихотворение поэт Лев Квитко. О чем бы он ни рассказывал в своих стихах,—все видишь живым, вместе с поэтом испытываешь радость, гнев, любовь...

Больше всего Квитко любит писать о ребятах—и не просто о ребятах, а о советских ребятах. Квитко любовно и весело водит советских ребят по замечательному миру, который их окружает, показывает им чудесные вещи, еще более чудесных людей, широко открывает глаза читателей и на «Анну-Ванну—бригадира», и на природу, и на «веселую птицу—гидроплан»...

Когда стихи Квитко приходят «В гости» (так называлась его первая детская книга, переведенная на русский язык) к ребятам—это большой праздник, точно пришел умный и веселый товарищ, от которого узнаешь много интересных историй.

Четыре стихотворения, напечатанные ниже, показывают, как разнообразен и богат поэтический дар Квитко. Здесь и звонкая «народная» песня «Свадьба», и коротенькая басня «Курица», и замечательное по свежести образа лирическое стихотворение «Радуга», и ироническая «Слива». Но во всех четырех присутствует дорогая гостья—Поэзия.

Жених без невесты

Бубенцы звенят, играют
 На первой пролетке,
 На первой пролетке...
 На пролетке свахи-пяхи
 Невеста в середке,
 Невеста в середке...
 — Ой, ой, песня льется,
 А невесте не поется!
 Ой!

Бубенцы звенят, играют
 На второй пролетке,
 На второй пролетке.
 На пролетке сваты-хваты,
 А жених в середке,
 А жених в середке!
 — Ой, ой, песня льется,
 Что ж невесте не поется?
 Ой!

Бубенцы звенят, играют
На третьей пролетке,
На третьей пролетке.
На пролетке дяди, тетки,
А скрипач в середке,
А скрипач в середке.

— Ой, ой, все запело,
Что ж невеста онемела?
Ой!

Только выехали в поле,
Как навстречу конный,
Как навстречу конный.
Ой, как вспыхнула невеста,
Что костер зажженный,
Что костер зажженный.

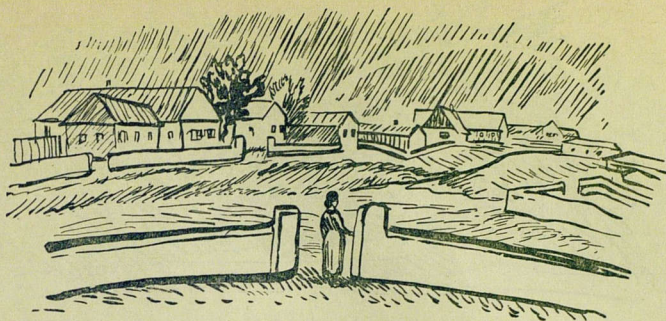
— Ой, ой, плохо дело!
Все молчат — она запела!
Ой!

Кони мои, кони мои,
Ступайте до дому,
Ступайте до дому.
Горе тебе, горе тебе,
Парню молодому,
Парню молодому.

— Ой, ой, смех не к месту:
Проглядел жених невесту.
Ой!

Радуга

В Калининдорфе встретить вас, друзья, мне привелось.
И вот мы связаны с тех пор любовью самой сильной...
Я знаю землю хорошо: прошел ее насквозь,
Но не видал нигде такой цветущей и обильной.
Во Фрейдорфе мне мать свою увидеть привелось:
Лукерья Гонта звать ее... И мы дружили с нею...
О как она мне дорога! Люблю ее до слез!
Я сын ее!

Я кровь ее!

Хотя рожден не ею!

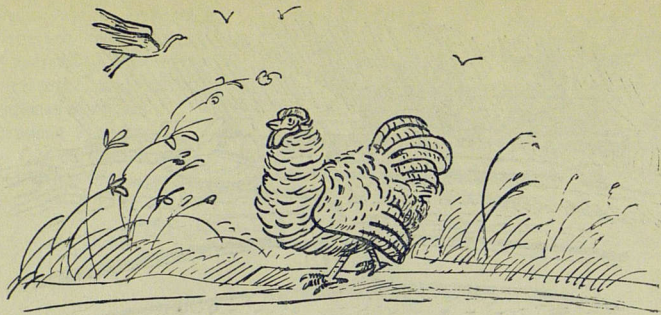
И Лею Коган встретить мне тогда же привелось.
Я увидел ее в саду за сбором винограда.
Мы разговаривали с ней у виноградных лоз.
Она казалась мне сестрой... Она была мне рада...

Широкий ливень колесил, полосовал поля
И неожиданно ушел вослед за синей тучей.
И вот, раскинувшись, лежит цветущая земля,
Дымясь и медленно дыша утробой могучей.
И как бы вытянувшись вдруг и радугу поймав,
Она взяла ее концы в раскинутые руки
И покачнулась, разбудив благоуханье трав,
Теченье вод, и пенье птиц, и шорохи, и звуки.
И призадумавшись, стоит Лукерья у ворот...
Уходят тучи на восток, в дожде совсем отчаясь.
За семицветную дугу земля взялась... И вот
Качается...

А с нею вы...

А с вами я

качаюсь...

Курица

Курица, курица!

Глупая ты!

И чем только мысли твои заняты?
Ведь если бы ты поумнее была,
Гимнастикой крылья б свои развила.
Могла бы могучей и сильною стать.
Могла бы ты, курица, тоже летать.
Какое блаженство ворваться в эфир
И видеть оттуда, как движется мир!
Как он копошится внизу под тобой,
А ты улетаешь в простор голубой!
Зачем тебе, птице, курятиной быть?
Не лучше ли в небе высоком парить?

А курица отвечает:

«Ах, я бы придумала, будь я умней,
Как мне подкормиться да стать пожирней,
Чтоб суп из меня получился вкусней!»

Слива

О сладостной сливе, о славе ее
Никто не сказал еще слово свое.
Но скажет когда-нибудь дерзкий поэт
О сливе, которой прекраснее нет.
О нежных прожилках в ее синеве,
О том, как она приютилась в листе,
О мякоти сладкой, о гладкой щеке,
О косточке, спящей в сквозном холодке.
Как солнце проходит по ней полосой,
Как вечер на ней оседает росой,
Как тонко над ней изогнулся сучок...
... Так думал о сливе один червячок.
Пробрался он к самому сердцу ее,
И тянет и пьет золотое питье.
Ну если так думал о сливе червяк,
То, может быть, это действительно так?

Волшебная шкатулка

Рассказ И. Василенко

Рис. П. Кузьмичева

Герцог Букингемский

Отец мой был сапожник. После его смерти остались десятка два сапожных колодок, кусок смолы, шило и пучок дротвы. Мне в то время было девять лет, и я только что перешел во второе отделение церковно-приходской школы. Но учиться мне не пришлось. Когда последняя колодка была продана, мать приладила себе на спину большой мешок, а мне — поменьше, и мы стали тряпичниками. Мы заходили во дворы и рывили в мусорных ящиках, разгребали кучи мусору на базарах, ходили на свалку.

Сначала это занятие меня даже увлекало, вроде охоты. Я все ждал, что вдруг случайно среди мусора попадет какая-нибудь ценная вещь, например золотые часы или кожаный бумажник, туго набитый трехрублевками. Наша знакомая тряпичница Феклуша божилась, что однажды в мусорной яме нашла чулок с зашитыми в нем тремя десятирублевками. Но нам попадались только ровные кагоши, кости, тряпки, старые подковы и пузырьки, сохранившие еще запах лекарств.

Наступила осень. Подвал, в котором

мы жили, стало заливать водой. Тогда мать пошла к знакомой трактирщице, стала перед ней на колени и заплакала. Трактирщица наняла мать трактирной кухаркой за четыре рубля в месяц и на зыяйских харчах.

Этот трактир стоял в центре большой базарной площади. Множество деревянных лотков, заплатанных и закоптелых сапожных будок, бакалейных, скобяных, семенных и фруктовых лавок ютилось на этой площади. Запах ромашки, чебреца и мятных пряников перемешивался с запахом керосина, дегтя и тяжелым запахом псыны, исходящим от унылых бродячих собак, постоянно сновавших по площади.

В те времена рестораны делились по разрядам: чем выше была цифра разряда, тем ниже было общественное положение его посетителей. Ресторан 3-го разряда был таким заведением, куда даже иные парикмахеры или приказчики считали «неприличным» для себя заходить. Что касается нашего ресторана, то я очень сомневаюсь, чтобы он подходил под какой-нибудь разряд. Он стоял вне всяких разря-

дов. Хотя на его вывеске было написано: «Трактир М. Сивоплясовой», но хозяйка называла его «харчевней», а посетители — просто обжоркой. Помещалось это заведение в одноэтажном кирпичном здании казарменного вида, окрашенном в грязно-бурый цвет. Такого же цвета были стены и внутри здания. За четыре копейки здесь можно было получить миску борща, сваренного на говяжьей требухе, а еще за четыре — и самую требуху. Эти блюда можно было получить в любое время: утром, днем и вечером. Никаких других блюд не полагалось, да никто и не претендовал на это: посетители наши стояли на такой ступени общественной лестницы, что опуститься ниже было вряд ли возможно.

Среди них-то я и провел два года своего детства.

Я мыл на кухне посуду, подметал пол, таскал с базара овощи и говяжью требуху, подавал посетителям борщ и выслушивал от хозяйки попреки в дармоедстве.

Но мне шел десятый год, и мне тоже хотелось играть в бабки, бегать с босоножными мальчишками «на выпередки» и запускать бумажного змея с трещоткой... Но куда там!

Только, бывало, соберешься с сапожниковым Артемкой пойти к морю понырять или покормить бычков, как хозяйка уже окликает меня:

— Чтой-то дремотно стало. Ну-ка, сядь за стойку, а я малость пойду вздремну. Да смотри, паршивец, не отлучайся, а то штаны спущу!

Однажды, когда я сидел за стойкой, в трактир вошел человек, которого раньше я у нас не видел. Остановившись у дверей, он сунул руки за веревку, служившую ему поясом, отставил вперед ногу в рваном лаковом ботинке и прицелкнул языком.

— Ну и апартамент! Это что же — столовая его величества короля английского? А запах, запах! Настоящая амброзия!

Пошатываясь, он подошел к столу, сел и вытянул вперед ноги.

— Сэр! — крикнул он в мою сторону. Я подошел.

Прядь бледножелтых и, вероятно, очень мягких волос свесилась на его вспотевший лоб; в голубых глазах, таких ясных и чистых, что их не смог замутить даже хмель, прыгали искорки смеха.

— Вы герцог?

— Нет, — ответил я.

— Граф?

— Нет.

— Может быть, вы барон?

— Сам ты барон, — огрызнулся я, не поняв последнего титула.

Но он так весело засмеялся, что невольно стал смеяться и я.

— Беф-строганов есть? Нет? А антрекот? Тоже нет? Жаль! Придется кушать перепелку, хотя я ее и не особенно люблю.

— Да у нас только борщ и печонка!

— Что-о? Борщ и печонка? Так что же ты молчал? Сию же минуту тащи сюда борщ и печонку! Разве ты не знаешь, что это мои любимые блюда?

Первый раз в жизни я подавал с удовольствием.

Посетитель ел, шутил и расспрашивал. А когда узнал, что я сын злешней кухарки, стал называть меня пэром.

Наевшись, он сказал:

— Ну-с, пэр, побеседовал бы я с вами еще, но должен спешить на экстренное заседание в палату лордов. Передайте достопочтенной владелице сих апартаментов, что я с собой денег не ношу из боязни ограбления. Вместо денег передайте ей мой вексель и раз'ясните на словах, что она может учесть его в любом банке.

Огрызком карандаша он написал на клочке оберточной бумаги несколько слов и, дружески пожав мне руку, ушел.

Когда выспавшаяся хозяйка потребовала от меня отчета в деньгах, я вместе с медьяками вручил ей и клочок оберточной бумаги.

— Что это? — спросила она.

— Вексель.

— Да ты больной?? Разве такие векселя бывают?

— Бывают, — уверенно ответил я и рассказал о недавнем посещении.

— А ну, читай.

Я с трудом прочел:

«По сему векселю обязуюсь уплатить графине Сивоплясовой восемь копеек, как только войду во владение наследственным замком.»

Герцог Букингемский».

Среди наших посетителей было не редкость встретить опустившихся на дно офицеров, чиновников и даже помещиков. Я привык к этому и ни на минуту не усомнился в герцогском происхождении го-

— Сэр! — крикнул он в мою сторону.

лубоглазого весельчака. Но хозяйка посмотрела на дело иначе. Она молча пошла на кухню, взяла веник, которым я подметал пол харчевни, и начала бить им меня по лицу, приговаривая:

— Не принимай векселей от бродяг!
Не принимай векселей, собачья шкура!..

Я вырвал у нее веник, выбросил его в открытое окно и с плачем выскочил из харчевни.

Чудесное обещание

На базаре стоял деревянный старый амбар на высоком каменном фундаменте. Несколько камней из фундамента выпало, и в нем образовалась дыра, в которую я свободно пролезал под амбар. Это было мое потайное место, куда я обычно скрывался от хозяйки. Летом, в знойный яркий день, здесь было прохладно. В маленьких пещерках фундамента я хранил мои любимые вещи: тарелку, складной нож, молоток, записную книжку с карандашом, бумажный фонарик со свечой и три книжки: «Как львица воспитала царского сы-

на», «Битва русских с кабардинцами» и «Джек-потрошитель».

Забравшись в свое подполье, я долго и горько плакал. Чувство ненависти к хозяйке смешалось с чувством обиды на герцога: я так доверчиво отнесся к нему, а он подвел меня.

К ночи меня стал мучить голод, но возвращаться домой мне не хотелось: я знал, что в угоду хозяйке и из боязни расчета мать выдерет меня за уши, а потом будет тихонько плакать и проклинать хозяйку.

Так я и провел ночь под амбаром.

Утром в дыру просунулась голова Артемки:

— Я ж так и знал, что ты тут. Мамка твоя плачет, думает, что ты побег топиться, а я ей говорю: «Не должно быть, верно, пошел на свою квартиру». На, закусьвай! — и Артемка вынул из-за пазухи сухую тарань, огурец, головку луку и ломоть черного хлеба.

Я ел и рассказывал, как было дело.

— Твоя хозяйка — ведьма, а то, может, и хуже. Разве можно человека бить венником? Что он собака, чи что? А герцог тоже вредный. Ему и дела нет, что из-за него человек страдает. Все они, герцоги, такие, сколько я их ни знал. Пить хочешь? — и Артемка показал мне две копейки. — Видал? Пошли пить квас!

Мы вылезли из подполья и пошли к квасной будке, взяли по стакану кислого квасу. После тарани он казался особенно приятным и резко бросался в нос. Вдруг мы услышали веселый призыв:

— Граждане! Становитесь теснее в круг, держитесь за чужие карманы! Сейчас под наблюдением господина городского начнется небывалое гала-представление плюс ультра Порт-Артур!

— Артемка! — говорю я. — Да ведь это ж «герцог»!

Окруженный толпою крестьян и базарных зевак, он почтительно говорил подхившему усачу-городовому:

— Господин блюститель порядка, прошу вас занять наблюдательный пункт. Попрямьте вашу седелку и примите боевой вид. За неимением здесь другого начальства ешьте глазами меня.

Толпа хохотала; уязвленный городской скривил губы и потянулся к воротнику «герцога».

— Ты эти насмешки брось при исполнении служебных обязанностей!.. Инструкцию знаешь? А ну, предьявь паспорт!

— Паспорт? — изумился «герцог». — Да какой же может быть паспорт, если четверть валового сбора в вашу пользу?

Городовой быстро успокоился и занял «наблюдательный пункт», а «герцог» продолжал развлекать публику:

— Позвольте представиться: главный наездник цирка Труцци и бенгальский факир. Тигры, леопарды и другие насекомые придут наднях дополнительно, а сейчас прошу посмотреть несколько жутких фокусов, за которые имею почетный отзыв

от митрополита киевского. Итак, начинаем. Вот вы, молодой человек, — обратился он к деревенскому парню, — подойдите-ка сюда поближе. У вас такое лицо, точно вы наднях побывали в жандармском управлении. Видите эти два шарика?

— Бачу, — ответил парнишка.

— Красный я кладу в ваш правый карман, видите?

— Бачу.

— Зеленый — в левый. Видите?

— Бачу.

— Ну, где у вас зеленый шарик?

— Ось тут.

— Вынимайте его.

Парень вынимает красный шарик и растерянно улыбается:

— Як же це вин перескочив?..

«Герцог» показал еще несколько фокусов, потом разостлал на земле платок и приказал:

— Гоните все по две копейки! Что вы, не видите, что мне пора водку пить? Живо!

Зазвенели медяки, толпа поредела.

— Получите, ваше превосходительство, двенадцать копеек, — сказал он городовому.

Тут я подошел к нему и сказал:

— А меня хозяйка венником побила.

— Поздравляю, — ответил «герцог». — За что же это она тебя?

— Да за ваш вексель.

Он недоуменно посмотрел на меня, потом вдруг вспомнил:

— Постой, постой! Ты из харчевни?

Он был явно смущен:

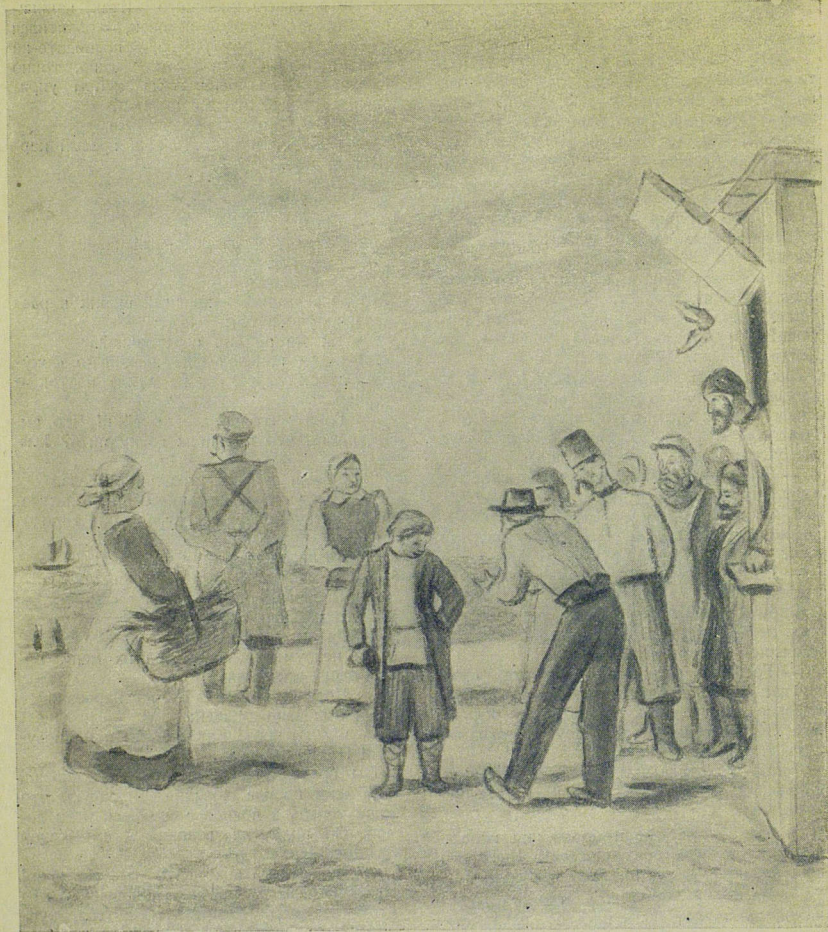
— Фу ты чорт! Как же это я не подумал! Подвел мальца...

Мы присели на бревно, и я рассказывал, как меня побила хозяйка. Я сказал, что живу теперь в подполье и боюсь идти домой. Он покрутил головой и с досадой крикнул.

— Подвел мальца! Что ты скажешь! Ну, ничего, не горюй, дело поправим. А это кто? Товарищ? Как звать-то тебя, курносый? Артемка? Ну, вот что, Артемка, вали к костинной матери и скажи, чтоб она не беспокоилась, что Костя, мол, жив и здоров, только домой сразу не придет. Пусть хозяйка малость поостынет, тогда он и предстанет пред ее паршивые очи. Вали! Ничего, Костя, не горюй! Пойдем, покажи мне твою нору.

И мы пошли к амбару.

— Прекрасно! — сказал «герцог». — У тебя, Костя, квартира первый сорт. Даже

Парень вынимает красный шарик и растерянно улыбается.

можно сидеть не сгибаясь. Вот только перин нет, а то было бы совсем чудесно. Ты, Костя, возьми меня к себе постояльцем. Мой особняк сейчас ремонтируется, так мне временно нужна квартира. Возьмешь?

— Что ж, — говорю я притворно равнодушно, — живите, мне не жалко.

— Ну, так считай, что я у тебя на квартире. Жди, вечером приду.

Я хитрил. Мне не только не было жалко, но я был счастлив: жить с таким веселым и добрым человеком, который знает столько интересных фокусов и так смело разговаривает с городовым!

С нетерпением я ждал вечера. А когда

в дыру просунулась голова и знакомый голос окликнул меня, я, уже не скрывая радости, живо отозвался:

— Здесь, здесь, «герцог», лезьте скорей!

«Герцог» влез, но вслед за ним, шурша и шелестя, вплзло в освещенное лунным светом отверстие какое-то странное чудовище со вздыбленной шерстью. Я схватил «герцога» за рукав и в страхе крикнул:

— Что это, что это?

— Эге-ге, да у тебя, паренек, нервы не в порядке! Это же охалка сена, которую я тащу за веревку.

Я облегченно перевел дыхание, а «герцог», втащив еще небольшой сверток, сказал:

— Я, брат, не люблю спать на голой земле. Твердо. То ли дело на сене! И мягко, и запах приятный.

Он сделал себе и мне из сена постели и взял за сверток.

— Вот принес кое-чего поужинать, а свечку не захватил. В темноте, пожалуй, еще и рта не найдешь.

— Найдешь, — сказал я уверенно. — Я найду. А свечку можно мою зажечь и даже в фонарь вставить.

Мы зажгли свечку и вставили ее в синий бумажный фонарик. Подполье осветилось голубоватым светом.

Я достал тарелку и нож и поставил все на сено.

«Герцог» вынул из свертка украинскую колбасу, помидоры, сладкий болгарский лук и хлеб.

Мы поужинали и улеглись на свои душные постели.

— Тебе сколько лет? — спросил «герцог».

— Скоро десять будет. А вам?

— Мне тридцать один. Зимой тридцать два будет. А отец твой кто был?

— Сапожник.

— А мой отец был дьякон. Не герцог, а дьякон. Про герцога я наврал. Я люблю шутить. Ты где учился?

— В церковно-приходской.

— А я, брат, духовную семинарию окончил. Чуть-чуть меня попом не сделали, да я вовремя догадался спиться. А хороший бы из меня поп вышел: я здорово врать умею.

— А как вас зовут?

— Зовут меня Алексеем, Алексеем Евсеичем. Так ты меня и зови: Алексей

Евсеич, а еще лучше — просто Евсеич. Вот фамилия у меня неподходящая — Погребальный. Я человек веселый, люблю солнышко, траву. Птиц люблю до страсти. На что мне такая фамилия! А ты что любишь?

Я любил многие вещи: фасоль с соевыми огурцами, медовую халву, клюквенный квас, переводные картинки. Но об этом говорить я не смел, чтобы Евсеич не подумал, что я совсем еще маленький.

— Я тоже траву люблю и птиц. И еще людей люблю, которые добрые и веселые, вот как вы, — сказал я.

Евсеич помолчал.

— Эх, паренек, — и голос Евсеича стал ласковым. — Жалко мне тебя. Сердце твое тянется к людям за теплом, как подсолнечник к свету, а дают тебе только одни пинки. Ну какие у тебя радости в жизни? Борякам борщ подавать? Ты, наверно, и игрушки-то за всю жизнь в руках не держал?

Я стал припоминать, какие у меня были игрушки, но вспомнить было нечего. Сапожная колодка, дверная ручка, кран от бочонка — вряд ли можно было назвать их игрушками.

— А у вас были игрушки? — спросил я.

— У меня были. У меня, Костя, хорошие игрушки были: и плюшевый медведь, и лошадка на колесиках, и заводной парход. Одна игрушка и теперь еще сохранилась в деревне, у старухи-тетки в сундуке лежит. Это, брат, такая игрушка, что и взрослому любопытно. Случилось моему деду в Швейцарии побывать, — продолжал он. — Понравилась там ему эта штука, и он купил ее для своего сына, т. е. для моего отца, значит, когда он маленьким был. От отца она перешла ко мне. Вынимали ее из сундука только по большим праздникам, вот как берегли. Оттого и сохранился механизм в исправности.

— Что же это за игрушка такая? — живо спросил я. — Заводной автомобиль что ли?

— Нет, не автомобиль, их тогда еще не делали. Не автомобиль, а волшебная шкатулка. Величиной она чуть побольше коробки, в которых гильзы для папирос продаются, но сделана из черного полированного дерева. На передней стенке три перламутровых кнопки. Нажмешь одну кнопку — поднимается крышка, и перед тобой открывается цирк. Круглая, в золотом песке, арена; на арене белая ло-

шадка, на лошадке наездница в голубом блестящем платье; на ножках ее золотые туфельки, а в руках серебряный обруч. За лошадкой собака, за собакой кошка, за кошкой мышка. Нажмешь вторую кнопку—слышится малиновый перезвон. А когда нажимаешь третью кнопку, то лошадка, собака, мышка и кошка мчатся вскачь по кругу арены под звуки марша. Вот, брат, какая игрушка!

Я слушал как зачарованный.

— Вот бы мне взглянуть... хоть разок, — сказал я мечтательно.

— Разок взглянуть? — сказал Евсеич слегка изменившимся голосом. — Гм... да-а...—и задумался, затем, как бы прогнав какие-то мысли, решительно сказал: — Спать надо! А то мы так с тобой до утра проболтаем!

Я послушно закрыл глаза, но уснуть не мог, расстроенный рассказом о волшебной шкатулке. Прекрасная наездница до того пленила мое воображение, что даже явилась ко мне во сне. Мне снилось, будто я сижу за стойкой и подсчитываю медяки. Вдруг слышу цокот копыт. Дверь широко распахивается, точно от порыва ветра, и прямо в харчевню везжает на снежнобелой лошади белокурая красавица с блестящим обручем в руке. Лошадь подходит к стойке и несколько раз кланяется мне головой, а наездница гладит рукой ее серебристую гриву и, смеясь, говорит: «Вот, Костя, какая у меня умная лошадка! Хочешь покататься на ней?» Вдруг из кухни выскакивает хозяйка и грязным венником бьет лошадь по голове. Я явственно вижу на белой лошадиной морде грязные полосы, и это приводит меня в иступление.

— Ведьма! Ведьма! — закричал я, бросаясь на хозяйку со сжатыми кулаками... и проснулся.

Волшебная шкатулка

Я с нетерпением ждал весны, но ускользнула ее приближение было не в моих силах, а время тянулось медленно и тоскливо.

Осенью неделями моросил мелкий дождь, не верилось, что когда-нибудь опять выглянет солнце, из земли ползут лебеда и калачики, а на каменных плитках харчевни высохнут, наконец, грязные следы опорков.

Выпал первый снег. Все посветлело и прояснилось, даже стены нашей харчевни, даже лицо нашей хозяйки.

Евсеич спал. Его ровное дыхание успокоило меня. И я опять заснул.

Утром Евсеич сказал:

— Ну, Костя, сегодня играем, завтра уезжаем. Больше трех дней мне не усидеть на одном месте. Привыкли ноги ходить, и никак их не удержишь: сами шагают. Завтра беру курс на Мариуполь.

В это время в дверях показался Артемка.

От Артемки узнали, что хозяйка «отошла» и теперь очень «нудится». Вчера целый день зевала, спать хотела, а посадить за стойку было некого.

Решили, что наступил самый подходящий момент для моего возвращения.

В харчевню вошли все трое; впереди Евсеич, за ним я, за мной Артемка.

— Мадам, — сказал Евсеич, галантно кланяясь, — наднаж вследствие моего врожденного легкомыслия, житейской неопытности Кости и вашего африканского темперамента произошел весьма печальный случай. Позвольте уплатить вам восемь копеек и уверить вас, что веник имеет только одно назначение — мести сор. Костя решил было вступить в банду «кровавых мстителей», но я из жалости к вам разубедил его и поклялся именем святой Пелагии, покровительницы всех харчевен, что вы его отныне пальцем никогда не тронете. Бойтесь, мадам, превратить меня в клятвоступника! В гневе я однажды зарезал одну трактирщицу — не вводите меня в грех! Адю, мадам! Весной я ваш гость.

Затем он взял меня за руку, отвел в сторону и сказал:

— Ну, Костя, до свидания! До весны я побываю на родине, а весной опять буду в ваших краях. А шкатулка будет твоя.

Но прошел и лютый февраль и влажный март.

И, наконец, над немощеной площадью заколебался прозрачный пар, и земляные дорожки между лавками стали быстро подсыхать. Нетерпение мое возрастало.

Артемка, заходя навестить меня, всякий раз спрашивал:

— Ну как? Не было?

И хотя весна еще только-только задышала, удивлялся:

— Вот же как долго человек идет!

Что «человек идет», ни я, ни Артемка ни на минуту не сомневались. Правда, Евсеич сам признавался, что умеет здорово врать, но мы были убеждены, что нам он соврать никак не мог.

— Не такой человек, чтобы зря болтать,— говорил Артемка и добавлял: — Верно уже близко.

Но дни шли за днями. На смену отцветшей в скверах сирени по всем улицам города забелела акация и отцвела, усыпав тротуары высохшими белыми лепестками.

А Артемка все спрашивал:

— Ну как? Не было? Ну чего он так долго идет?

И вот, когда уже отцвели розы, в наши сердца закралось сомнение.

Первым усомнился Артемка:

— А может, он идет, да не сюда?

— Как не сюда?— удивился я, и сам испугался.— А куда же?

— Да мало ли всяких городов, чи что! Их аж четырнадцать: Петербург, Ростов, Вареновка...

На следующий день подозрения Артемки стали более определенными.

— Запил,— сказал он,— загнал твою шкатулку и запил. Вот он какой человек!

Однажды, когда хозяйка ушла к кому-то на крестины, а я уныло сидел за стойкой, в харчевню вошел маленький седенький старичок. Не торопясь снял он свою котомку, отвязал жестяной чайник и вытер лицо и лысину красным платочком.

— Сынок!— позвал он меня.

Я подошел.

— Покушать чего найдется?

Старик степенно ел, потом спросил киятку и заварил чай. Он вынул из котомки и положил на стол кулечек с вишнями, жестяную коробочку с сахаром и вязку бубликов.

— Чайку выкушать желаешь?— предложил он мне.

Я немедленно притащил еще одну чашку и уселся рядом с дедом.

После того как мы с удовольствием выпили с бубликами и вишнями по третьей чашке, дед сказал:

— Вот пью я с тобой чай, беседы беседаю, а как зовут тебя, касатик, не знаю.

Узнав, как меня зовут и чей я сын, дед закивал головой:

— Так, так, приметы эти самые. Адрес правильный, в самую точку,— и вдруг неожиданно спросил.— Это, значит, тебе

Алексей Евсеич обещал доставить какую-то машинку?

Я еле мог прошептать:

— Шкатулку... представление... А где же Евсеич?

— В бараке он заразном, в больнице, значит. Пробирался сюда, к морю. До Ростова мы шли вместе, а в Ростове его тиф подломил. В ночлежке на нарах мы рядом лежали, когда его в жар стало бросать. А как приехала будка, чтоб в барак его свезти, он и говорит мне: «Разденут меня, отберут одежку и вещицы, барахло-то при выписке назад отдадут, а шкатулку, что при мне, как пить дать, стянут. Так ты, дед, возьми ее с собой и отдай мальцу, которому я ее пообещал». Рассказал мне все приметы, где найти тебя, значит, и показал, как с этой шкатулкой обращаться надо, чтоб ее в действие приводить. На другой день пошел я в барак, чтоб, значит, повидать его или хоть бы узнать, что про него, а фельдшер и говорит: «Ты, дед, сюда не ходи, не разноси лаптями заразу по всему свету. Коли умрет, так и без тебя умрет». Вот он какой, фельдшер-то этот! Ну, я шкатулку и доставил тебе в справности.

Дед наклонился к котомке, покопался в ней и хряптя вынул что-то, завернутое в зеленую тряпицу.

— Вот она,— говорит он,— шкатулочка-то твоя. Заня-ятная штука!— и не торопясь размотал тряпицу.

Я как зачарованный смотрел на руки деда, которые бережно протирали тряпочкой черную тускло поблескивавшую поверхность шкатулки. Я видел на ней три белых парламунтовых кружочка, прикосновение к которым должно вызвать появление прекрасной наездницы. Я боялся шевельнуться, чтобы не исчезли, как в сказке, и чудесный дед и волшебная шкатулка.

А дед все так же неторопливо объяснял:

— Замечай! Вот эту ручку надобно покрутить двенадцать раз: будешь крутить больше, пружинка лопнет и твоему цирку крах наступит. Ну считай: раз, два, три...

Я осторожно стал вращать рычажок, и мы в два голоса считали до двенадцати.

— Стоп!— сказал дед.— Будет. Машина в полном заводе. Теперь нажимай на эту пуговку, а другой рукой попридерживай крышку,— пусть не враз отскакивает, не портишь петельки зря.

Крышка отскочила, и я жадно впился

взором в маленькую красавицу на белой лошадке.

Шкатулка была сделана прекрасно. Не только явственно был виден красавицок на золоченой туфельке, но видны были даже белые коготки на лапках собаки. Трудно сказать, что меня больше восхитило: нежное ли лицо улыбающейся красавицы, блестящие глазки мышонка или свесившийся набок розовый язычок собаки.

А когда после мелодичного перезвона колокольчиков все животные, точно по команде, поднялись на задние ноги, поклонились в одну сторону и галопом помчались по кругу, я вцепился в дедов рукав и от восторга закричал.

И в тот же момент за нашими спинами раздался хриплый бас:

— Ты где же это стащил шкатулку, старый колдун? Ах ты, прохвостина!

Я вздрогнул, а дед поспешно поднялся со скамьи.

Перед нами, расставив широко ноги и выпятив брюхо, стоял околоточный надзиратель Горбунов, а из-за плеча его выглядывал городской Нестерчук. Я их хорошо знал: наша хозяйка, торгуя без патента водкой, каждый месяц задабривала Горбунова новенькими серебряными рублями и потчевала в своей комнате коньяком с лимоном; Нестерчук же частенько заходил бесплатно выпить стопку водки «за здоровье мадам Сивоплясовой».

Дед, вытянув руки по швам и выпятив вперед грудь, по-военному ответил:

— Никак нет, ваше благородие, не извольте беспокоиться: шкатулочка некраденая.

— То есть как это некраденая? Не скажешь ли ты, воронье пугало, что нашел ее на дороге? А может, тебе подарила ее добрая барыня, чтобы ты забавлялся и не плакал?

— Ваше благородие, дозвоьте вот объяснить: шкатулочка эта подаренная от этому мальцу. Он ее почитай год целый ждал. Алексей Евсеич, отца-дьякона сынок, еще прошлым летом ему пообещал, да заболел тифом. Как ему, значит, невозможно самому-то двигаться, он и препоручил мне шкатулочку-то эту доставить.

— Какой Алексей Евсеич? Что ты врешь, старый пес! Где он, этот твой Алексей Евсеич?

— В бараке он, ваше благородие, в разном бараке в Ростове лежит.

— В бараке? Сынок отца-дьякона в бараке лежит? Да ты что — смеяться надо мной вздумал, что ли? Нестерчук! Взять его! Тащи его, подлеца, в участок!

И не успев я опомниться, как жирная красная лапа вырвала у меня из рук шкатулку.

— Конфискую! Краденая вещь подлежит передаче в казну.

Я вскрикнул, схватился руками за ногу околоточного и зубами вцепился в синее сукно его штанов. Но тотчас же от тяжелого тумака по голове отскочил в сторону и ударился лицом об стену. Искры брызнули у меня из глаз, и я потерял сознание. Очнувшись, я увидел склонившуюся надо мною мать с кружкой воды в руке. Ни полиции, ни деда, ни шкатулки в харчевне уже не было.

Череп околоточного

Велико было мое горе. И хотя в голове у меня шумело, а из носу шла кровь, я все-таки отыскал Артемку и рассказал ему, что случилось.

— Ну, деда они выпустят, на что он им, — сказал спокойно рассудительный Артемка. — Надают ему по шее — и выпустят. Морда твоя заживет. А шкатулка как же? Ее надо назад воротить.

Легко сказать — воротить.

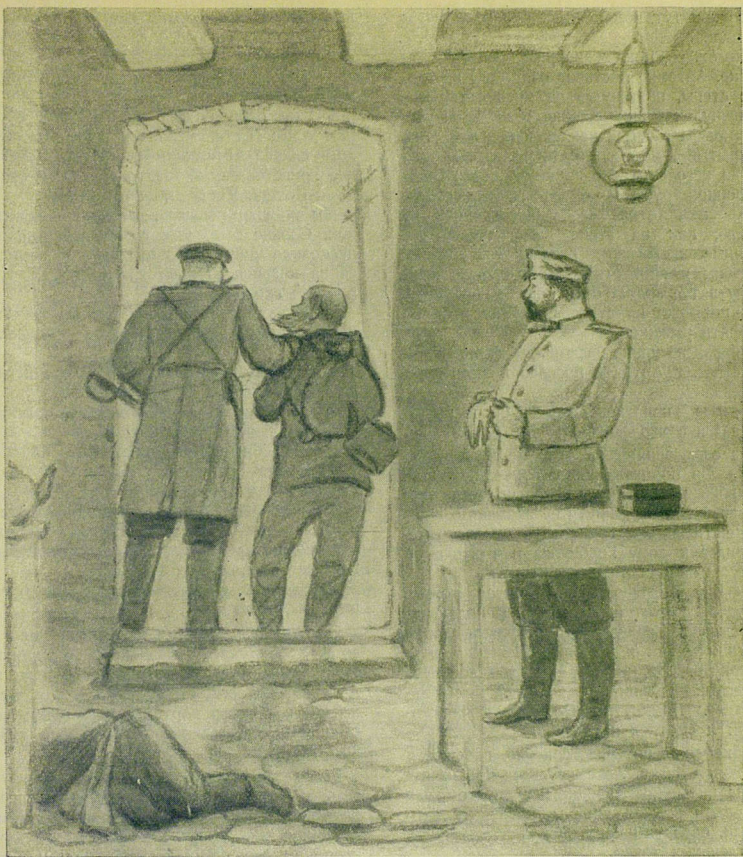
Тем не менее мы решили, что Артемка займет близ участка наблюдательный пункт и проследит, выпустят ли деда, а если выпустят, то распросить его обо всем.

Артемка возвратился часа через два и рассказал о своих наблюдениях.

Полицейский участок находился в переулке вблизи площади. Избрав наблюдательным пунктом скамью у противоположного дома, Артемка ясно видел через открытое окно «приемной» участка голову и плечи деда. Старик что-то говорил и кланялся. Спустя минутку дед появился в дверях участка. Часто крестясь, он поспешно засеменял вдоль переулка. Артемка в несколько скачков оказался рядом с ним.

— Постой, дедушка, минуточку! Я костин товарищ, — отрекомендовался он. — Ну что, воротили тебе шкатулку?

— Куда там! — махнул дед рукой. — В казну забрали, так и скажи Косте. А мне велели из города уходить, чтобы в пять

— Конфискую! Краденая вещь подлежит передаче в казну.

минут тут не было... Вот они какие, слуги антихристовы. Еле ноги уволок... Околоточный-то этот ка-ак даст мне...

В это время в дверях участка показался Горбунов. Дед чуть не рысью припустил вдоль участка. Подмышкой у Горбунова торчала шкатулка. Артемка последовал за околоточным.

«В казну понес,— подумал Артемка.— Надо посмотреть, где она, эта казна».

Дом, в который вошел Горбунов, был

просто кирпичный, одноэтажный дом с тремя окнами, прикрытыми от солнца зелеными деревянными решетками. Артемка стоял перед домом и размышлял, почему казна имеет такой обыкновенный вид.

Из калитки вышла женщина в грязной подтыканной юбке и вылила на дорогу помой.

— Тетка, казна тут помещается? — спросил Артемка.

— Тю, дурак! — удивилась женщина.—

Горбунов тут помещается, околоточный, а не казна.

Подождав, пока женщина скроется в калитке, Артемка поставил одну ногу на карниз стены, подтянулся на мускулах рук и прильнул к решетке окна. В щель он увидел кресла в белых чехлах и круглый стол, покрытый темной скатертью. Со стола прямо на него смотрело широкое жерло граммофонной трубы. В комнате людей не было, и Артемка хотел было уже соскочить на землю, как на стене шевельнулись две длинные занавески, раздались в разные стороны и пропустили черноволосую женщину в туфлях на босу ногу и Горбунова. Он поставил на стол шкатулку и начал вращать рычажок.

Вблизи на улице послышался скрип чьих-то сапог, и Артемка поспешно спрыгнул с карниза.

— Все понятно,— сказал он и рысью помчался в харчевню.

На следующий день Артемка не показывался. Он помогал своему отцу-сапожнику. Но, вбивая молотком в подошву деревянные гвозди, он ни на минуту не забывал о шкатулке. Перед закатом солнца он опять отправился к дому Горбунова и в харчевню явился уже при полных сумерках.

— Был,— сообщил он,— сейчас только оттудова. Решотки расперты. И колокольцы слышал. Забавляется Горбуниха чужой игрушкой. Так и хотелось камнем в окно шпунуть. Ну, ничего, мы свое возьмем!

Весь следующий день я провел как в лихорадке. Поминутно выскакивал из харчевни и смотрел на солнце.

Наконец, я потерял терпение, побежал к сапожной будке. Артемка сидел против отца на низеньком чурбане и с хрустом, раз за разом втыкал шило в каблук чьей-то туфли, образуя на нем полукруг маленьких кругленьких точек.

— Бог в помощь, дядя Никита! — сказал я обычное приветствие.— Чи вам не пора уже кончать?

— Бог-то бог, но и сам не будь плох,— ответил артемкин отец.— А кончать еще рано, видишь, сколько непчатого лежит.

Я с удовольствием втянул носом знакомый запах лака, смолы и размачиваемой в ложани кожи. Чтоб убить время, я попросил Никиту:

— Давай, дядя, я латку прострочу! Ты не бойся, я умею. Я отцу еще как помогал!

Мы молча стали работать втроем. Но вот Никита, опустив на пол плотно

насаженный на колодку башмак и сняв с такого же курносого, как у Артемки, носа очки, сказал:

— Шабаш! Бросайте работу! Артемка, чисть селедку!

— Ты, батя, почишь сегодня сам, а то нам с Костей времени нету, по делу надо,— сказал Артемка и взял с полки заранее приготовленный сверток.

— Пошли, Костя, самый раз!

Мы прошли площадь, свернули в переулок. Солнце было уже совсем низко. Еще несколько минут — и оно начнет скрываться за красной крышей далеко видной городской скотобойни.

Погружая босые ноги в мягкую теплую пыль дороги, мы пристально смотрели вдаль.

— Ну что, не видать еще? — нетерпеливо спрашивал я.

— Дом видать, а не разобрать отсюда, расперты решотки, чи нет!

Спустя минуту Артемка сказал:

— Кажись, расперты... Так и есть, расперты. А ну, прибавь пару!

Мы перешли на рысь и быстро приблизились к дому Горбунова. Здесь, у ворот, остановились и выжидали, когда поблизости не будет прохожих.

— Кажись, момент подходящий,— прошептал Артемка.

Он открыл калитку и решительно вошел во двор. Я остался у калитки. Мне хорошо были видны окна, выходящие на улицу, и Артемка, который стоял перед окном, выходящим во двор. Артемка оглянулся по сторонам, сплюнул, вынул из кармана губную гармонику и заиграл.

Белая занавеска заколебалась, сдвинулась, и в окне показалась красивая, сравнительно еще молодая женщина. Сквозь глубокую лень, лежавшую на ее ситом черновом лице, глянуло любопытство. Артемка еще немного поиграл, затем оторвал гармонику от губ, сплюнул и сказал:

— Тетенька, вы мне дайте копейку, так я вам еще и не то сыграю.

Женщина зевнула, подумала и лениво спросила:

— А что ж ты сыграешь?

— Что? Да хоть бы и краковяк!

— Ну, играй,— сказала женщина,— а копейку потом дам.

Артемка значительно взглянул на меня (я стоял так, что «околоточника» не могла меня видеть), приложил гармонику к губам и опять заиграл.

От волнения и у меня перехватило дыхание. Я быстро оглянулся, сделал три скачка к окну, выходящему на улицу, и только поднял руки, чтобы ухватиться за подоконник, как увидал, что из-за угла переулка вышел прохожий и зашагал в мою сторону. Я опустил руки и опять стал на прежнее место. Артемка взглянул на меня и поперхнулся.

— Разве ж это краковяк? — сказала женщина недоуменно. — Это даже и не поймешь, что такое.

— Нет, тетенька, краковяк! Вот ей богу, краковяк! Шо ж я брехать буду, чи што!

— Ну, ладно, играй что-нибудь другое.

Артемка снова сплюнул, вытер губы рукавом и сказал:

— Можно и другое.

Затем он поднял глаза к небу, как бы вспоминая, минутку подумал и опять заиграл. Женщина пренебрежительно фыркнула.

— Э, да ты больше ничего не умеешь, — сказала она и сделала движение, чтобы отойти от окна.

— Тетенька! — с отчаянием в голосе крикнул Артемка. — Подождите! За бога ради подождите! Я ж вам сейчас стишки расскажу!

На лице женщины опять проглянуло любопытство.

— Ну, говори, — сказала она.

Артемка взглянул на меня, и в этом взгляде, исполненном недоумения, отчаяния и возмущения, я ясно прочел вопрос: «Да чего ж ты стоишь, трус несчастный?!» Я не знал, как дать ему понять, что к дому приближается прохожий, и смотрел на своего приятеля молча и жалобно. Артемка порывисто вздохнул и часто затараторил:

«Ну, так едет наш Иван
За кольцом за океан...»

— Не хочу я тебя больше слушать, — сказала женщина и бросила к ногам Артемки копейку. — Бери и убирайся!

— Тетенька! — заговорил Артемка. — Да куда ж вы?! Я ж вам сейчас такое покажу, что вы аж лопнете!.. Вот смотрите!..

Он быстро сел на землю, пригнулся и большим пальцем ноги стал чесать себя за ухом.

«Горбуниха» сначала смотрела с величайшим изумлением, затем упала грудью

на подоконник и затряслась в неудержимом хохоте.

— Да ты что же, из цирка, что ли?! — выговорила она, вытирая платочком выступившие от смеха слезы.

— Ага, тетенька, из цирка, — соврал Артемка, не моргнув даже глазом. — Вот смотрите, как я умею!

Поднявшись, он зашлепал босыми ногами, а затем пустился в присядку, выкрикивая:

«Сыпь, кума, камешки!
Не боюсь я матушки,
Боюсь мужа-дурака:
Наколотит мне бока...
Гоп! Гоп! Гоп! Гоп!»

«Околоточниха» громко смеялась, Артемка бешено кружился. Вокруг никого не было. Я вскочил на подоконник, влез в комнату и схватил со стола свою шкатулку. Но второпях я зацепил ногой за стул. «Околоточниха», лежавшая грудью на подоконнике, быстро поднялась и обернулась. Увидев меня, она пронзительно крикнула. Я только что успел вскочить на подоконник, как в дверях, ведущих в смежную комнату, появился Горбунов. Он был в форменных шароварах и в ночной сорочке. Должно быть, он отдыхал после обеда. С ревом он выскочил вслед за мной в окно и понесся за нами вдоль переулка.

Мы бежали быстро и, вероятно, скоро бы скрылись от Горбунова. Прохожие с истинным удовольствием кричали вслед начальству: «Тю-у-у! Ара-а-а!» Но на нашу беду несколько мчавшихся один за другим экипажей пересекло нам дорогу. Горбунов оказался вблизи нас. Слыша около себя его порывистое дыхание и чувствуя, что мне не уйти, я выпустил из рук шкатулку, в расчете, что ее подхватит Артемка, и бросился под ноги Горбунова. Огромная туша тяжело ударила о меня и стремительно шлепнулась в пыль. В то же мгновение я услышал хряст дерева и жалобный стон лопнувшей пружины шкатулки. Увы! Череп околоточного, угодивший в упавшую на землю шкатулку, оказался крепче ее. Я вскочил. Горбунов сидел впереди меня в пыли дороги. Он щупал голову руками и ошалело таращил глаза.

Через три минуты мы с Артемкой уже сидели в подполье и напрасно старались пробудить в шкатулке жизнь: в ней все было неподвижно и немое.

В следующие дни я не покидал моего подполья и все думал о том, как мне воскресить сломанную шкатулку. Через ее проломанный бок был ясно виден блестящий механизм, состоявший из множества зубчатых колесиков, валиков, пружинок и самой разнообразной формы пластинок. Я часами смотрел на таинственные колесики и пружинки механизма, стараясь разгадать его тайну.

Трое суток я почти не вылезал из подполья, перепробовал все винтики, гаечки и пружинки, но узнать, где случилась порча, я не мог. С каждым часом я все более убеждался в том, что мне не воскресить жизнь в сломанной шкатулке, и с каждым часом во мне росло желание проникнуть в ее тайну.

Когда Артемка принес мне очередную тарань и краюшку хлеба, он застал меня до того огорченным, что невольно заморгал глазами.

— Ну, чего ты?—утешал он меня.— От же какой чудной! Починим, не бойся. Батька сказал, что надо в слесарню отдать, и сорок копеек обещал дать. Почти-нюти! Еще лучше будет, от увидишь!

Завернув шкатулку в тряпочку, мы понесли ее в полуподвальное помещение с вывеской «Слесарная мастерская и починка примусов. Аснес и К^о». Ни один старожил не помнил, чтобы в этой мастерской работал еще кто-нибудь, кроме самого Аснеса, но старик полагал, что эта вывеска придает необходимую солидность его предприятю, и тщательно подновлял свежими красками слова «и К^о», когда они начинали тускнеть. Он долго рассматривал шкатулку, дул на механизм, царапал ногтем поверхность стенок и даже нюхал их; наконец, завернул шкатулку в тряпочку и возвратил нам:

— Несите к часовщику.

— Дедушка,— сказал я,— а не возьмете ли вы меня до себя в компанию?

Старик добродушно рассмеялся:

— Какая же ты мне компания? Таких, как ты, берут, да только в ученики, а не в компанию.

— Ну хоть и в ученики.

Но Аснесу ученики были ненужны. Он и сам не знал, как прокормиться. Где уж тут лишний рот держать!

Часовщик тоже не взялся чинить шкатулку.

— Дядя,— сказал я, задыхаясь от волнения,— возьмите меня в ученики.

— Это ж для чего? Чтобы ты у меня часы покрал, как эту шкатулку?

— Нет, дядечка, эта шкатулка некраденая! Я вам даже подарю ее, только возьмите меня.

Но часовщика шкатулка не соблазнила.

— Ступайте, хлопцы, ступайте! Не надо мне учеников, ступайте!— говорил он, выпроваживая нас.

Так мы обошли почти все мастерские города. Нигде не хотели чинить шкатулку, не хотели и меня брать в ученики.

И только в одной мастерской, где работало трое рабочих, мне повезло.

— Что ж,— сказал хозяин, выслушав мою просьбу,— пусть придет отец или кто там у тебя есть, может, и столкнемся: ученик мне нужен.

Я был счастлив.

Когда мы подходили к подполью, Артемка сказал:

— Давай закопаем шкатулку, чтоб ее Горбунов не нашел. Пусть она лежит закопанная до того лета, а там летом откопаем и запустим. Ты же до лета научишься починять?

— Научусь,— сказал я уверенно,— я и новую такую сделаю, вот увидишь, сделаю и подарю тебе.

Мы вырыли под амбаром ямку, устлали дно ее соломой и опустили туда завернутую в тряпочку шкатулку.

Надо ли говорить, сколько страданий принесли мне годы ученичества.

Я пережил много хозяйев и городов, но всюду было одно и то же.

Ну, вот и вся история со шкатулкой.

Вырыть ее мне не пришлось. Шли годы. Благодаря революции я стал инженером. Однажды я проездом заглянул в свой родной город. На том месте, где когда-то стояли базарные лавки и наш амбар, я увидел хороший сквер. Евсеич давно уже умер.

Что же касается Артемки, я никогда не порывал с ним связи, и он до сих пор мой лучший друг.

Книги, служившие революции

А. Роскин

Это было давно, еще в ту пору, когда Горький безвестным скитальцем бродил по глухим российским местам.

Человек разной неприметной работы, он брался за всякий труд: посудник, птицелов, чертежник, десятник, грузчик, пекарь, садовник, хорист, сиделец в лавке; в дни странствий по степи между Волгой и Доном Горький поступил весовщиком на маленькую железнодорожную станцию Крутая.

Одиночества Горький не боялся. Он успел уже присмотреться ко множеству простых русских людей, наполнить до краев свою память картинами горестей и страданий народа. И, может быть, ему улыбалось теперь пожить в одиночестве, чтобы прочувствовать душой все, что довелось ему увидеть за годы скитаний.

Но в одном нуждался Горький всегда— в книге. Очень быстро проглотил он все книги, которые удалось добыть на шести станциях между Волгой и Доном. Даже ста-

рые номера «Нивы» были уже нестерпимо знакомы. Для весовщика станции Крутая наступили дни книжного голода.

Он почувствовал себя как будто помещенным под воздушный колокол—так сжималось сердце от чувства пустоты.

В одном из своих автобиографических рассказов Горький описал это чувство книжного голода, описал с такой почти трагической силой, с какой иные путешественники повествовали о жажде в пустыне.

«Нечем жить,—это, кажется, самое жуткое ощущение, испытанное мною».

Так писал Горький в этом рассказе. То не было преувеличением. Борьбой за книгу наполнена вся юность Горького.

Какой-то скучный умник обратился однажды к Алексею Максимовичу с нелепым вопросом:

— В какой обстановке следует читать книги?

Горький ответил ему с грустной усмешкой:

— Будучи мальчишкой, читал на печи по ночам, занавешивая огонь одеялом, чтобы не видно было, что я читаю, и чтобы наутро меня за это занятие не вздули. Хорошо также читать, сидя под столом и огораживая непроницаемыми для огня предметами, в пустой бане.

«Обстановка», в которой Горький читал книги, была «обстановкой» трудной жизни новика солдата и сына столяра Алексея Пешкова. Он читал книги в чуланах при мигающем свете сальных огарков, в парходных камбузах, на крышах сараев, читал у печи булочного заведения, на койке ночлежек, в камере острога, читал возле ночного костра, у края заглохшего большака...

За книгу Горький боролся, и эту борьбу справедливо можно назвать героической.

Борьбу эту вел Горький и тогда, когда жизненные трудности, испытанные человеком, которого царское правительство с тупым упорством продолжало в официальных документах именовать «нижегородским мещанином», были уже позади.

В кабинете у «нижегородского мещанина» лежал учебник японского языка.

— Зачем вам это? — с удивлением спрашивали посетители у Алексея Максимовича.

И он со смущенной улыбкой объяснял:

— У японцев богата, удивительно своеобразная литература... Она почти не переведена. Надо же знать. Вот...

И Горький готов был биться над японским учебником, хотя иностранные языки вообще давались ему очень трудно. Ибо... «надо же знать»...

Но все-таки к нему, начитаннейшему человеку нашего времени, знатоку и великому любителю книги, как-то особенно не подходило это скучное слово — «книжник».

Он любил книгу такой же живой любовью, какой любил он все, что украшало и делало богаче существование человека на земле.

На острове Капри, в Италии, у Горького гостили русские художники. Часами наблюдал Горький, как набрасывали они на холсты каприйские пейзажи, точно расшитые в яркие шелка цветущими маками и оливами. И Горьким овладевала мечта — не-

пременно самому стать художником, овладеть тайнами искусства живописи.

А часы, проведенные за слушанием музыки, заставляли его, старого уже человека, терпеливо знакомиться с нотной грамотой и даже приниматься за гаммы...

Всегда жила в нем и мечта — посвятить себя театру. И эта мечта претворялась иногда Горьким в действительность. В Мануйловке, тихом украинском селе, Горький устроил народный театр. На скрипучих дощатых подмостках Горький разыгрывал роли, которые волновали его еще в юности, когда он сидел на галерке ярмарочного театра в Нижнем.

Голос его со сцены звучал глухо; в молодости Горький, работая на волжском пароходе, унал в трюм и разбился. Превосходный его тенор перешел тогда в надтреснутый баритон...

Живопись, музыка, театр—искусство. Но, казалось, нет такого ремесла, к которому Горький был бы равнодушен.

Горький за свои молодые годы успел узнать около тридцати профессий и изучить множество ремесел.

В биографиях Алексея Максимовича часто пишут о том, что на разнообразный труд толкала Горького жестокая нужда.

Это верно, но только отчасти.

Не одна нужда толкала Горького менять один труд на другой. Его не только толкало, но и влекло: влекло познать человеческий труд, любопытные секреты ремесел, пестрый язык различных профессий, характеры людей разного призвания.

Это была все та же ненасытная и смелая горьковская любовь к жизни.

Отсюда и интерес Горького к произведениям тонкого ремесла, например к произведениям труда чеканщиков. Немногие знают, что Горький был замечательным нумизматом — собирателем и знатоком старинных монет. Когда в заграничных музеях возникали сомнения относительно какой-нибудь монеты, за разрешением споров иногда обращались к Горькому. С мнением его считались как с мнением подлинного специалиста.

Горького можно было назвать собирателем. Но собирал он по-своему: не только то, что имело определенную, общепризнанную ценность: монеты, картины, книги,

разные изделия мастеров Востока. Во время своих скитаний по России Горький попал в Бессарабию.

На реке Чангуле услышал он песнь де-вушки-молдаванки.

Она пела под звуки кобзы:

— Оэ, Мара, реэбулэ Мара-а...

Песня эта понравилась Горькому. Он попросил перевести ему песню на русский язык.

Заплатить переводчику было нечем. И Горький, не задумываясь, снял со своего тела рубашку и отдал ее переводчику в награду.

За не знакомую еще песню Горький готов был отдать все, чем владел он, нищий скиталец.

Таким собирателем оставался он до конца своих дней. Дороже самых редких монет, драгоценнее всех вещей была для него песня, потому что в ней звучит живая жизнь народа. Песня, что поет народ, бывает радостной или печальной, бывает она спокойной, но никогда не бывает равнодушной.

И Горький хотел, чтобы книги, которые создают писатели, были веселыми, грустными, мудрыми, но не холодными.

Когда-то, семнадцатилетним пекарем, слушал он лекции о литературе. Лектор звонко объяснял:

— Литература существует для отдыха души.

Горький кратко отметил у себя в дневнике: «Врет».

Уж тогда знал он, что книга должна тревожить душу.

Горький писал беспокойные книги — книги, служившие революции.

И только беспокойным книгам отдавал он свой труд, свои мечты, свою жизнь.

Ему хотелось, чтобы и другие создавали эти беспокойные книги.

На пороге Октябрьской революции Горький задумал издать серию биографий великих людей: Бетховена, Колумба, Гарибальди.

Он выбирал «беспокойных» людей — людей, посвятивших свою жизнь страстным поискам и героической борьбе — поискам новых звуков и новых земель, борьбе за общественную справедливость.

Горький хотел, чтобы книги написали: о Бетховене — революционный писатель Ромэн Роллан, о Колумбе — неутомимый исследователь Фритьоф Нансен.

И о Гарибальди, итальянском революционере, который называл Интернационал «солнцем будущего», хотел писать сам Горький.

Книги о Гарибальди он не написал. Не успел написать он и те книги, о которых мечтал на пороге смерти.

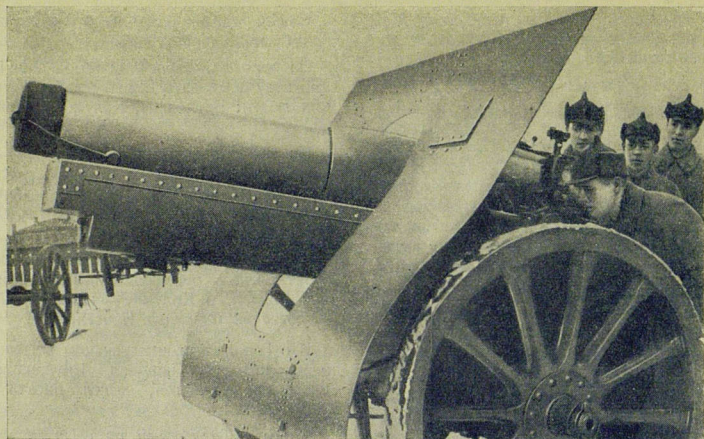
— Еще четыре книги надо написать. Обязательно, — твердил он.

Два года тому назад враги оборвали жизнь Горького.

Горький погиб на боевом посту, защищая с пером в руке нашу замечательную родину. За его огненные слова, за ненависть к фашизму, за его непоколебимую преданность делу революции убили Горького враги революции, преступники — бухаринцы и троцкисты.

Горький погиб, но с нами осталась память о нем, с нами живут его «беспокойные» книги, полные неисчерпаемой любви к жизни и непримиримой ненависти к врагам.

Артиллеристы тренируются в меткой наводке орудия.

Грозное оружие

Командир П. Н. Багров

Наша родина и славная Красная Армия гордятся не только отважными летчиками и умелыми танкистами. Советские артиллеристы готовы в любую минуту обрушить на голову врага могущественный огонь советских орудий. Об укреплении нашей грозной артиллерии заботится товарищ Сталин, заботятся вся страна и партия. Наша артиллерия так же, как наши авиация и танковые части, лучшая в мире.

Служба в артиллерии почетна и важна, так как в современном бою меткий огонь артиллерии часто приносит решающую победу.

Недавно Военное издательство выпустило замечательно интересную книгу. Называется она «Артиллерия». Очень советуем прочесть ее всем ребятам. Будущие отважные бойцы Красной Армии должны хорошо знать о грозном оружии современного боя.

Редакция попросила командира-артиллериста рассказать нашим читателям о действиях артиллерии. Рисунки мы взяли из книги «Артиллерия».

Сокрушительный огонь

У нас в армии огнем называют стрельбу из винтовок, пулеметов, орудий. Современный бой — огневое состязание. В нем скорее одержит победу тот, у кого бойцы отважнее, преданнее своей родине, тот, кто метче стреляет, у кого больше пушек и пулеметов, кто лучше умеет их использовать.

Из всех видов наземных войск сильнее всего огонь артиллерии. Во время мировой империалистической войны был такой случай. Полгода дрались немцы, чтобы захва-

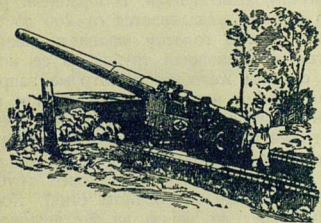
тить французскую крепость Верден. Благодаря оплошности французов им удалось взять два форта. Французам надо было во что бы то ни стало отобрать их назад. Несколько дней они атаковали форт Дуомон, но все атаки отбивались. Пять дней обстреливали форт из орудий, но взять или уничтожить форт не могли: такие толстые были стены его подземных казематов. Тогда французы подвезли по железной дороге тяжелое орудие весом в 137 тонн. Каждый снаряд этого орудия весил 640 килограммов — больше полутонны. И фактически б

снарядов этого орудия хватило, чтобы разрушить несокрушимый форт и заставить немцев отдать его французам.

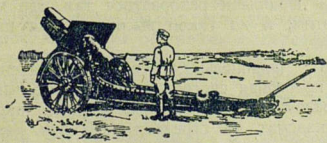
Другой случай произошел недавно в Испании. Фашисты наступали. Их танки прорвали фронт обороны республиканцев. Но, мчась вперед, фашистские танки наткнулись на хорошо укрытую противотанковую пушку республиканцев. В нескольких сотнях метров республиканская пушка открыла по танкам огонь в упор, и через 3 минуты 9 фашистских танков были уничтожены.

В другом месте фашисты готовили наступление и собрали для него много войск. Республиканцы заметили скопление войск, быстро подвели орудия и открыли огонь. Мятежники не выдержали точного и сокрушительного огня республиканских батарей и бежали, оставив много убитых. Наступление фашистов провалилось.

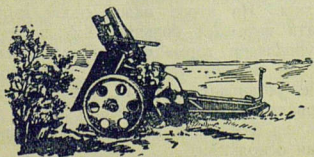
**ВСЕ ЭТИ ОРУДИЯ ОДНОГО КАЛИБРА:
ДИАМЕТР ИХ КАНАЛОВ ОДИНАКОВ.**

Пушка.

Гаубица.

Мортира.

От огня артиллерии скрыться очень трудно. Постройте глубокое и крепкое убежище — артиллерия его все же может разбить. Попытайтесь бежать — артиллерия вас достанет за 10, за 20 километров. А для обстрела очень крупных целей есть даже такие пушки, которые стреляют и на 100—150 километров.

Вам надо наступать на позиции противника — без помощи артиллерии это очень трудно, а часто и невозможно. Артиллерия же делает проходы в проволочных заграждениях, уничтожит пулеметные гнезда и пушки противника, «огневым заграждением» помешает противнику подтянуть подкрепления. Артиллерия откроет перед вами дорогу.

Если на вас наступает противник, — опять-таки ваш лучший помощник — артиллерия. Она уничтожит прорывающиеся танки противника и бомбардирующие вас самолеты, подавит поддерживающие наступление орудия противника, своим огнем уничтожит живую силу наступающих, помешает подвести к ним боеприпасы и подкрепления, — словом, артиллерия нужна везде и всегда, без нее не может обойтись ни одна часть армии, ни один вид оружия. Пушки есть и на танках, и на броневиках, и на кораблях, и даже на некоторых самолетах.

И не даром все армии каждый год все увеличивают и увеличивают количество орудий и число артиллеристов. Во время империалистической войны в сражениях участвовало по 5—6 тысяч орудий с каждой стороны.

Какие бывают орудия

Ребята часто называют все орудия пушками. Это неверно. Если вы видели артиллерийские орудия, вы должны были заметить, что часто одно орудие непохоже на другое. Для того чтобы понять, почему нужны разные орудия, прежде надо знать, как стреляют из орудий.

Взрыв заряда пороха выталкивает снаряд из ствола пушки с большой силой. Но чем дальше летит снаряд, тем все медленнее и медленнее его полет. Воздух тормозит его движение. Потом еще одно. Если попробовать стрелять, направив орудие так, чтобы через канал ствола видеть цель, то, сколько ни стреляй, в цель не попасть: снаряды не долетят до нее. Дело в том, что на снаряд действует сила тяжести. И поэтому снаряд летит не по прямой, а по кривой линии: он постепенно опускается. Чтобы по-

пасть в цель, надо направлять ствол орудия выше нее, учитывая падение снаряда. Дальше всего падает снаряд, если угол бросания (т. е. угол между горизонтом и стволом орудия) близок к 45 градусам.

Если надо стрелять далеко, для этого пользуются пушками. Это орудия, у которых относительно длинный ствол. Он у пушек не меньше 25 калибров: диаметр канала пушки можно уложить по стволу не меньше 25 раз. А есть пушки, у которых ствол равен 110 калибрам! В такой длинный ствол можно положить большой заряд пороха, и он хорошо разгонит снаряд по длинному стволу. Снаряд вылетает из пушки очень быстро, от 500 до 1500—2000 метров в секунду. Траектория снаряда из пушки сравнительно пологая. Из пушки стреляют по войскам противника. По сооружениям, которые возвышаются над землей, по танкам и самолетам, которые быстро передвигаются, по тылу противника.

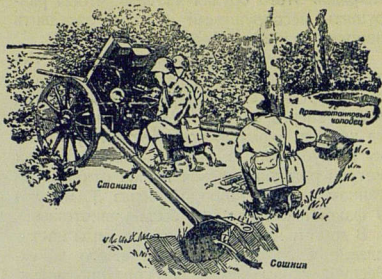
Но есть укрытые цели. Противник поставил пулемет за вершиной холма или вырыл укрепление в земле и прикрыл его сверху бетоном. Как его поразить? Тогда стреляют из гаубицы. У нее ствол относительно короче, от 10 до 25 калибров. Ее снаряды летят круче чем снаряды пушки. Так как снаряд падает круто сверху, то он может поражать укрытые цели. При стрельбе из гаубицы ненужны ни такая большая скорость снаряда, ни такая большая дальность стрельбы, как у пушки. Поэтому заряд берется меньше, и снаряд вылетает из ствола со скоростью от 300 до 700 метров в секунду.

У гаубицы есть еще одно преимущество. Так как давление газов от взрыва заряда на стенки ствола и снаряда меньше, то эти стенки можно сделать тоньше. Орудие получится при том же калибре легче пушки, а в снаряды можно будет положить больше взрывчатого вещества. Поэтому во всех армиях больше всего гаубиц.

Если еще обрезать ствол так, чтобы он был меньше 10 калибров, тогда получится mortar или миномет. Она стреляет круто вверх очень тяжелыми снарядами. И снаряд летит не очень быстро, метров 100—300 в секунду; некоторые самолеты летают быстрее чем снаряд, выпущенный из mortar.

Снаряды разрываются по приказу

Артиллерии приходится стрелять по самым разнообразным целям. И на каждую

Противотанковая пушка. Около нее вырыт колодец для укрытия бойцов орудия.

цель у нас есть свои снаряды. По дороге движутся пехота или грузозвики. Чтобы их уничтожить, мы обстреливаем их шрапнелью. Этот снаряд называется так по имени ее изобретателя — английского капитана Шрапнеля. Шрапнель туго набита маленькими круглыми пулями. В шрапнели разного калибра вкладывается от 260 до 600 таких пуль. В головку шрапнели ввинчивается дистанционная трубка. В ее кольцах сделаны желобки, в которые запрессован особый пороховой состав. При выстреле этот состав загорается. От длины пути огня по этим желобкам зависит время горения порохового состава (а мы можем поворотом одного из колец трубки изменить длину этого пути огня). Когда огонь дойдет до заряда на дне шрапнели, шрапнель разрывается и осыпается пулями почти треть гектара. Мы можем «приказать» шрапнели разорваться там, где мы захотим, и на такой высоте, какая нам нужна.

Но у шрапнельных пуль очень маленькая пробивная способность. Для того чтобы разрушить препятствия, например окоп или каземат, мы стреляем гранатами. Вместо пуль граната наполнена сильным взрывчатым веществом. Когда граната ударяется о препятствие, она разрывается на тысячу осколков. Но этого мало: силой взрыва граната вырывает большую яму в земле. Мы управляем взрывом гранаты: взрыватель ее можно установить по-разному. Можно установить его так, чтобы граната разорвалась, еле ударившись о землю или даже над землей, и поразила противника своими осколками.

А можно сделать так, чтобы граната разорвалась, когда она глубоко проникнет

в землю или в бетон. Это будет фугасное действие гранаты: она разрушит все кругом, выроет глубокую яму. Чтобы увести землю, выброшенную разрывом 420-миллиметровой гранаты, нужен целый поезд!

Наконец, гранатой мы пробиваем броню танков и прочные укрепления. Для этого мы стреляем бронебойными или бетонобойными гранатами, стенки и особенно головки которых делаются толще и из более твердой стали. Такие гранаты пробивают броню танка или бетон, а потом уже разрываются.

Есть еще и другие виды снарядов: химические — с отравляющими веществами; зажигательные — с термитом, который горит при температуре до 3000°; осветительные — с парашютами, к которым подвешены сегменты со светящимся составом (в течение минуты можно освещать около 1 квадратного километра местности); агитационные — с литературой; дымовые — с фосфором, который, сгорая, дает густой дым, и т. п.

Мы расчищаем дорогу

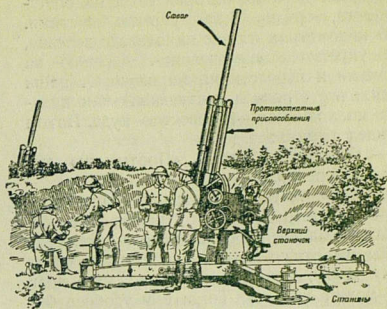
Артиллерия работает в бою всегда в тесном взаимодействии с другими родами войск. Для примера я расскажу, как мы однажды действовали на ученье. Конечно, стреляли мы холостыми зарядами. Посредники определяли успешность нашей стрельбы.

С нашей стороны действовали дивизион артиллерии, батальон пехоты и танковая рота. Наша задача была занять деревню Б.

Сорок минут мы обстреливали передний край обороны «противника». Когда командир танковой роты сообщил о выступлении танков с исходного положения, мы сейчас же перенесли огонь дальше.

Танки быстро направились к проволочным заграждениям, чтобы проделать проходы для пехоты. Вдруг справа, из роши, 3 замаскированных противотанковых пушки открыли огонь по танкам. Командир батальона приказал нам уничтожить эти пушки. Через несколько минут наш огонь заставил пушки замолчать. Танки начали проделывать проходы в проволоке.

Взвиль красные ракеты, и пехота бросилась в атаку. Но «противник» приготовил нам еще один сюрприз: неожиданно из роши слева батарея открыла по нашей пехоте сильный огонь. Пехота залегла и не могла продвигаться.

Зенитное орудие.

Тогда мы направили огонь двух батарей по роше, и через 7 минут батарея «противника» была «уничтожена». Пехота поднялась и быстро заняла передний край оборонительной полосы «противника», уничтожая еще оставшиеся после нашего обстрела немногочисленные огневые точки.

Разведка донесла командиру батальона о том, что к деревне Б. приближается подкрепление «противника». Командир приказал нам уничтожить пехоту «противника», и мы открыли по ней огонь.

Тем временем наша пехота и танки ушли уже далеко вперед. Тогда и мы быстро снялись с позиции и двинулись за ними. Ведь наша задача — все время поддерживать свои войска огнем, расчищать им дорогу. И вот тут-то с нами случилось приключение, которое потребовало от командира большой находчивости.

Неожиданно разведка донесла нам, что «противник» собрал в лошине значительное количество танков для контратаки во фланг. В то же время батареи «противника» открыли сильный огонь по нашей огневой позиции. Мы быстро снялись с позиции и пустились на хитрость. В кустах мы взорвали несколько «взрывных пакетов», огонь и дым от которых заставили «противника» подумать, что там стреляют орудия. «Противник» усилил обстрел. А мы в это время выехали лошиной прямо в лоб танкам «противника», и, когда они двинулись в атаку мы всех их «расстреляли». Вот как артиллерия взаимодействует с пехотой и танками.

„Глаза“ артиллерии

На последних маневрах нашу батарею посетило несколько колхозников. Они

смотрели, как мы стреляем, и очень удивлялись.

Огневая позиция батареи была на опушке леса, орудия были укрыты кустами. В 6 километрах от нас находилась деревня, где укрепился «противник». Деревню за холмами и перелесками не видно. А наши пушки все стреляли и стреляли—как казалось колхозникам—неизвестно куда. Потом пришел приказ:

— Прекратить огонь. «Противник» выбит из деревни.

Колхозники долго нас спрашивали:

— А не трудно вам стрелять нивесть куда? Пожалуй, легче, если враг виден?

Мы им отвечали, что стрелять по видимому врагу, конечно, легче, но зато враг нас может увидеть. Тогда ему удобнее будет стрелять по нашим орудиям. Когда же он нас не видит, ему труднее нацелиться на батарею. А стрелять мы одинаково хорошо умеем и с открытой позиции, прямо по противнику, и с закрытой позиции, когда противника не видно.

Во время маневров мы стояли в лесу, укрываясь от «неприятельских» самолетов. Вдруг приезжает мотоциклист из штаба и привозит командиру приказ. Командир сейчас же послал наше отделение отыскать хорошо укрытую позицию километрах в трех от деревни Н., разведать дорогу к позиции и наметить наблюдательные пункты. В этой деревне сильно укрепился «противник»: понастроил пулеметных гнезд, и наша пехота никак не могла взять ее. Посредники считали, что все атаки отбивались.

Скорю мы донесли командиру, что позиция найдена. Орудия выехали на нее и изготовились к бою. Кроме огневой позиции мы заранее присмотрели вершину холма километрах в двух от батареи и высокое дерево в перелеске, откуда было видно деревню Н. Это и были места НП—наблюдательных пунктов. На командирский пункт—к холму—протянули телефонный провод, а к дереву доставили радиостанцию. Командир сейчас же занял свой наблюдательный пункт, а я устроился на передовом. Я быстро вычислил с помощью карты, дальности и буссоли (компас) расстояния и направления до деревни и до всех подозрительных кустиков, где могли быть скрыты пулеметы.

Все свои наблюдения я сообщил по радио командиру. По команде командира батареи открыла огонь по деревне Н. И прицел и направление на цель орудиям указал ко-

мандир батареи, который и цель видел и знал, где стоят его орудия. На нашем НП мы следили за разрывами снарядов и сообщали командиру, где они падают относительно цели. Командир и сам видел разрывы снарядов: он и командовал на батарее поправки, после которых орудия уже более точно посылали снаряды в цель.

Прошло полчаса, большинство огневых точек «противника» было подавлено, и наша пехота бросилась в атаку. С помощью артиллерии деревня была взята, так заняли посредники, наблюдавшие за ходом боя...

Команда на расстоянии

Но метко направить огонь орудий в цель—не так просто. Вот, например, одна из команд командира батареи:

— По пулемету, гранатой, взрыватель осколочный, заряд третий, буссоль 15-00, уровень 30-00, прицел 46.

Что это значит? Давайте разберем. Первые команды понятны. Граната должна разорваться на поверхности земли и осыпаться цель осколками. Буссоль—артиллерийский компас. Круг (лимб) его разделен на 60 частей, а каждая часть—еще на 5 делений. 0—это север, а 15-00—восток. Значит, орудие надо поставить так, чтобы ствол его смотрел прямо на восток.

«Уровень 30-00» показывает, насколько цель расположена выше орудия. Так как они находятся на одном горизонте, то уровень поставлен на 30-00. Уровень—это трубка, прикрепленная к прицелу. В нее налита жидкость, в которой есть пузырек воздуха. Уровень похож на ватерпас. Когда стволу орудия придан нужный угол возвышения, пузырек уровня должен быть посредине трубки. Если ствол после выстрела сойдет, пузырек отойдет от середины и покажет, куда отклонился ствол. Цифра «30-00» показывает, на какое деление надо поставить уровень, прежде чем пользоваться им при наводке орудия.

«Прицел 46» соответствует расстоянию до цели. На прицеле орудия есть деления; каждое деление соответствует изменению дальности полета снаряда на 50 метров. Значит, «прицел 46» соответствует расстоянию от орудия до цели в 2300 метров.

Все эти команды командир батареи должен был рассчитать в 5—10 секунд. Но бывают нужны и очень сложные вычисления. Для этого на батарее есть особые вы-

числители, которые с помощью всяких таблиц и приборов помогают командиру очень быстро и точно вычислять место цели и все необходимые данные для стрельбы.

Был такой случай во время империалистической войны. Батарея разрушила меткой стрельбой проволочные заграждения противника. Ночью решено было продолжать их обстрел, чтобы помешать противнику их исправить. Утром смотрят: все заграждения исправлены, а метрах в 150 перед ними все поле изрыто снарядами. Оказалось, что ночью похолодало, плотность воздуха стала больше и сопротивление его сильнее тормозило полет снарядов.

Даже в один и тот же день, если погода меняется, снаряд может упасть на 300 метров ближе или дальше. Но с помощью специальных таблиц можно быстро высчитать нужные поправки и стрелять очень точно.

Часто, однако, во время боя некогда долго вычислять, поэтому артиллеристы должны уметь быстро и точно делать многие вычисления в уме.

Почетная служба

Чтобы быть хорошим артиллеристом, надо быть сообразительным, наблюдательным, хорошо знать математику и физику. Без математики артиллерист шагу не может ступить. Не даром в артиллерию бе-

рут тех, кто имеет среднее образование или в крайнем случае окончил семилетку.

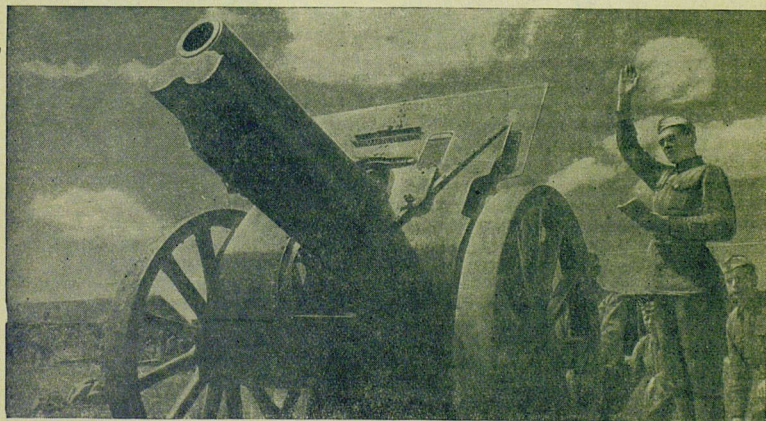
Служба артиллериста очень важна и почетна. Наш любимый нарком товарищ Ворошилов так отозвался о нас:

«Нами, наряду с развитием новых родов войск, артиллерии всегда уделялось и уделяется особо большое внимание. Достаточно сказать, что этим делом непосредственно и вплотную занимается сам товарищ Сталин.

Личный состав нашей артиллерии вполне подготовлен и хорошо знает свое дело. Быть хорошим артиллеристом, особенно артиллерийским командиром, означает быть всесторонне образованным человеком.

Пожалуй, ни один род оружия не требует от командира и бойца такой дисциплины ума, воли и знаний, как артиллерия. Рабоче-Крестьянские командиры и бойцы Красной артиллерии, не покладая рук, работают над своим совершенствованием и добиваются неплохих результатов...»

У нас есть такие артиллеристы, которые первым же снарядом уничтожают пулемет, а десятком — целую батарею. Когда наша родина позовет нас на защиту ее границ, красные артиллеристы меткой стрельбой так встретят врага, что ему не поздоровится и он быстро будет уничтожен совместными усилиями всех родов оружия Красной Армии.

Сейчас командир орудия даст команду: «Огонь!»

Сказка о горбуне и молчаливом цырюльнике

Арабская сказка

Перевел и обработал М. Салье

Рис. П. Митурича

Когда-то, много лет тому назад, жил в городе Багдаде один портной. Он был очень щедрый человек и любил приглашать к себе гостей и веселиться с ними. И вот однажды он вышел со своей женой погулять, и они гуляли весь день, а вечером, возвращаясь домой, увидели из дороги горбуна. Горбун был такой смешной, что мог рассмешить самого угрюмого человека: он плясал, выкидывая ногами замысловатые колена, и громко пел. Портной долго смотрел на этого горбуна, заливаясь хохотом, и, наконец, пригласил его к себе. Он сходил на рынок и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и все трое сели ужинать. Жена портного тоже была веселая женщина и любила пошутить. Она взяла большой кусок рыбы, положила его в рот горбуну и сказала:

— Клянусь моей жизнью, ты съешь этот кусок сразу, и я не дам тебе времени прожевать.

Горбун проглотил кусок, а в нем была большая, твердая кость. Бедный горбун подавился и сразу умер.

Увидев это, портной испугался и закричал:

— Бедняга! Вот несчастье, что смерть настала его у нас! Что нам делать?

— Чего же ты медлишь? — сказала ему жена. — Встань, возьми его на руки и накрой шолковым платком. Мы сейчас же пойдем, я впереди, а ты сзади, и ты говори всем, кого встретишь: мой ребенок заболел, и мы несем его к лекарю, чтобы он его вылечил.

Портной встал, завернул горбуна в платок и понес его, а жена портного шла впереди и громко плакала и кричала:

— Дитяtko мое, что у тебя болит, в каком месте тебе больно?

И каждого встречного они спрашивали, где дом лекаря и как к нему пройти. Наконец, они пришли к дому врача и постучали в ворота. Им открыла черная не-

вольница и спросила, что им надо, и жена портного сказала:

— У нас заболел ребенок, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Вот тебе ползолотого, отдай его твоему хозяину и скажи, чтобы он сошел вниз и посмотрел нашего ребенка.

— Хорошо, — ответила невольница и пошла наверх, а жена портного сказала мужу:

— Оставь горбуна здесь и бежим, чтобы спасти нашу жизнь.

— Ты хорошо придумала! — воскликнул портной.

Он поставил горбуна на лестнице, спиной к стене, и убежал вместе со своей женой. И вот пока все, что с ним было.

Что же касается врача, то невольница пришла к нему и сказала:

— У ворот мужчина и женщина и с ними больной ребенок. Они дали мне для тебя ползолотого и просят, чтобы ты сошел вниз и прописал для ребенка что-нибудь подходящее.

Увидев ползолотого, врач обрадовался и поспешно пошел вниз. На лестнице у него было темно, и, дойдя до последней ступеньки, он споткнулся и упал прямо на горбуна.

— О несчастье! — закричал врач. — Я, кажется, уронил этого больного, и он умер. Что мне теперь делать?

Он вернулся наверх и рассказал обо всем своей жене. А жена у него была женщина храбрая и решительная.

— Чего же ты медлишь? — сказала она. — Если этот мертвец пробудет в нашем доме до рассвета, пропали наши души — и моя и твоя. Поднимемся с ним наверх и кинем его во двор нашего соседа.

А сосед этого врача был главный повар халифа. Он часто приносил домой мясо и сало, и его съедали кошки и мыши, а если у повара заводился хороший бараний

Бедный горбун подавился и сразу умер.

бок, то и собаки заходили к нему на двор за поживой.

И вот лекарь и его жена спустили горбатого на веревке во двор повара и прислонили его к стене. Не успели они бросить веревку и уйти, как главный повар

вошел во двор с зажженной свечой в руке. Он увидел, что в углу, под вытяжной трубой, стоит человек, и воскликнул:

— Вот здорово! Я думал, что мое мясо крадут собаки и кошки, а это, оказывается человек! Я перебил всех кошек и собак

на улице, хотя они ни в чем невиновны, а ты спускаешься по веревке с крыши и оборовываешь меня!

Он схватил большой молоток и так ударил горбуна, что тот упал. Увидев, что он мертв, повар очень испугался и сказал:

— Пусть бы пропало все мое мясо! Я убил человека! Кто защитит меня, если его найдут около моего дома? Надо его унести и поскорее.

Он взвалил горбуна на плечи и вышел и отнес его на базар. Там он поставил его у стены какой-то лавки и со всех ног убежал домой. И вот пока все, что с ним было.

Что же касается мертвого горбуна, то он стоял у стены до самого рассвета. И вдруг подошел к нему один человек, придворный меняла, который менял за плату деньги. Этот меняла накануне напился и рано лег спать. Он проснулся чуть свет и решил, что пора вставать, а спросить, который час, было не у кого. И вот он встал и пошел на рынок, чтобы купить себе на завтрак лепешку, и вдруг видит: кто-то стоит у лавки его соседа,

Горбун стоял у стены до самого рассвета.

медника. Это был не кто иной, как горбун, которого поставил здесь главный повар халифа. А у горбуна был на голове тюрбан, большой, широкий, из белой ткани.

«Это, наверное, мой тюрбан», — подумал меняла и подошел к лавке медника. А у него накануне кто-то стащил с головы тюрбан. Меняла долго ходил по рынку и искал его, но так и не нашел.

— Отдай мой тюрбан! — закричал он горбуну и ударил его кулаком по шее, да так, что горбун упал на землю.

Меняла бросился на него и стал его бить, громко крича:

— Отдай мой тюрбан! Вот тебе! Не такаяй другой раз чужих тюрбанов!

Его крики разбудили сторожа рынка, и тот прибежал и увидел, что горбун лежит мертвый, а меняла колотит его кулаками в грудь.

— Встань, оставь его! — сказал сторож. — Стыдно тебе убивать людей. Хоть ты и придворный меняла, я должен отвести тебя к судье. Идем.

Он взвалил горбуна на плечи меняле и доставил обоих, живого и мертвого, к судье. Услышав от сторожа, что случилось, судья приказал повесить менялу и велел кричать на улицах города: «Таково наказание для всех, кто убивает людей!»

Когда пришло время казни, мехялу вывели на улицу. Палач подошел к нему и накинул ему на шею веревку. А вокруг стояла и смотрела большая толпа народа. Но только что палач хотел повесить менялу, как какой-то человек растолкал толпу и, подбежав к палачу, закричал:

— Не надо! Это я убил его!

Палач сразу узнал главного повара и сказал ему:

— Не мешай мне, о господин. Кто поверит, что начальник халифской кухни убил какого-то горбуна?

— Клянусь моей жизнью, это правда! — воскликнул начальник кухни и рассказал, как было дело.

— Жаль мне тебя, начальник! — сказал тогда судья. — Я один раз обедал у халифа и знаю, что ты хороший повар. Но делать нечего. Ты сам сознался в убийстве, и тебя придется казнить. Эй, палач, отпусти менялу, а повесь повара!

И палач поставил главного повара на место менялы, но только что он накинул веревку ему на шею, как другой человек протиснулся сквозь толпу и крикнул:

— Не надо! Это я убил горбуна. Вчера вечером. Его принесли ко мне мужчина и

женщина и положили на лестницу, чтобы я его посмотрел, а я спустился вниз и споткнулся об него, и он упал с лестницы и тотчас же умер.

И врач рассказал обо всем, что было дальше, и судья, услышав его рассказ, очень удивился.

— Отпусти главного повара и повесь врача, — сказал он палачу.

Но только что палач накинул веревку на шею лекаря, как еще один человек — портной — прошел сквозь толпу и крикнул:

— Не надо! Его убил не кто иной, как я. Я позвал его к себе ужинать, и моя жена положила ему в рот кусок рыбы, и он подавился костью и умер. А потом мы отнесли его в дом врача и оставили на лестнице и убежали.

— Это правда? — спросил судья лекаря, и тот ответил:

— Правда.

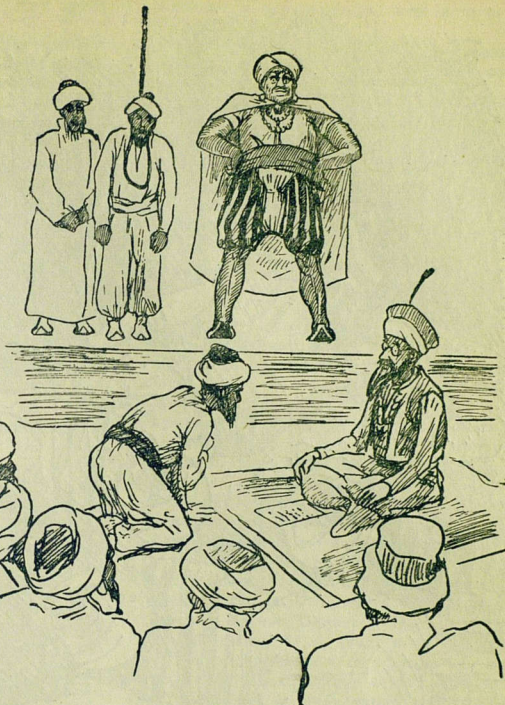
И тогда судья сказал палачу:

— Отпусти врача и повесь портного.

— Что же это такое? — рассердился палач. — Вот уже полдня я стою здесь и все без толку: один приходит, другой уходит, и никого не вешают, — и он накинул веревку на шею портного.

Вот что связано с этими людьми. Что же касается горбуна, то это, говорят, был любимый шут халифа, и когда он ушел из дворца и пропал, халиф спросил, куда он девался, и ему сказали:

— О владыка, твоего шута принесли к судье мертвым, и судья приказал казнить его убийцу, и когда палач хотел его повесить, пришел второй убийца, и третий, и четвертый, и каждый из них сказал: «Это я убил его», — и рассказал судье о причине убийства.

— Что же это такое? — рассердился палач. — Вот уже полдня я стою здесь и все без толку...

Услышав это, халиф очень удивился и крикнул своему привратнику:

— Беги скорее к судье и вели привести их всех во дворец.

Привратник со всех ног побежал к судье и увидел, что палач вот-вот повесит портного.

— Не надо! — крикнул он ему и передал судье приказание халифа.

И судья со всеми четырьмя убийцами отправился во дворец. Представ перед лицом халифа, он поцеловал землю и рассказал ему обо всем, что случилось.

— Клянусь жизнью! — воскликнул халиф. — Такое происшествие непременно следует записать, притом золотыми чернилами. Слышали ли вы что-нибудь более

— Эй, вы, убийцы, если хоть один из вас расскажет мне историю еще удивительней и диковинней, я прошу вас всех.

удивительное чем история с этим горбуном?

— Эй вы, убийцы, если хоть один из вас расскажет мне историю еще удивительней и диковинней, я прошу вас всех.

И начальник кухни, врач и меняла один за другим рассказали халифу самое удивительное, что они только знали, но халиф, выслушав их, зевнул и сказал:

— Нет слов, ваши истории удивительны, но то, что случилось с горбуном, еще удивительней и диковинней. Чувствую я, что придется вас казнить. Но остается еще портной — главная причина зла. Эй портной! Рассказывай! Да смотри, придумаю лучше, а не то быть вам всем без головы.

И портной выступил вперед и поделовал перед халифом землю.

— Знай, о халиф, — сказал он, — вот самое удивительное, что со мной случилось в жизни, и случилось это вчера. Прежде чем встретить горбатого, я был на пиру у одного моего приятеля, где было человек двадцать гостей. Когда уже подали кушанья, вошел еще один гость — чужеземец в богатой одежде, — красивый юноша, но хромой. Он пожелал нам всем доброго дня и хотел сесть, но вдруг его лицо пожелтело, он встал и направился к дверям. Мы схватили его за полы халата и удержали, а хозяин дома взял его за руку и сказал:

— Почему ты пришел и уходишь, даже не отведав моего кушанья? Разве так поступают благородные люди?

— О господин мой! — ответил юноша. — Не препятствуй мне. Причина моего ухода в этом злосчастном цырюльнике, который сидит здесь.

И он указал рукой на одного из гостей, старого цырюльника, которому было лет девяносто. Мы посмотрели на него и увидели, что это дряхлый старик, с черным лицом, белыми бровями, с обрубленными ушами и длинным носом, и на вид он человек очень глупый. Мы все засмеялись и спросили юношу:

— Почему ты так рассердился на этого цырюльника, что не хочешь сидеть с ним в одной комнате?

— О собрание! — сказал тогда юноша. — У меня случилась с этим цырюльником история в моем родном городе, и из-за него я сломал себе ногу и охромел. Я дал клятву, что не буду сидеть с ним в одной

комнате, и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе, как в пути.

— Заклинаем тебя жизнью, — сказали мы юноше, — расскажи нам твою историю.

И юноша сказал:

— О люди, знайте, что мой отец был богатым купцом в Каире, и я его единственный сын. Когда мой отец умер, он оставил мне в наследство много денег, и я стал хорошо есть и хорошо пить. Я носил красивую одежду и жил в свое удовольствие. И вот однажды меня поразила лихорадка с ознобом, и я пролежал в постели много дней. Когда здоровье начало ко мне возвращаться, мои друзья и товарищи сказали мне:

— Мы давно с тобой не пиروвали и соскучились по тебе. В пятницу, на следующей неделе, мы все соберемся у нашего друга Мансура, сына главного судьи, и отпразднуем твое выздоровление. Как только начнется полуденная молитва, приходи в дом судьи. Сам судья уедет в мечеть, и никто не помешает нашему веселью. Приходи обязательно: у Мансура будет знаменитый рассказчик, меддах Осман, сын Али. Он только что воротился из Багдада и привез много новых чудесных сказок.

Я тоже стосковался по товарищам, и мне не терпелось посидеть с ними и послушать сказки Османа. «Поскорее пришла бы пятница», — думал я.

Наконец, пришел четверг, а за ним пятница. Как только солнце встало, я поднялся с постели; до полуденной молитвы было еще очень долго, и я не знал, как убить время. Моя мать заметила, что мне скучно, и сказала:

— Послушай, сынок, отчего бы тебе не сходить в баню? Времени до молитвы еще много.

— Ты хорошо придумала, матушка, — отвечал я. — Но сначала я побрею себе голову.

— Эй, Хасан, пойди на рынок и приведи мне цырюльника, искусного и неболтливового, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров.

Хасан, мой слуга, пошел на рынок и привел этого скверного старика.

— Знаешь ли ты свое дело? — спросил я его.

— О господин, — ответил цырюльник — я знаю науку о звездах, грамматику, геометрию, чистописание, волхование, колдовство и многие другие науки, умею пускать кровь и ставить пиявки. Твой покой-

ный отец во всем меня слушался и исполнял все мои советы. Однажды он позвал меня, чтобы я пустил ему кровь, и я посмотрел на звезды и увидел, что пускать кровь в этот день нехорошо. Я сказал об этом твоему отцу, и он послушался меня и подождал до другого дня, а в другой день я пустил ему кровь и сказал в его честь похвальные стихи, и он дал мне сто три золотых и дорогую одежду: золотой — за чтение по звездам, золотой — за кровопускание и золотой — за мою умную беседу, а сто золотых и одежду — за стихи. О господин, не пустить ли тебе кровь? Кто пускает кровь в пятницу, тот избавится от семидесяти болезней, погери зрения, разлития черной желчи и болей в животе. А, может быть, ты хочешь, чтобы я поставил тебе пивьяки? Кто поставит пивьяки в сегодняшний день, тот будет иметь успех во всех делах и увидит хороший сон.

— Прекрати разговоры, побрей мне голову, — сказал я. — Я не знаю цырюльника, умелого в науке о звездах, кроме тебя, но я знаю, что ты говоришь много пустяков.

— О юноша, — сказал цырюльник и засмеялся, — я вижу, что тебе скучно меня слушать, но не виню тебя, так как ты молод и неразумен. Ведь еще недавно я сажал тебя на плечо и носил в школу. Твой отец всегда слушался моих советов, и поговорка говорит: «Советник достоин доверия и не обманет того, кто с ним советуется».

— Будешь ты сегодня брить мне голову? Поторопись, я человек слабый! — закричал я.

— Я сразу заметил, что ты болен и заговариваешься от болезни, — сказал цырюльник. — Твой отец и дед никогда ничего не делали, не спросив у меня совета, и ты бы должен благодарить меня за мое терпение с тобою.

— Эй, Хасан! — закричал я. — Дай ему четверть золотого, и пусть он увидет. Не буду я сегодня брить голову!

Услышав это, цырюльник быстро намылил мне половину головы, потом вышел на середину комнаты и вытащил из-за пазухи платок. Он развернул платок, и вдруг я увидел, что в платке какая-то трубка с семью кружками посередине. Цырюльник приставил эту трубку к глазам, посмотрел через нее на солнце и сказал:

— Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы, прошло ровно

три часа и шесть минут с половиной — ни больше, ни меньше. А на небе сегодня виден Марс и недалеко от него — Меркурий, и это указывает, что брить голову в такой день безопасно. Я знаю, что ты хочешь сегодня встретиться с одним человеком, и это хорошо, но после этого с тобой случатся всякие неприятные дела, о которых я тебе не скажу.

— Клянусь жизнью, ты надоел мне! — воскликнул я. — Я позвал тебя, чтобы ты меня побрил, а ты намылил мне голову и сделал нехорошее предсказанье. Принимайся же за дело, побрей меня и уходи. Я еще не видел цырюльника, такого болтливого, как ты.

— Как тебе не стыдно, — сказал цырюльник. — Я уже целый час стою и говорю с тобою, и ты мне не наскучил, а ты сидишь и слушаешь и утверждаешь, что я тебе надоел. Я вовсе не болтлив, как ты говоришь, а, наоборот, не люблю много разговаривать. Не даром меня прозвали Молчальником в отличие от моих шести братьев. Одного из них ведь зовут Брехун, другого — Болтун, третьего — Говорун, четвертого — Хвастун, пятого — Крикун и шестого — Пустомеля, а седьмого зовут Молчальник, и это я.

— О старец, — сказал я и даже засмеялся от злости, — ты сегодня убьешь меня. Прошу тебя, обрей мне голову поскорее и уходи туда, откуда пришел.

— Не торопись, сын мой, — сказал цырюльник. — Поспешность приносит вред и ведет к дурным последствиям. Говорит пословица: «Кто действует неспешно, достигнет всего успешно». Я не знаю причины твоей торопливости и советую тебе меня слушаться. Да будет тебе известно, что твой отец и дед ничего не начинали без моего совета.

— Клянусь жизнью, о ослиный хвост, ты меня уморил! — воскликнул я, и цырюльник взял бритву и начал ее точить; он точил так долго, что я чуть не умер от нетерпения, а потом он обрил мне большую часть головы и сказал:

— Знай, что моя рука касалась голов царей и ученых. Я тот, кого люди называют молчаливым, степенным за то, что я мало разговариваю. Сейчас я расскажу тебе кое-что, и ты узнаешь, что нет во мне болтливости в отличие от моих шести братьев.

Много лет назад, во времена халифа Аль-Мустансира, я был в городе Багдаде. Халиф этот был правитель мудрый и ми-

лостивый. Однажды он позвал к себе своего везира и сказал ему:

— У тебя в тюрьме ожидают казни десять разбойников. Приведи их завтра во дворец и отруби им головы тут, передо мной, чтобы я это видел.

Везир послушался приказания халифа и поехал в тюрьму. А тюрьма находилась на другом берегу реки Тигра, на которой стоит Багдад. Везир приказал вывести разбойников, и их привели к берегу реки и начали сажать в лодку. А я как раз проходил по берегу и увидел это и сразу подумал:

«Наверное, эти люди едут на пир или проведут весь день в лодке за едой и питьем. Я буду не я, если не попирую вместе с ними».

Не долго думая, я подбежал к лодке и сел в нее вместе с разбойниками. Нас перевезли на другой берег и вывели из лодки, а потом каждому разбойнику надели на шею цепь и мне тоже обмотали шею цепью, но я ничего не сказал из-за моей молчаливости и потому, что я не люблю говорить. Затем нас провели во дворец и посадили перед халифом, и вышло так, что я оказался последним и сидел дальше всех от палача.

— Начинай, — сказал халиф.

Палач начал делать свое дело, и когда десять разбойников получили то, чего заслуживали, он остановился и сказал: — Готово.

— Почему это ты отрубил головы девяти разбойникам, а не десяти? — сказал халиф палачу.

А я все сидел, не говоря ни слова, так как я человек неразговорчивый.

— Как это возможно, — сказал па-

— Знай, что моя рука касалась голов царей и ученых.

лач, — чтобы твоя милость приказала мне казнить десять человек, а я казнил бы девять? Сосчитай головы и увидишь, что их десять.

— Откуда же взялся этот, одиннадцатый? — спросил халиф и указал на меня, и тут я встал и поклонился его милости, владыке нашему, — халифу Багдада — и сказал:

— О господин, знай, что ты видишь перед собой звездочета, знающего все науки, известные людям, и еще многие другие науки, а по ремеслу я дырольник. Я не люблю много разговаривать. Меня зовут Молчаливым, из-за моей молчаливости и случилось со мной то, что случилось. Не думай, что я болтлив и многоречив. Я непохож в этом на моих братьев.

— Как ты мог смолчать в такую минуту? — спросил меня халиф. — Ты живешь долго, но ум у тебя короткий. Эй, везирь, прикажи выгнать его из этого города. Пусть он уходит отсюда и никогда не возвращается.

И мне дали сотню ударов палкой по ногам и выгнали меня из Багдада: все это за мою молчаливость и нелюбовь к пустым разговорам. А ты еще говоришь, что я болтлив!

— А уже подходило время молитвы, — продолжал юноша, — и я еле сидел на месте от нетерпения. — О старец, — сказал я цырюльнику, — много я видел на свете молчаливых людей, но таких, как ты, не видел. Заклинаю тебя жизнью, обрей мне голову до конца и уходи своей дорогой.

— Ты кажется куда-то торопишься, — сказал цырюльник.

— Да, да, да! — закричал я, и этот злосчастный цырюльник обрил еще часть моей головы и сказал:

— Я желал бы знать, куда ты идешь. Боюсь, что если ты пойдешь куда-нибудь без меня, с тобой случится дурное. Не забывай, что твой отец и дед во всем следовали моим советам.

Тут я понял, что мне нет спасения от этого проклятого, и сказал себе: «Молитва уже началась, и если я задержусь еще хоть на полчаса, мне не придется послушать сказок Османа».

— О старец, — сказал я цырюльнику, — оставь эти разговоры и болтовню. Я хочу пойти на пир к моим приятелям.

Услышав про пир, цырюльник ударил рукою об руку и вскричал:

— Горе мне! Сегодня я пригласил к себе нескольких друзей и забыл приготовить им угощение. Что мне теперь делать? О, позор мне перед ними!

— Не беспокойся об этом, — сказал я. — Все, что есть у меня в доме из еды и питья, будет твое. Побрей мне только поскорее голову.

— А что у тебя есть? — спросил цырюльник. — Покажи мне, чтобы я мог посмотреть.

Я приказал слугам принести из погреба все кушанья, какие у меня были: пять разных жарких, десять подрумяненных кур и жареного ягненка, — и цырюльник внимательно осмотрел все это и воскликнул:

— Прекрасно! Остаются напитки.

— Эй, Хасан, покажи ему напитки, — сказал я моему слуге, и тот принес кубшины, бутылки и флаги, наполненные вином и фиалковой водой с сахаром.

— Теперь не хватает только курений, — сказал цырюльник, и ему принесли куренья в золотых и серебряных курильнищах. Тогда он обрил небольшую часть моей головы и сказал:

— Если ты хочешь меня послушаться, позволи мне отнести эти кушанья домой и пойти с тобой туда, куда ты собрался. Мои гости не обидятся на меня: они люди благородные и великодушные. Я боюсь, что если ты пойдешь к чужим людям без меня, с тобой, может быть, случится то же, что случилось с одним из моих братьев. Знай, что у меня шесть братьев и у каждого из них есть какой-нибудь недостаток: один хромой, другой слепой, третий кривой, четвертый расслабленный, пятый сухорукий, а у шестого отрезаны губы. Так вот, мой второй брат, по прозванию Брехун (а это слепой), однажды ходил по городу и просил подаяния. Он подошел к одному дому и постучал в ворота, и хозяин дома спросил: — Кто у ворот? — но мой брат ничего ему не ответил и постучал еще раз. Тогда хозяин дома (а звали его Мухаммед-Беззубый) открыл ворота и, увидав моего брата, спросил его:

— Что ты хочешь?

— Чего-нибудь от твоей милости, — ответил мой брат.

— Подай мне руку, — сказал Мухаммед, и Брехун протянул ему руку, думая, что он даст ему что-нибудь, а Мухаммед взял его за руку и повел наверх.

Он поднимался с ним с лестницы на лестницу и, наконец, привел его на крышу и спросил.

— Чего ты от меня хочешь, слепец?

— Чего-нибудь от твоей милости, — сказал Брехун.

— У меня ничего нет, — ответил Мухаммед.

— Эй, почему ты мне не сказал этого внизу? — спросил Брехун.

— А ты, подлец, почему не ответил мне с первого раза? — закричал хозяин дома.

Он ушел и оставил моего брата наверху, и Брехун пошел вниз и спускался до тех пор, пока до нижней ступеньки не оста-

дось двадцати ступенек, и тут он поскользнулся, и упал, и раскрыл себе голову. Он встал, и пошел дальше, и охал крихтя, и его встретили два других слепца и спросили:

— Что с тобой?

Мой брат рассказал им, что с ним случилось.

— Пойдемте ко мне, — сказал он, — и поедим. Я хочу истратить сегодня немного денег.

— Хорошо, — сказали слепые и пошли с моим братом.

Мухаммед-Беззубый, у которого брат просил милостыню, все время шел за ним и все слышал. Он незаметно прокрался в дом моего брата и притаился в углу.

— Обыщите дом, — сказал мой брат своим товарищам, — нет ли здесь кого-нибудь чужого.

Услышав это, Мухаммед встал и, схватившись за веревку, свисавшую с потолка, подтянулся на руках и повис, а слепые обошли весь дом и не нашли ни одного человека.

— В доме нет никого кроме нас, — сказали они моему брату. — Но прежде чем ужинать, давай сосчитаем наши деньги.

Они сели рядом с Брехуном и начали считать свои деньги, оказалось, что они выпросили у людей двенадцать тысяч серебряных дирхемов.

— Возьмите каждый, сколько вам нужно, а остальное мы спрячем, — сказал Брехун.

Слепые послушались его и, отсчитав по несколько дирхемов на каждого, сложили остальные деньги в углу и сели есть. Мухаммед, который забрался к ним в дом, тоже сел и принялся за еду. Мой брат услышал рядом с собой чье-то незнакомое жеванье и, протянув руку, схватил незнамого гостя за халат и принялся его бить. Остальные слепцы тоже напали на него и долго его колотили; когда это им надоело, они раскрыли двери и начали кричать:

— О люди, к нам вошел вор и хочет взять наши деньги!

У дверей сразу собралась большая толпа. А Мухаммед, хозяин того дома, зажмурил глаза и притворился, что он тоже слепой, и начал кричать:

— Ищите вора, он вошел в наш дом и хочет украсть наши деньги!

И не успели слепые опомниться, как их всех окружили и погнали к дому судьи, и Мухаммеда повели вместе с ними.

— Что случилось? — спросил судья.

Мухаммед-Беззубый сказал:

— Мы притворяемся слепыми и обманываем людей, чтобы легче войти в их дом и обокрасть их. Смотри — и тебе станет ясно, что я говорю правду.

Он открыл один глаз, за ним другой, и судья очень удивился.

— Эй вы! — сказал он слепым. — Не пытайтесь меня обмануть. Откройте глаза!

— Клянусь жизнью, мы все слепые, нет среди нас зрячего! — воскликнул мой брат.

Но судья не поверил ему и велел привязать его к дереву и бить, пока он не откроет глаза. Но мой брат не мог открыть глаз, сколько его ни колотили, и только кричал и плакал, прося пощады.

— Он не хочет признаться, потому что у него в комнате лежат все наши деньги — двенадцать тысяч серебряных дирхемов, — сказал Мухаммед. — Он забрал их себе и не отдает нам. Я просил его вернуть мне мою часть — четыре тысячи дирхемов, а он побил меня и прогнал. Я хочу, чтобы ты защитил меня. Пошли со мной кого-нибудь, кто принесет эти деньги, и ты увидишь, что я не лгу.

Судья послал человека в дом моего брата, и когда посланный принес деньги, судья отдал этому обманщику Мухаммеду три тысячи серебряных дирхемов, а остальное взял себе. Он выгнал моего брата и его товарищей-слепцов из города, и мой брат пришел ко мне. Вот видишь, что может случиться с человеком, если у него нет защитника! Позволь же мне пойти с тобой и помогать тебе, если тебя кто-нибудь обидит. Не забывай, что твой отец, дед и прадед никогда не расставались со мной и все делали по моему указанию.

— Несчастные это были люди, если они не расставались с тобой! — воскликнул я. — Умоляю тебя, обрей мне голову и ступай к твоим друзьям, а я пойду туда, куда меня звали.

— Ты, наверное, хочешь встретиться с какими-нибудь кутилами и играть с ними в кости, — сказал цырюльник. — Помни, что играть на деньги в нашем городе запрещено, а судья в Каире — человек строгий.

— Негодный старик! — закричал я. — Ты уже три часа меня мучаешь и еще говоришь мне такие вещи. Убирайся туда, откуда пришел! Я лучше останусь с недобритой головой, чем буду слушать твои скверные речи. Уходи отсюда сию минуту, а я пойду к моим приятелям!

— Я не позволю тебе идти одному! — воскликнул дырьюльник. — Если ты пойдешь на пир к чужим людям, тебя может постигнуть то же самое, что постигло моего шестого брата Пустомеля, у которого отрезаны губы. Знай, что он был нищий и ходил по улицам, выпрашивая милостыню. И вот один раз он идет и видит: стоит красивый дом, а у ворот дома много слуг, пеших и конных.

— Чей это дом? — спросил Пустомеля.

— Это дом везиря Яхья, — сказали ему.

И он вошел в ворота, думая, что встретит кого-нибудь, кто подаст ему милостыню. Но на дворе не было ни одного человека. Мой брат пошел дальше и вошел в дом. Он миновал длинный крытый проход и пришел в большую высокую комнату с расписным потолком и мраморным полом. В глубине комнаты сидел человек почтенного вида с длинной черной бородой. Это и был везир Яхья, хозяин дома.

— Зачем ты пришел, и что тебе нужно? — спросил он моего брата.

— О господин, — сказал Пустомеля, — не дашь ли ты мне чего-нибудь поесть?

Услышав это, везир очень огорчился.

— Как это может быть! — воскликнул он. — Я живу с тобой в одном городе, и ты голодаешь. Ты непременно должен поесть со мной. Эй, слуги, подайте сюда таз и кувшин, чтобы мой гость мог вымыть руки.

— Подойди поближе и вымой руки, — сказал он.

Пустомеля встал, но не увидел ни таза, ни кувшина. А Яхья стал делать движения, точно он моет руки, и потом крикнул:

— Подайте столик!

И опять не подали никакого столика, и Пустомеля понял, что хозяин дома над ним потешается, а везир продолжал:

— Не стесняйся! Подойди к столу и поешь этого кушанья!

Он стал подносить руки ко рту, будто ест, и Пустомеля тоже начал делать вид,

что кладет в рот пищу, а везир говорил ему:

— Удивительно, как ты мало ешь! Не стыдись, я знаю, до чего ты голоден. Посмотри, как мягок и бел этот хлеб. Ты, наверное, никогда не едал такого хлеба.

— Твоя правда, господин, — ответил мой брат. — Такого хлеба я никогда не ел в жизни.

— Этот хлеб испекла моя любимая невольница, — сказал везир.

Он продолжал угощать моего брата и приказывал подавать одно кушанье за другим, но ничего не подавали. А Пустомеля двигал челюстями и жевал, еле держа на ногах от голода.

— Ешь хорошенько, начинись! — говорил везир. — Возьми эту пышку и с'ешь ее скорей, пока с нее не стек сок.

Мой брат был до того голоден, что с'ел бы сухую корку, да и той у него не было.

— Мне уже довольно еды, о господин! — сказал он.

Везир крикнул:

— Уберите это и подайте вино!

И слуги стали двигать руками в воздухе, точно подавая вино, но опять ничего не подали.

«Этот человек, видно, привык издеваться над людьми, — подумал Пустомеля. — Я обязательно сделаю с ним дело, после которого он бросит такие шутки».

— Возьми этот кубок, — сказал везир. — В нем старое вино, оно, наверное, тебе понравится.

— О господин, за твое здоровье! — крикнул Пустомеля и приложил кубок ко рту, а затем он высоко поднял руку и дал хозяину дома затрепину, от которой в комнате завзвело.

Потом он дал ему еще затрепину, крепче первой, и везир крикнул:

— Что это за поступки, негодяй?

— О господин, — ответил ему мой брат Пустомеля, — ты был ко мне милостив и накормил меня вкусной пищей, а потом дал мне выпить старого, крепкого вина, и я охмелел и начал буяннить. Будь же милостив и прости мне мою вину.

— Убирайся вон из моего дома! — закричал везир. — Но сначала я так тебя изуродую, что ты всю жизнь меня не забудешь. Эй, слуги, свяжите его и отрежьте ему губы, чтобы он вспоминал меня всякий раз, когда будет есть!

И с тех пор мой брат ходит с отрезанными губами.

Вот видишь, какие несчастья случаются с людьми, которые ходят в чужие дома одни, без помощника. Я никак не могу отпустить тебя к твоим приятелям одного. Если уже ты непременно хочешь идти к твоим приятелям, подожди немного, пока я отнесу домой твой щедрый подарок, а потом я вернусь, и мы пойдем вместе.

«Видно мне не избавиться от этого скверного цырюльника, — подумал я. — Попробую его обмануть».

— О мудрый Молчальник, — сказал я, — снеси твоим друзьям эти кушанья и напитки, а потом возвращайся, и мы вместе пойдем к моим приятелям. Поторопись, не заставляй себя ждать!

Цырюльник сразу понял, что я хочу его провести, и решил перехитрить меня. Он вышел на улицу и отдал мои кушанья и напитки носильщику, чтобы тот снес их к нему домой, а сам спрятался в каком-то переулке.

Что касается меня, то как только этот негодный болтун ушел, я оделся и со всех ног побежал к Мансуру, сыну каирского судьи. Но как я ни торопился, мне все же не пришлось послушать сказок Османа: он ушел незадолго до моего прихода.

Мансур принялся меня угощать и поить вином, но мне не было весело: проклятый цырюльник так меня расстроил, что смех и шутки Мансура и его товарищей не могли рассеять моего огорчения.

Скоро приехал с молитвы отец Мансура, главный судья, и мы все поднялись на ноги, приветствуя его. Только мы успели снова сесть вокруг ковра, оставленного кушаньями, как до наших ушей донеслись с улицы громкие крики и шум. Мы вскочили и подбежали к окнам. Я первый выглянул на улицу, и что же я увидел: этот проклятый цырюльник стоял на площади перед домом судьи, окруженный огромной толпой народа, и что-то кричал, ударяя себя руками в грудь!

Я спрятался за спины товарищей, а Мансур распахнул окно, и мы сейчас же услышали скрипучий голос этого негодяя Молчальника, который кричал и вопил на весь Каир:

— Горе моему господину! Убили моего господина в доме судьи!

Толпа вокруг него все увеличивалась. Ремесленники, торговцы, носильщики,

хлебопеки бросили свое дело и сбегались на крики этого скверного старика.

А цырюльник рвал на себе одежду и кричал, размазывая по лицу грязь и посыпая себе голову пылью:

— Кто ответит за кровь моего благородного господина? Погубили моего господина! Горе убийце моего господина!

Толпа глухо шумела и волновалась. Люди все ближе подходили к дому судьи и, наконец, остановились у самых ворот. И вдруг цырюльник взял два больших камня и несколько раз постучал ими в ворота, а потом ударил себя этими камнями в грудь и заголосил еще громче прежнего:

— Увы мне, несчастному! Настигла моего господина смерть в доме главного судьи! Я прошу защиты у халифа!

Не успел он произнести эти слова, как ворота распахнулись и мы увидели главного судью; он был в самом богатом своем халате, в котором только что ездил на молитву, на голове у него красовался огромный зеленый тюрбан.

Судья молча выступил из ворот и двинулся прямо на цырюльника. А цырюльник отступал шаг за шагом, размахивая своими камнями и крича, и толпа расступилась перед ним.

Дойдя до середины площадки, судья остановился и сказал:

— Кто ты такой, старик, и что тебе нужно?

— И ты еще спрашиваешь! — воскликнул цырюльник. — Знай, что мне все известно. Ты задержал в своем доме моего господина и убил его!

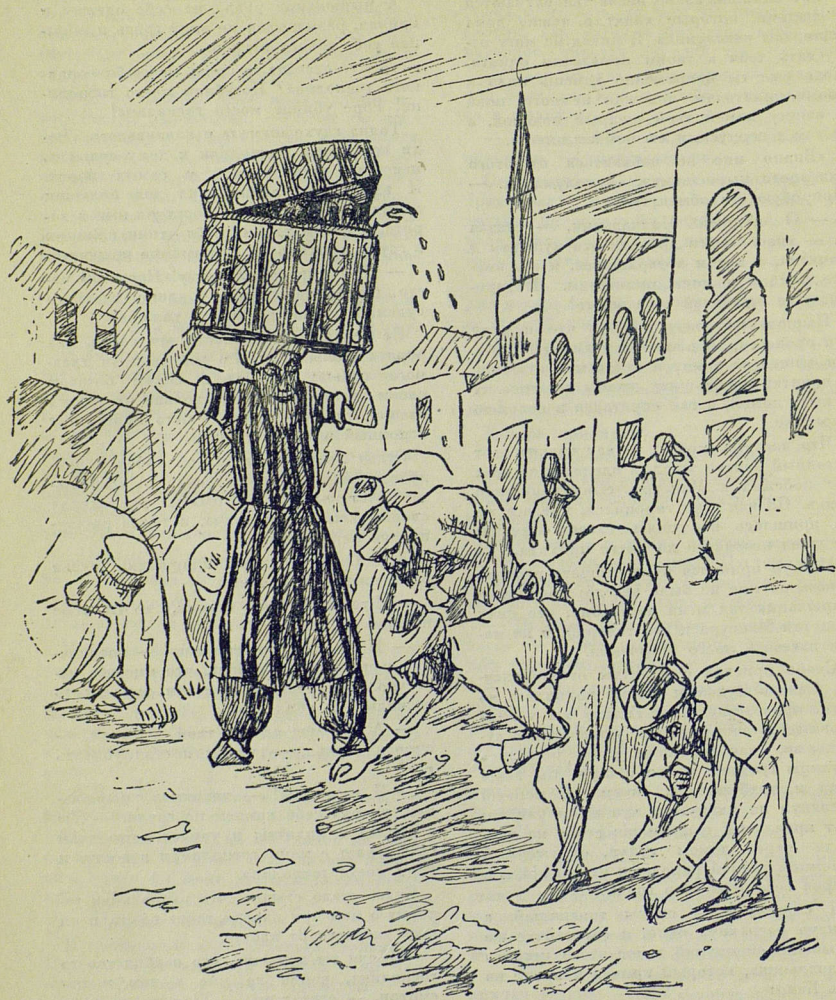
— А что мне сделал твой господин, — спросил судья, — чтобы я стал убивать его?

— Я все знаю! — закричал цырюльник, ударяя себя камнем по груди. — Ты вернулся с молитвы и увидел, что твой сын играет с моим господином в кости, и убил моего господина.

Судье стало стыдно, что цырюльник говорит о нем при народе такие слова, и он весь затрясся от злости.

— Если ты думаешь, что я убил твоего господина, войди ко мне в дом и посмотри, — сказал он. — Ты увидишь, что твой господин жив и здоров.

Не успел он договорить, как цырюльник огромными прыжками побегал через площадь и бросился во двор дома судьи.

Я вынул горсть золота и бросил ее людям, которые ждали у ворот.
Все кинулись подбирать золото...

— Спрячься скорее куда-нибудь, а то он тебя найдет и уже никогда не отстанет от тебя! — сказал я себе и заметался по комнате, ища куда бы скрыться от зловредного старика.

Я увидел в углу большой сундук и схватился за него, опустив крышку и задерживая дыхание.

А цырюльник вбежал в комнату и оглянулся направо и налево. Заметив сундук, он сейчас же бросился к нему и, поставив его на голову, побежал вниз по лестнице. А я сидел в сундуке ни жив ни мертв и думал лишь об одном: как бы спастись от этого цырюльника.

— Будь что будет! — решил я. — Лучше позор или даже смерть чем жизнь вблизи от этого отвратительного старца!

Я приподнял крышку сундука и увидел, что цырюльник уже вынес меня во двор а сейчас выйдет на улицу.

А у меня за паузой было много золота, которое я захватил с собой на всякий случай. Когда цырюльник выбежал за ворота, я вынул горсть золота и бросил его людям, которые ждали у ворот. Все кинулись подбирать золото, и цырюльник тоже нагнулся, забыв обо мне, а я выбросился из сундука и сломал себе ногу. Но я сейчас же вскочил и побежал, хоть мне было очень больно, а цырюльник бросился за мной крича:

— Долго ли мне еще ходить за тобой следом и спасать тебя? Ты видишь, что с тобой случилось из-за твоего непослушанья. Твой отец и дед всегда советовались со мной во всех делах!

И так он гнался за мной по всему Каиру. Наконец, я вбежал на постоялый двор, вблизи рынка медников, и попросил у хозяина защиты от этого проклятого старика. Хозяин велел запереть ворота и не пускать цырюльника, и я жил у него, не выходя на улицу, пока не поправилась моя больная нога. Потом я уехал из Каира и ездил по всему свету, и, наконец, попал в Багдад и в первый же день встретил здесь этого уroda. Теперь вы понимаете, почему я не могу остаться с вами. Я сегодня же покину Багдад и постараюсь найти такое место, где бы цырюльник до меня не добрался.

И он быстро вышел из комнаты прихрамывая и скрылся.

— Правда ли то, что говорит этот юноша? — спросили мы цырюльника.

— О собрание, — сказал цырюльник (а лицо его пожелтело). — Если бы не я, его бы, наверное, убили. То, что он говорит о моей болтливости, — ложь. Из-за него мне пришлось обойти многие страны, и, наконец, я застал его здесь у вас. Я человек молчаливый, степенный, не то, что мои шесть братьев.

— Мы схватили этого цырюльника, — продолжал портной, — и заперли его в другой комнате, а сами сели и начали пить и есть. Потом я пошел домой, и моя жена сказала мне:

— Ты с утра до вечера ходишь по гостям и пируешь, а я сижу дома. Если ты сейчас же не пойдешь со мной погулять, ты мне не муж и я тебе не жена!

— Хорошо, — сказал я и пошел с ней гулять.

Мы гуляли до вечера, а по дороге домой встретили этого несчастного горбуна, который был пьян и пел веселые песни. Мы пригласили его к себе ужинать, и он подавился рыбной костью и умер. Я испугался и отнес его в дом врача и бросил на лестнице, а врач изловчился и бросил его во двор начальника кухни, а начальник кухни оказался еще хитрей и подобрал его на рынок, где его нашел этот меняла. Вот рассказ о том, что со мной вчера случилось. Не правда ли, он более удивителен, чем история горбуна?

Услышав рассказ портного, халиф потряс головой от восторга и сказал:

— Твоя правда, эта история лучше и интересней, чем то, что случилось с горбуном. Я прощаю вас всех и даю вам пощаду, а горбуна мы похороним и сделаем ему мраморную гробницу. Но сначала приведите сюда этого Молчаливика. Я хочу на него посмотреть и послушать его речи.

Не прошло и получаса, как цырюльника привели и поставили перед халифом. Увидя его, халиф громко расхохотался и сказал:

— О Молчаливик, правда ли то, что про тебя рассказывают?

— О халиф, — ответил цырюльник, — знаю, что я человек молчаливый и нелюбопытный и не люблю спрашивать о том, что меня касается. Почему все эти люди собрались здесь, и что случилось с этим горбуном, который лежит перед тобою?

— Расскажите ему обо всем, — сказал халиф, и цырюльнику рассказали историю горбуна.

Цырюльник извлек из горла горбуна кусок рыбы.

Выслушав ее, цырюльник покачал головой и воскликнул:

— Поистине это удивительно! Дайте-ка я посмотрю на горбуна.

Он подошел к горбуну и посмотрел ему в лицо и вдруг так засмеялся, что чуть не упал на спину.

— Что с тобой, Молчальник?—спросил его халиф.

— О повелитель, — ответил цырюльник, — клянусь твоей бородой, в этом

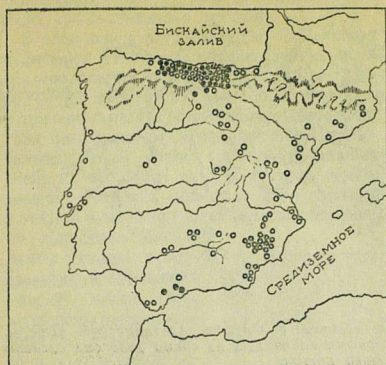
горбуне еще сохранилась жизнь. Сейчас ты увидишь, что я с ним сделаю.

И цырюльник вынул из-за пазухи горшочек с каким-то жиром и смазал им шею горбуна, а потом он вынул два железных крючка и, опустив их горбуну в горло, извлек оттуда кусок рыбы с большой кривой костью. А горбун чихнул три раза подряд, вскочил на ноги и воскликнул:

— Всякая смерть удивительна, но моя смерть удивительней всех! Слышали ли вы, чтобы кто-нибудь умер, а потом ожил?

— Твоя правда, горбун! — сказал халиф.

Он приказал записать все, что услышал, на золотой бумаге, серебряными чернилами и велел щедро наградить портного, врача, повара, меняю и молчаливого цырюльника, а самую большую награду получил горбун. И все они поблагодарили халифа и ушли, и вот все, что мы о них знаем.

Необычная карта

Посмотрите внимательно на эту карту. Каждый из нас знает ее наизусть. Вот наверху, у самого берега Бискайского залива, где густо насыпаны черные кружочки, — здесь героическая земля басков и дальше, на запад — страна астурийских горняков. Невольно приходят на память славные имена: Бильбао, Сантандер, Овьедо.

Ниже значки лежат совсем редко. Вот здесь, в середине полуострова, как будто обозначен несокрушимый Мадрид на омытой кровью реке Мансанарес.

Еще ниже, на большой полосе вдоль побережья Средиземного моря, снова появляются широко разбросанные, но тут уже белые кружки. Вы хорошо знаете эти места. Теперь здесь также льется горячая кровь доблестных сынов Испании.

Наконец, в самом низу, на берегу моря, глаза ищут так хорошо знакомые каждому из нас имена: Барселона, Валенсия, Альмерия.

Но на карте нет ни одного из этих названий.

Карта изображает Пиренейский полуостров, каким он был много десятков тысячелетий назад, когда большая часть Европы была покрыта ледником, а на юге ее по толким болотам тундры бродили стада косматых мамонтов и северных оленей.

Испания тогда была свободна ото льда. Пиренейский хребет преграждал движение холода. Предгорья покрывал первобытный лес, а на плодородных землях северного и южного побережий простирались степи. В степях паслись бесчисленные стада травояд-

Что рассказывают картины на камнях о первобытной ИСПАНИИ

Г. Финогенов

ных. И не удивительно, что люди заселяли этот благодатный край с самых первых времен своего существования на земле. Вооруженные дубинками, тяжелыми кольями и грубыми каменными ножами, они жили небольшими сплоченными ордами, всей ордой нападали на зверя, все вместе ели его мясо, зажаренное на костре, и вместе голодали, когда не было пищи.

Жизнь людей была неразрывно связана с жизнью стад травоядных животных. Первобытные охотники выбирали для своих становищ места, обильные пастбищами. Потому так неравномерно была заселена Испания ледникового периода.

Кружочки, усеивающие нашу карту, как раз и обозначают места, где были найдены следы древних человеческих становищ: зола костров, кучи костей убитых и съеденных животных, первобытные орудия, человеческие скелеты.

Несколько десятилетий тому назад ученые открыли замечательную вещь. Оказалось, что стены и потолки некоторых горных пещер, куда заходили первобытные охотники, покрыты рисунками, выцарапанными каменным ножом, и картинами, накрашенными земляными красками. И таких, самых древних «музеев живописи» на испанской земле довольно много (именно они и обозначены на нашей карте кружочками, зачерненными внутри).

Открытие пещерных росписей взволновало весь ученый мир: ведь это сам первобытный человек зарисовывал свою, неведомую нам жизнь!

На этом рисунке изображена в 70 раз уменьшенная картина с потолка Альтамирской пещеры. Для простоты все фигуры животных нарисованы черными линиями, а на самом деле они сделаны красками в несколько цветов.

Но читать эти стенные росписи оказалось не так легко. Долгое время древние картины казались загадками. Вот о том, как шаг за шагом разгадывали ученые эти загадки, и будет рассказано в этой статье.

Маленькая девочка делает большое открытие

На склоне Кантабрийских гор, недалеко от Сантандера и всего в трех километрах от моря, расположена знаменитая теперь Альтамирская пещера.

Ее вход лежит почти на самой верхушке холма и обращен к северу. Низкорослый кустарник густо покрыл весь склон горы. Два ручейка, сбегаящих вниз, вдруг теряются в почве. Следы многочисленных провалов видны повсюду, но особенно много их вблизи пещеры. Точно могучие взрывы динамита исковеркали всю вершину холма. Извилистая, едва приметная тропинка долго вьется между камней и кустов и ведет вас все выше и выше. Последний поворот — и вы у крохотной досчатой двери, как будто запавшей между двух обломков скалы.

Шестьдесят лет тому назад не было ни тропинки, ни двери, заботливо оберегающей пещеру, а вход в нее был закрыт осыпавшимися камнями и густым кустарником. В забытый теперь день безвестный охотник бродил с ружьем на плече по склонам холма. В поисках местечка, укрытого от зноя и удобного для отдыха, он случайно остановился у больших камней, раздвинул кусты и вдруг обнаружил полузасыпанный вход в пещеру.

Позже он рассказал о своей находке ис-

панскому археологу Марселино де Савтуола и показал ему вход в пещеру. Археолог, белоглазый осматрив пол пещеры, сразу определил, что пещеру посещали люди в глубокой древности. Но пещера была длинная и темная, и Савтуола отложил детальный осмотр ее на будущее.

Только через четыре года, в ноябре 1879 года, он собрался вторично посетить Альтамиру. Как всегда, археолог взял с собой маленькую дочь: она сопровождала отца в его увлекательных экскурсиях.

Вооруженные заплечным мешком для сбора интересных находок, ручной лопаткой и фонарем, археолог с дочерью разыскали вход в пещеру и с трудом проникли внутрь через небольшое отверстие.

С первых же шагов Савтуола стал ходить на полу каменные орудия. Все говорило о том, что пещера была не тронута с того самого дня, как ее покинули древние обитатели. Савтуола поставил фонарь на пол, присел на корточки и пядь за пядью тщательно осматривал каждый кусок пола.

Вдруг его дочь вскрикнула удивленно и испуганно:

«Папа, папа! Скорее подыми фонарь: там кто-то есть!»

Савтуола поспешно выпрямился и поднял фонарь под самый потолок. Казалось, живые существа глядели на него с потолка. Он различил большие, до полутора метров величины, буровато-красные туши бизонов, лошадей, ланей, кабанов.

Множество изображений покрывало весь свод пещеры, но часть их уже погибла при

обвале потолка. Савтуола с трудом поверил собственным глазам: так неправдоподобно было представившееся зрелище.

В следующем году Савтуола опубликовал небольшой отчет о своих находках и снабдил его планом пещеры и наброском изображений на потолке. Его сообщение было встречено с недоверием и насмешками. Считали невозможным, чтобы живопись первобытных людей могла уцелеть до наших дней; не находили смысла в том, чтобы древние охотники помещали свои картины в темной и малодоступной пещере; наконец, не допускали мысли, чтобы столь совершенные изображения зверей могли быть исполнены руками «дикарей». Решили попросту, что какой-нибудь веселый художник захотел посмеяться над наивным археологом, устроив ему неожиданный сюрприз.

Так встретил ученый мир это замечательное открытие. Савтуола, осмеянный и уничиженный всеобщим недоверием, не имел сил продолжать начатое дело—Альтамира была забыта.

Картины, которым 20 тысяч лет

Пятнадцать лет спустя во Франции была открыта пещера Ла-Мут, на стенах которой обнаружили нацарапанные рисунки зверей. Тогда снова вспомнили открытие злополучного Савтуола. Стали раздаваться голоса, что может быть это и в самом деле дошедшая до наших дней живопись художников, живших десятки тысяч лет назад. Яркие краски альтамирских картин могли сохраниться так хорошо потому, что вход в пещеру закупорил обвал и внутрь не проникали ни солнце, ни ветер, ни дождь, ни снег.

Но главным доказательством подлинности и глубиной древности этого искусства послужило то, что на потолке пещеры изображены бизоны, каких ни сейчас, ни в памятные человеку времена не водилось ни в Испании, ни во всей Западной Европе. Неведомые художники изобразили как живых

бизонов, которые вымерли следом за окончанием ледниковой поры.

Споры среди ученых закончились полным признанием открытия Савтуола. С тех пор открыто уже более тридцати пещер с доисторическими рисунками. И все же мы еще не достаточно знаем это искусство.

Их находят вблизи от входа пещер и в самых далеких и труднодоступных уголках, в обширных залах и в узких коридорах, на стенах, потолках и даже на полу.

Иногда это простые рисунки, привычные для нашего глаза, но не карандашом нари-

Многоцветная картина на стене пещеры Ля Пасьега.

сованные на бумаге, а выцарапанные каменным ножом на известняковой скале. Иногда это выведенные пальцем на сырой глине силуэты зверей или причудливые узоры. Но чаще всего это живопись, сделанная в одну краску (красную, черную или желтую) или в несколько цветов. В закупоренных и сухих пещерах древние краски так хорошо сохранились, что до сих пор еще кажутся яркими и блестящими, как будто только вчера были накрашены на стене.

Но что же хотели сказать древние художники своими загадочными картинами?

Силуэты рук

В 1901 году французские ученые Картальяк и Брейль отправились в Испанию для нового изучения стенных картин Альтамиры.

Почти на всем протяжении этой огромной пещеры, на стенах и сводах ее, они обнаружили множество изображений, не замеченных Савтуолой.

Красная картина на потолке Альтамирской пещеры, открытая Брейлем и Картальяком.

Ни одной пояснительной надписи, ни одного знака, похожего на букву, не было на картинах: пещерная живопись древнее всякой письменности. Рисунок наслаивался на рисунок, часто ничего нельзя было разобрать в причудливом сплетении зверей и узоров.

Археологи переходили от одного безмолвного ребуса к другому. Затем они начали срисовывать картину на потолке пещеры. Там были изображены две красные лошади с длинными тонкими мордами и короткой гривой, стоящей как у осла. В ногах одной из этих лошадей словно запуталась прекрасная голова дикой козы, и тут же были разбросаны силуэты правой руки.

В этой картине все было непонятно: странные лошади без глаз и ушей, левая лошадь нарисована косо... И почему вообще лошади красные? Совсем необъяснимыми казались силуэты рук: точно ребята для забавы, прижав ладонь к стене, другой рукой обводили ее силуэт красной краской, а затем, наскучив этим занятием, вымазали самую ладонь и нашлепнули на стену ее отпечаток. И неизвестно для чего во всю эту путаницу втиснут изящный и тонкий рисунок головки дикой козы. Рот, глаза, ноздри и даже линии мускулов на скулах и шее — все нарисовано с изумительным совершенством. Но отчего же все это смешано в одну кучу?

Долго разбираясь в загадочной картине, ученые вдруг обратили внимание на следующее. Там, где нарисована головка козы, в месте наибольшего сплетения фигур, совершенно отчетливо видны три слоя живо-

писи, наложенные один на другой: силуэт руки лежит ниже всего, на него, пересекая пальцы, наложена фигура лошади, а головка козы нацарапана позже всех.

Значит, здесь, на одном месте, нарисованы три самостоятельные картины, одна поверх другой, и нарисованы они в разное время. Это было очень интересное наблюдение. Именно это открытие и помогло, в конце концов, разгадать загадку древней живописи.

Открытие в пещере Кастильо

Летом 1909 года два испанских археолога: профессор Лоренцо Сиерра и любитель Германио

Алькальде дель Рио — начали искать новые пещеры со следами первобытного человека вблизи Сантандера, так как уже было известно, что древние стоянки обычно не бывают одиноки, а располагаются целыми группами невдалеке друг от друга.

И в самом деле, открытие следовало за открытием. Целый ряд пещер, покрытых замечательной живописью, был открыт в эту экспедицию: в июле — Салитре, 11 сентября — Коваланас, через два дня — Ла Хаза, в следующем месяце — Горнос де-ла-Пенья. Но самое важное открытие было сделано уже поздней осенью, 8 ноября, вблизи местечка Пуэнте-Виезго, в той же самой провинции Сантандер. На склоне высокого холма Кастильо археологи обнаружили пещеру с очень узким входом. Исследователи попали сперва в небольшое низкое помещение, названное ими «вестибулем», а затем — в огромную залу с несколькими выходами в правой стене. На триста метров в глубь горы протянулись ходы — щупальца, разветвляющиеся, идущие в несколько этажей и снова сходящиеся. Во многих местах изумленным глазам исследователей открывались помещения, покрытые причудливыми сталактитами. 133 картины обнаружены были на стенах этой громадной пещеры.

Одна группа изображений сразу же привлекла внимание Алькальде. Это были силуэты рук, во множестве разбросанные в разных местах пещеры и очень напоминавшие изображения правой руки на потолке Альтамиры. Правда, здесь почему-то преобладала левая рука, здесь не было отпечат-

ков, как там, а только силуэты, но силуэты были сделаны совершенно так же и таковой же красной краской.

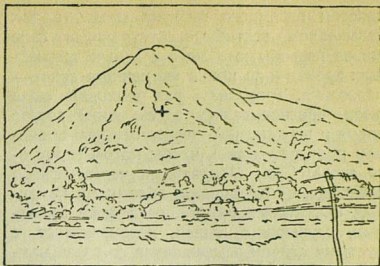
Шаг за шагом осматривая стены пещеры. Алькальде, наконец, увидел то, чего так упорно искал все лето. В одном месте стена пещеры как будто не выдержала тяжести прошедших тысячелетий: она вся растрескалась и словно поперечеркивала черными бороздами красные и желтые рисунки первобытных художников. Здесь было изображено несколько бизонов, своими странно-странными невольными напоминавшими красных лошадей Альтамыры: опять нет ни глаз, ни рта; опять ноги оборваны, точно рисунок делался наспех и его не успели закончить; опять животные окрашены в самые невероятные цвета: красный и желтый. И — самое поразительное! — тут в ногах верхнего животного тоже запутались силуэты рук, и опять они оказались под контуром бизона!

Правда, здесь не было «третьего слоя», не живопись так же отчетливо, как и на альтамырском потолке, разделялась на самостоятельные, разновременно сделанные картины.

При этом «слои» шли в том же самом порядке, что и в Альтамыре.

Самый нижний и, следовательно, самый древний слой содержал в себе только силуэты рук и красные точки. В этом слое не было никаких изображений.

А во втором слое были, наоборот, только фигуры животных, причем и лошади и би-

Вид на гору Кастильо со стороны моря. Крестиком обозначено место, где находится вход в пещеру.

зоны не имели ни глаз, ни ушей, ни рта, края рисунка были оборваны, а раскраска неправдоподобна.

Самый поздний, третий слой, найденный, как вы помните, в Альтамыре, представлял собой гравированный на стене рисунок одной головы животного, настолько реальный и понятный нам, что ни один штрих, ни одна деталь не вызывали никаких недоумений.

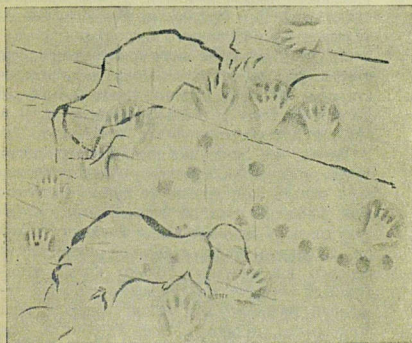
Но когда же создавались эти три слоя? И сколько времени прошло между ними: годы или тысячелетия?

Испуганная лань

Теперь за работу взялся целый коллектив ученых разных стран, объединяемый парижским Институтом палеонтологии человека. Алькальде продолжал принимать неизменное участие в этих работах. Общими усилиями дело двигалось вперед.

В последних числах апреля 1911 года были начаты новые обследования все в той же пещере Кастильо. Дело в том, что до этого в ней так и не нашли никаких следов проживания человека. Казалось, люди приходили сюда только затем, чтобы покрывать стены пещеры своими загадочными рисунками. А пещера расположена очень выгодно, она господствует над обширной и плодородной долиной, значит, жилище человека должно было быть где-то совсем неподалеку. И действительно, у самого входа в пещеру, под тонким слоем современной почвы, нашли остатки древнего стадоовища.

Оказалось, что в старое время пещера, кроме ныне существующего, имела и другой вход, расположенный на 15 метров ниже верхнего. И вот здесь, на площадке, под

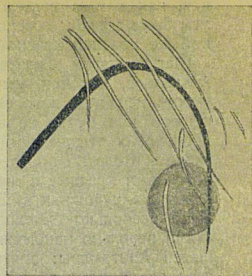
Часть сложной картины на стенах пещеры Кастильо. Силуэты рук, точки и маленькие значки сделаны красной краской. Поверх них накрашены фигуры бизонов: верхний — желтой краской, а нижний — красной.

навесом огромного выступа скалы, в так называемом вестибюле, устраивали свое жилище первобытные люди с самых древнейших времен и до конца «каменного века» — палеолита. Тринадцать раз приходили сюда люди, обосновывались здесь, жили долгое время и по каким-то неизвестным нам причинам покидали жилище, чтобы потом вернуться снова. Слои с остатками человеческого обитания, с кострищами, обломками каменных и костяных орудий, остатками животных, служивших пищей, перемежаются с пустыми слоями осыпавшихся со свода камней и суглинка. В эти периоды опустения могучие пещерные медведи, вымершие еще в ледниковое время, становились полнозастными хозяевами пещеры. О пребывании этих огромных хищников всегда можно узнать по двум признакам: медведи любят чешаться спиной о стену, облюбовывают для этого постоянное место и отполировывают стенку до полного блеска; другая их привычка — это скрести камни когтями, чтобы когти не отрастали слишком сильно. И вот на стене пещеры в одном месте сохранились следы когтей, исцарапавших стену, а вместе с ней повредивших и древнюю красную живопись, нанесенную на нее человеком прежде, чем была покинута пещера.

Раскопки шли полным ходом. Слои за слоями снимали землю со всей площади «вестибюля», просеивали ее через проволочные сита и отбирали все предметы, свидетельствующие о былой жизни человека. Чтобы не запутаться во множестве найденного материала, каждому из тринадцати «культурных слоев» была присвоена своя латинская буква.

Уже в третьем от поверхности слое начали попадаться обломки каких-то костяных орудий со следами гравированных рисунков. Но самыми богатыми произведениями искусства оказался следующий слой, зарегистрированный под литерой «h». Среди других находок здесь была подобрана целая серия лопаток оленя с прекрасными, тонко выгравированными на них рисунками ланей.

Но вот рабочий извлекает из груды кремней, обломков костей и золы еще одну лопатку оленя и подает ее археологам. С напряжением всматриваются все в пожелтевшую от времени кость, и невольный возглас восхищения срывается со всех уст: «Какая прекрасная вещь!» Действительно, трудно себе представить более изящный рисунок: молоденькая лань, вытянув настороженную мордочку вперед, прислушивается к чему-то, расставив уши в разные сторо-

Следы когтей пещерного медведя на стене пещеры Кастильо.

ны и широко открыв свои большие испуганные глаза. Короткая мягкая шерстка так и лоснится на ее морде, словно расчесанная чьим-то старательным гребнем. Ноздри нервно вдыхают воздух. Сколько жизни, искренности, сколько глубокой правды в этом, налету схваченном, образе грациозного животного!

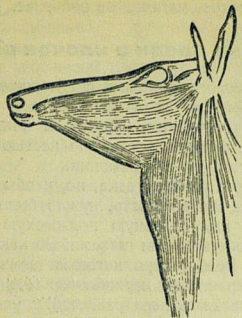
Головка лани, выгравированная на лопатке оленя.

Как зачарованные смотрели ученые на маленький обломок кости. Немая находка стала вдруг для них ярким и живым свидетелем давно минувших эпох.

И тут Алькальде вспомнил, что он не первый раз видит эту головку: ведь это повторение рисунка в Альтамирской пещере. Да кроме того тот же рисунок есть и в пещере Кастильо.

Тотчас же, вооружившись ярким ацетиленовым фонарем, группа ученых отправилась внутрь пещеры, по ее извилистым ходам, захватив с собой только что найденную гравюру лани. А вот и стенная гравюра. Сходство обоих рисунков поражает с первого же взгляда. Только когда всмотришься внимательно, улавливаешь едва заметную разницу: в стенной гравюре уши приподняты, головка скорее вздернута, чем вытянута вперед. Головка такая же нервная, чуткая и подвижная, и чувствуешь, что малейший шорох — и глаза тотчас же наполнятся страхом, ноздри и уши зашевеливаются и мордочка вытянется вперед на гибкой шее. За исключением этой неболь-

шой разницы в настроении, все одинаково на обоих рисунках: стенном и на кости. И там и здесь изображено не все животное, но только его голова с частью шеи, и там

А это голова лани, выгравированная на стене пещеры Кастильо.

и здесь лань видна в строгом профиле, и там и здесь шелковистая шерстка на морде и шее передана тонкими параллельными штрихами. Не могло быть никаких сомнений в том, что эти рисунки сделаны в одно время.

Но когда же они были сделаны?

Теперь это можно было определить. Пожелтевшая лопатка оленя была вынута из слоя «h», а возраст этого слоя археологи знали по форме и технике каменных и костяных орудий, найденных в нем. Этот слой отложился в «мадленскую» эпоху, как называют археологи предпоследний период древнекаменного века, в честь уже давно известного становища этого времени — «Ла Мадлен», найденного во Франции.

Итак, теперь, наконец, было установлено, когда жили художники, создавшие третий слой пещерной живописи, и все же ученые прекрасно понимали, что они стоят только в самом начале пути, что для разгадки тайны стенописи они не знают еще чего-то, самого главного.

Таинственный трон

Следующее же открытие принесло новые трудности и новые загадки.

Два археолога: Гуго Обермайер и Пауль Вернерт — из числа участвовавших в раскопках «вестиюля» пещеры Кастильо — в свободный от работы день решили совершить прогулку на южный склон горы и заодно осмотреть там небольшую пещеру Ля Пасьега, служившую пристанищем для местных пастухов.

Кроме обычного снаряжения они захватили с собой на этот раз длинную веревку, так как были предупреждены о трудных и опасных для жизни переходах внутри пещеры.

Это было 23 мая 1911 года. Стояла чудесная тихая погода. Глубоко внизу, на дне изумрудной долины, как будто застыла серебристая лента реки. Вверху, на безоблачном небе, ослепительно сияло солнце. Может быть, поэтому крутой подъем в гору показался таким легким двум археологам, и они не обратили никакого внимания на сбивчивые предостережения и суеверный страх пастухов, приведших их к узкой и темной расщелине в полу небольшой пещеры.

Археологи приготовились к спуску: они обвязали себя концами длинной веревки и зажгли лампы, подвешенные на крючке к поясу. Вернерт первый опустился в дыру. Очень узкая щель почти вертикально спускалась вниз. Когда его ноги почувствовали под собой твердую опору, он крикнул Обермайеру, чтобы тот следовал за ним. Дальше расселина переходила в известняковую трубу, широкую настолько, что человек среднего сложения мог поместиться в ней вытянувшись. Так и скатились по влажной трубе оба исследователя и очутились в обширной зале, стены которой, все в трещинах и выбоинах, были покрыты многочисленными цветными и гравированными рисунками. Это были изображения примерно сотни животных. Поразительная смесь всех диких обитателей первобытной Испании: степные табуны диких лошадей и стада больших бесшерстных слонов, горные зубры и дикие быки, лесные олени, лани и кабаны и, наконец, одиноко стоящие фигуры круторогого горного козла, жителя неприступной крутизны, или быстрой серны.

Ученые видели обширный мир животных, населявших первобытную Испанию, видели его точно таким, каким он был много тысячелетий назад, в суровые времена ледниковой поры. Таким же точно видели этот мир много десятков тысяч лет назад первобытные охотники, и жизнь этих людей показалась вдруг ближе и понятнее археологам. Им стало ясно тогда, что как ни запутан язык пещерного искусства и как ни мало расшифровано оно до сих пор, но даже в таком полурасгаданном виде оно правдиво рассказывает нам уже многое о жизни древних людей.

Но извилистые и запутанные ходы вели из этой залы дальше. Они превращались в

настоящий лабиринт, как будто нарочно устроенный здесь природой для того, чтобы помешать любопытным проникнуть в следующее помещение. Когда исследователи, изнеможенные, попали, наконец, в него, они были еще больше поражены. Какие-то запутанные значки испещряли стены. Насколько просты и понятны были рисунки первой «галереи животных», настолько же чужда и таинственна оказалась живопись здесь, в «галерее надписей». Она точно подготавливала путников к чему-то особенному, точно предупреждала их о чем-то.

И действительно, чем дальше, тем труднее становился путь. Сперва, низкий и неудобный проход по скользким каменным глыбам, неоднократно пересекаемый коварными расселинами, где каждый неверный шаг может привести к гибели; затем, ужасное сползание по липкой глине, переходы почти по колёно в воде по острым шипам кристаллов; наконец, внезапный обрыв в пропасть, в которую можно спуститься только на веревке. С трудом передвигая израненные ноги, ощущая каждый выступ пола, зачастую вынужденные двигаться на четвереньках, археологи уже готовы были отказаться от дальнейшего осмотра. Глухие удары капель, падавших со свода, рокот камней, обрывающихся под ногами и скатывающихся в бездонную расселину, каждый звук, многократно повторяемый эхом, каждый шум, внезапно возникший, заставляли их невольно вздрагивать.

Но вот проход внезапно расширился, превратившись в высокую, величественную залу. Лучи света, выпускаемые двумя фонарями, терялись, не достигая потолка пещеры. Редкие рисунки, начертанные на стенах руками первобытных художников, тоже, казалось, были какими-то торжественными. У дальней стены выделялось естественное возвышение известняка в виде сиденья с высокой спинкой и двумя боковыми ручками. Спинка и бока этого естественного «трона» были, повидимому, подправлены руками человека еще в глубокой древности. На концах боковых ручек «трона» еще и сейчас отчетливо видны следы пальцев, натертых красной краской. Кремневой ножик как бы случайно оставлен на сиденье «трона».

Перед таким ярким свидетельством жизни, наполнявшей таинственную пещеру много тысяч лет тому назад, археологи почувствовали себя попавшими в какой-то неведомый мир.

И вот тут у них возникла мысль, что об-

разы животных, запечатленные первобытными охотниками на стенах темных необитаемых пещер, не могли быть сделаны только для удовольствия художника или для украшения помещений: эти картины имели колдовское, магическое значение.

Чашка крови и клочок шерсти

Археологи пришли к предположению, что первобытные люди совершали в пещерах какие-то тайные обряды. И рисунки на стенах входили составною частью в сложные охотничьи церемонии.

Такова была догадка, но, чтобы подтвердить ее правильность, нужно было увидеть такую или подобную колдовскую церемонию собственными глазами. Но как это сделать? Ведь теперь нигде на земном шаре не сохранились первобытных народов. Задача казалась неразрешимой.

И вот тут большую услугу археологии оказали наблюдения путешественника Лео Фробениуса над жизнью африканских пигмеев, сделанные им в 1905 году. Долгое время он сам не понимал всей важности своих наблюдений и только в 1923 году опубликовал свои старые записки сперва на немецком языке, а в 1930 году вторично изложил их в одном французском журнале. Вот что рассказал Фробениус:

«В 1905 году в девственных лесах Южной Африки между Касаи и Луэбо, притоками большой реки Конго, я встретил небольшое племя охотников-пигмеев. Несколько человек из них сопровождало мою экспедицию почти целую неделю.

Однажды вечером, когда между нами завязалась уже подлинная дружба, мы оказались совсем без еды. Я предложил моим маленьким спутникам убить нам сейчас же антилопу, что было совсем нетрудным делом для таких искусных охотников. И все-таки пигмеев было заметно недовольно моей просьбой. Один из них объяснил мне, что они хотели бы исполнить мое желание, но в данный момент это совершенно невозможно, так как заранее не было сделано никаких приготовлений. Наконец, после очень долгого обсуждения, охотники согласились сделать свои приготовления завтра утром, на восходе солнца. Затем трое мужчин разошлись в разные стороны на поиски добычи и позже собрались на вершине ближайшего холма.

Горя желанием узнать, в чем состоят приготовления этих людей, я встал до восхода солнца и проскользнул в кустарник

неподлеку от мста, выбранно-го вчера вечером пигмеями для своих церемоний.

Вскоре сюда пришли пигмеи, но не только охотники, а и женщина, также сопровождавшая нашу экспедицию. Мужчины присели на землю, выщипали траву на небольшой площадке и тщательно выровняли песок руками. Потом один из них сел на корточки и пальцем нарисовал что-то на песке. В это время остальные, отойдя в сторону, бормотали какие-то заклинания.

Затем наступила полная тишина.

Вдруг первые лучи солнца брызнули над горизонтом. Один из охотников приблизился к расчищенному месту, натянул лук и застыл в этой позе. Еще несколько минут полной тишины. Лучи солнца упали на рисунок, сделанный на песке. В то же мгновение с молниеносной быстротой разыгралась следующая сцена. Женщина подняла руки будто для того, чтобы схватить солнце, издавая при этом какие-то непонятные звуки. В то же время мужчина пустил стрелу. Крик женщины — и вооруженные охотники исчезли в зарослях.

Еще несколько минут маленькая женщина оставалась на холме, а затем удалилась в лагерь. Когда скрылась ее фигурка, я вышел из своего прикрития и увидел на почве, расчищенной от травы, рисунок антилопы почти в метр величиною, в горло которой была всажена стрела.

Пока отсутствовали мужчины, я хотел вновь подняться на холм, чтобы снять фотографию с изображения антилопы, но женщина, очевидно, угадавшая мои намерения, помешала мне в этом и настойчиво просила не подыматься на холм.

Наконец, мы с него, собрав наши вещи, пустились в путь. После полудня нас догнали охотники с прекрасной тушей козла. Он был убит стрелой в шею. Пигмеи оставили нам свою добычу и затем возвратились на вершину холма, унеся с собою несколько пучков шерсти и полную чашку крови убитой антилопы.

Только на следующий день они снова присоединились к нам, а вечером за кружкой пенистого пальмового вина я мог уже без риска заговорить об интересующих меня вещах с самым старшим из трех мужчин. Он мне сказал тогда по секрету, что

Картина на стене пещеры Ля Пасьего. Все лани нарисованы желтой краской.

они возвращались обратно, чтобы положить шерсть и вылить кровь на изображенные антилопы, вынуть стрелу и на восходе солнца стереть рисунок. Что касается смысла этого ритуала, невозможно было ничего у него выпытать, он мне сказал только, что кровь антилопы, вылитая на рисунок, избавляла их от кары за убийство животного. Затем он настойчиво просил меня не говорить женщине об его откровенности. Вероятно, он очень боялся последствий своей болтливости, потому что назаветра пигмеи вдруг покинули нашу экспедицию, даже не попрощавшись с нами».

Таков рассказ Фробениуса. Он не только подтвердил догадки археологов о колдовском назначении первобытного искусства, но и наглядно показал пример такого ритуала.

Вот почти все, что известно теперь о пещерных росписях Испании.

Как видите, немного известно, и множество важных вопросов остается еще без ответа. Вернее всего будет сказать так, что теперь только и начинается настоящее изучение первобытного искусства, потому что теперь перед учеными стоит задача уже не общего описания картин, а проникновения в глубь своеобразного живописного языка древних охотников. Перед учеными стоит задача — научиться читать картины, переводить каждую их линию, каждое пятно краски на наш язык так, как уже научились читать египетские иероглифы или вавилонскую клинопись. А научиться так расшифровывать первобытную живопись — это ведь значит научиться читать мысли первых людей на земле!

Четырнадцатилетним

Многим из вас по четырнадцать лет, дорогие читатели. Через четыре года вам исполнится восемнадцать — и вот вы полноправные граждане Союза ССР. К тому времени наступят новые выборы Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик. Граждане Советской страны вновь, как один, пойдут к избирательным урнам, и вы вместе со всеми получите бюллетени и будете выбирать верховные органы нашей народной власти.

Полноправный гражданин!

Нигде в мире граждане не имеют таких прав, как у нас, и нет в мире почетнее и священнее обязанностей чем обязанности советского гражданина.

Возьмите в руки Конституцию — Основной Закон нашей жизни. Отыщите главу десятую и прочитайте простые, чеканные строки, которые излагают обязанности советских граждан:

«СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития».

«Соблюдать Конституцию СССР...» В тринадцати главах Конституции, на тридцати страницах небольшой книжки, записано то, о чем много веков мечтали лучшие люди на земле. За это шли на торговлю и поднимались на подмостки виселиц самые горячие сердца, самые честные и смелые головы. За это сидел в тюрьмах Ленин; чтобы это стало возможным, шагал в Сибирь закованный в кандалы Сталин.

Эта маленькая книжечка переведена на все языки. Ее читают между двумя сражениями героические защитники Исландской республики. Ее изучают на политзанятиях бойцы 8-й китайской армии. Ее можно найти и в квартире парижского рабочего, и в шалаше норвежского рыбака, и в хижине польского крестьянина. Для них Сталинская Конституция — будущее, прекрасная мечта, то, что надо завоевать. Им, живущим в капиталистических странах, порой даже трудно представить себе, как это люди жи-

вут без эксплуататоров, без богатых и хищных тунаядцев. Они каждый день видят вокруг себя тысячи безработных, бездомных, нищих, и им трудно представить себе, что существует страна, где нет ни одного безработного, где каждый выбирает себе работу по вкусу и склонности, где каждый может бесплатно учиться и стать инженером, врачом, агрономом. Строки Сталинской Конституции раскрывают перед ними новый, неведомый и желанный мир.

Нам строки Конституции говорят о том, что уже завоевано и создано, о том, что мы видим и ощущаем каждый день и каждый час. Вы читаете в Конституции о праве всех граждан СССР на труд. Вам это право кажется простым и естественным. Действительно, среди всех ваших близких, среди всех знакомых, как ни напрягай память, не вспомнишь ни одного безработного. Вы читаете о праве граждан СССР на образование, и перед глазами возникает школа, в которой вы учитесь. Вы читаете о праве всех граждан СССР выбрать свою власть и вспоминаете замечательный день 12 декабря, когда действительно все граждане Союза единодушно и сплоченно выбрали Верховный Совет.

Есть ли в мире обязанность почетнее и священной, чем обязанность соблюдать Конституцию, в которой записаны эти замечательные права!

«Блюсти дисциплину труда...» Труд — основа всей жизни. Трудом создано все то, что ты видишь вокруг себя. Воспитывать с ранних лет все подрастающее поколение в сознательном и дисциплинированном труде — к этому призывал комсомольскую организацию Ленин.

В капиталистических странах рабочие и крестьяне работают на капиталистов и помещиков. Все плоды их труда присваивают эксплуататоры. Труд там рабский, подневольный. Людей труда там не уважают.

Советские писатели Ильф и Петров путешествовали по Америке. Они под'ехали к самому большому в мире мосту — изумительному достижению техники, — построенному около Сан-Франциско. Американцы охотно рассказали им, сколько весит мост, сколько стали понадобилось, чтобы его по-

строить, какие компании и сколько денег затратили на постройку моста. Но никто не мог назвать фамилии инженеров, проектировавших и строивших мост, уж не говоря о фамилиях рабочих. Это и не удивительно: рабочие и инженеры, строившие этот мост, продали капиталистам свой труд, получили свои гроши, и на этом их роль ограничилась.

Не то в нашей стране. Кто из вас не знает Алексея Стаханова, славного забойщика, который добывал больше всех угля, или машиниста Петра Кривоноса, который быстрее всех водит паровозы, или ткачиху Дусю Виноградову, которая за одну смену может наткать столько материи, что хватит на рубашки для школьников целого города?

Тот, кто хорошо и честно трудится, в нашей стране станвится героем, его имя окружено почетом и уважением.

«Честно относиться к общественному долгу...» Вспомните Павлика Морозова, замечательного пионера, убитого кулаками за то, что он не стал терпеть в родной семье предателей и изменников и рассказал о них суду. Вспомните замечательный поступок юноши, который по водосточной трубе поднялся на четвертый этаж и вынес из пламени девочку. Сдав девочку пожарным, юноша ушел, даже не сообщив своей фамилии. Он не нашел нужным этого сделать: ведь он только выполнил свой долг советского гражданина.

Пусть эти примеры всегда стоят перед вашими глазами. У этих людей учитесь, как надо выполнять Сталинскую Конституцию, как надо относиться к общественному долгу.

«Уважать правила социалистического общежития...» В капиталистическом мире люди жили и живут, подчиняясь одному правилу, одному волчьему закону: слабого толкни, сам прорывайся вперед, думай только о себе, о своем благополучии, о своем кармане. Один из героев знаменитого французского писателя Бальзака, Вотрен, поучает молодого парижанина: «В эту людскую массу надо или врезаться как пушечное ядро или прокрасться

как чума». В этих немногих словах смысл всей буржуазной морали.

В нашей стране все трудятся, все равны, и каждый, кто честно работает, имеет право на уважение. Строить свою жизнь так, чтобы помочь своим товарищам, заботиться о них, — качество, которым должен обладать каждый советский гражданин.

Грубость, невежество, неуважение к товарищу — все это насаждали богатые, все это остаток старого. И наша Конституция требует, чтобы мы уважали правила социалистического общежития: жили и работали дружно, по-товарищески, коллективом, заботились друг о друге, защищали слабых, помогали отстающим.

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

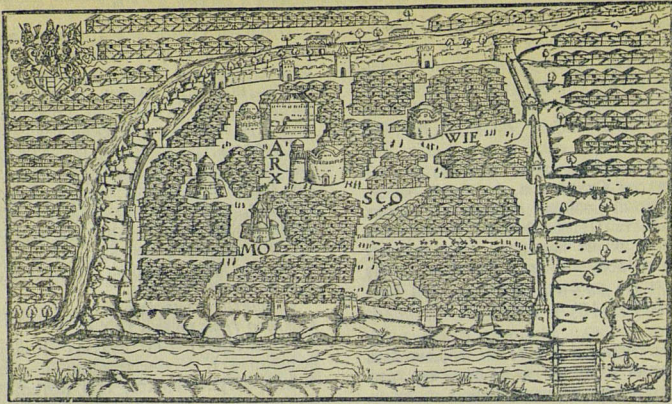
Прочитав 132-ю статью Конституции, вспомните о замечательном подвиге трех бойцов-пограничников, про который недавно сообщали газеты. Они были в дозоре, когда границу перешла банда в 15 человек. Трое против 15 приняли бой. Окопавшись, они метким огнем заставили бандитов лечь. Нарушители границы подожгли траву. В дыму, под обстрелом пограничники не отступили ни на шаг, не позволили бандитам прорваться на советскую землю.

Вы читаете в газетах о замечательных подвигах наших бойцов-пограничников и мечтаете о том дне, когда страна призовет вас в ряды Красной Армии.

— Призывная комиссия увидит, что у меня крепкие мускулы, что я метко стреляю, что я знаю, кто наш враг, и умею его ненавидеть, что я готов выполнить и этот пункт великой Сталинской Конституции.

Так думаете вы, четырнадцатилетние сыны и дочери советского народа, так думают все ваши товарищи, все ребята Советской страны.

Теперь вы еще не можете голосовать, но в дни выборов вместе со своими отцами и матерями, вместе со старшими братьями и сестрами вы пойдете на избирательные участки, вы будете призывать старших отдавать свои голоса за Сталина, за его соратников и учеников, за лучших сынов и дочерей советского народа, за тех, кто, не жалея сил и энергии, трудятся, укрепляя мощь и силу нашей родины.

Москва в XVI веке (старинная карта).

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ НАРОД

Проф. А. И. Яковлев

Под стенами Царьграда

В одно летнее утро 865 года, охваченные страхом, жители нынешнего Стамбула (или Константинополя) с семи холмов, на которых расположен этот город, увидели сотни легких долбленых лодок, однодеревок, проникших из Черного моря под самые стены города. Отряды могучих стройных воинов, вооруженных тяжелыми секирами и мечами, высадились на берег и готовились к приступу.

Отряды эти состояли из славяно-россов, как их называли греки, или русских, как говорим мы. Они обрушились на Царьград — Константинополь, чтобы свести с хитрыми и лукавыми византийскими греками давние счеы. Что же это были за счеы?

В те времена Константинополь был столицей Византийской империи. Когда полчища германских варваров завладели Италией и разорили Рим, столицу Западной Римской империи, поднялся и окреп восточный, или греческий, Рим на берегах Босфора, важнейшей дороги из Средиземного моря в Черное, в Южную

Россию и на Кавказ. Новый Рим, или Царьград, как его стали называть славяне, развивался и богател, властвуя над народами Малой Азии, Балканского полуострова, Сирии, Египта и других соседних стран. Подчиняя себе эти народы большей частью хитростью, византийцы ловко эксплуатировали их.

Одним из выгодных и давних промыслов для византийцев была охота за невольниками и, главное, невольницами на северном побережье Черного моря и в глубине степей и речных долин Украины. Константинопольские горожане издавна привыкли видеть славян с рогатками на шее, цепями и колодками на ногах. Это был ходкий товар, выгодно распродававшийся потом на всех рынках Средиземного моря.

Еще в 838 году прибыли в Царьград русские послы с мирными предложениями, но добрые отношения с греками, повидимому, им наладить не удалось. Прошло года два—три, и славяно-россы ответили на византийскую охоту за невольниками по-иному: большой отряд русских, пересекши против устья Днепра

Черное море, разгромил греческий город Амастриду. Это был первый, известный в истории крупный морской набег русских на Византийскую империю, но на нем дело не остановилось: и за этим набегом последовала только что упомянутая огромная военно-морская экспедиция 865 года, когда смелых славяно-россов под своими стенами увидела уже не маленькая Амастрида, а сама богатая и могучая столица империи.

«О город, царствующий над всей вселенной, какое войско, не обученное военному искусству и составленное из рабов, глумится над тобой, как бы над рабом! О город, украшенный добычами многих народов, какой народ вздумал обратить тебя в свою добычу!» — возмущался и жаловался византийский патриарх Фотий. Глава греческой церкви видел в наших предках только презренных рабов, осмелившихся поднять меч против господина всего Средиземноморья. А между тем россы вовсе не были такими варварами, какими их хотели изобразить византийские правители. Они и внешне выглядели совсем неплохо. Современник Фотия, араб ибн Фадлан, встречавший русских на Волге, восхищенно писал, что «не видел людей более совершенных членами чем россы. Они будто пальмовые деревья».

Одного похода оказалось недостаточно для того, чтобы заставить двоедушных византийцев соблюдать мирные договоры. Испуганные храбростью и силой русских, императоры торжественно обещали оберегать русских, приезжавших для торговли в греческие города, и не брать с них пошлин. Они даже вынуждены были согласиться уплатить выкуп русским, но при первом удобном случае нарушали мир. За два следующих столетия русским пришлось предпринять еще шесть смелых морских походов. Ходил под Царьград Олег, прозванный Вещим, ходили Святослав и Игорь и сын Ярослава Мудрого — Владимир.

Тяжелы и полны невзгод и опасностей были эти плаванья по морю в лодках-однодеревках. Но с каждым плаванием росла и слава о русских воинах. Ученый моряк, писавший свои «анналы» (летописи) в далеком Бертинском монастыре, на севере Франции, за много тысяч километров от Византии, и тот занес на страницы своей книги известие о первом появлении русских в Константинополе. А он записы-

вал только самые главные, самые выдающиеся события.

Географы-арабы, восхищаясь подвигами русских на Черном море, стали называть это море Русским.

На землях русских княжеств, рядом со славянами, жили тогда хазары, обры, узы, торки, берендеи, печенеги, черные клобуки (кара-калпаки), моравы, евреи и чудь. Люди этих народностей попали в Приднепровье частью как военнопленные славян, частью расселились добровольно. Многие из них роднились с русскими, перенимали их язык, учились у русских, как вести хозяйство, и вместе с русскими обороняли страну от врагов.

В дружном отпоре Византии славяне тоже объединились со своими соседями. В 907 году, повествует наша летопись, в поход на Византию выступили кривичи, радимичи, вятичи, древляне, поляне, северяне, хорваты, дулебы, тиверцы, ятвяги, меря и чудь. В боярской думе великого князя Киевского были и чудин Микула, и печенег Коснячко, и обрусевший грек Никифон.

Замечательное умение по-товарищески уживаться и дружить с другими народами отличало русский народ на протяжении всей его яркой истории.

В народных преданиях и былинах ярко отражались эти события далекого прошлого.

Славные киевские богатыри: старший Илья Муромец, могучий Добрыня Никитич и юный Алеша Попович — в одеждах калик переходящих явились в Царьград. Узнал о странниках царь Константин. Позвал их к себе и стал выспрашивать о русской земле, о ее богатствах.

Русские богатыри отвечали спокойно и хладнокровно, пока Идолище Поганый, Тугарин Змеевич и сорок других царьградских богатырей не стали глумиться над Русью.

— Сделаем в Киеве сечу великую, а князя Владимира и княгиню его возьмем в полон, к тебе приведем рабами, — похвалялся Идолище перед царем.

Илья и товарищи не стерпели этого поношения, вступили в неравный бой и победили царьградских богатырей. А царь Константин, увидев такую мощь русских, поспешил заключить с Киевским князем договор о дружбе.

Сказка на иной лад выражает мысли и чувства героической быliny, в которой певец говорит:

«Вы поедете по своим местам,
Вы чините везде такую славу,
Что святая Русь не пуста стоит,
На святой Руси есть сильные, могучи
богатыри.

Перед Киевом три заставы крепкие:
Первая застава — серы волки,
Другая застава — змеи лютые,
Третья застава — стоят двенадцать
богатырей».

2. Между Западом и Востоком

Русские жили на большой территории между Западом и Востоком. А из глубин азиатских степей то и дело поднимались дикие кочевые орды. Они обрушивались на славян-землепашцев, уничтожали их посевы, разрушали села и города, уводили в плен мирных жителей.

В то время как на Западе, в других европейских странах, народы богатели, накапливали культуру, — русские тратили все силы на войны с кочевниками. Охраняя свои селения и поля, русские в то же время охраняли весь культурный, цивилизованный Запад от набегов монгольских варваров. Вот какая почетная историческая задача выпала на долю русского народа!

Русские землепашцы были храбрыми и стойкими защитниками родины. Не даром главные и самые любимые герои наших былин — крестьянские сыновья Микула Селянинович и Илья Муромец. В одной былине рассказывается, как напал на Илью Муромца чужак-нахвальщина (наглец). Он одолел было Илью и повалил его на землю. Но

«лежучи, у Илья втрое силы прибыло;
Махнет нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового, —
Пал нахвальщина на сыру землю;
В сыру землю ушел до-пояса».

Сила Илья Муромца — в родной земле. Когда он лег на землю, то стал втрое сильнее. Так в былине русский народ выразил ту мысль, что, защищая свою землю, на своей земле русский народ справится с любым дерзким врагом, посягающим на его независимость. Как бы старые и новые нахвальщины ни хвалились, ни брядали оружием, свободный русский народ в союзе с братскими народами отстаивает свою свободу и независимость.

В XII и XIII веках мирным землепашцам очень часто приходилось становиться воинами. В 1103 году князь Владимир Мономах предложил взять у крестьян коней, чтобы снарядить войско для защиты Киевской земли от кочевников. Некоторые дружинники возражали князю. Они говорили: если у смердов-пахарей заберут лошадей, то после трудного похода лошади не смогут пахать. На это Владимир ответил: «Дивно мне, дружинники, что вы жалуете лошадей, на которых смерды пахут, а не думаете о том, что начнет смерд орати (пахать), а половчанин прискачет, поразит его стрелой, лошадь его отнимет и, в'ехав в село его, отнимет и жену его, и детей его, и все имение его. Лошадь жалуете, а самого пахаря не жалуете».

Народу было трудно защищать свою землю еще и потому, что князья, — вместо того, чтобы дружно оборонять родину от врага, ссорились и дрались друг с другом, истощая страну долгими междоусобными войнами.

А народ уже чувствовал себя единым и хотел защищать свое отечество. Это видно из замечательной русской поэмы XII века «Слово о полку Игореве». Воин — певец поэмы, рассказывая о том, как северские и курские полки выступили в степь, восклицает: «О русская земля! Ты уже скрылась за холмами». Все полки независимо от княжества, к которому они принадлежали, в поэме называются русскими. Автор поэмы глубоко страдает, когда передает весть о поражении храброго Игоря. Он говорит, что тоска разливается по русской земле. Он призывает князей бросить раздоры, вступить за землю русскую.

В XIII веке на Русь со всех сторон напали враги. С запада — венгры, полки, литва, немцы; с юга и востока — главный враг — татары. Народу Южной Руси пришлось оставить родные места. Большая часть русских отошла далеко на северозапад, на земли, защищенные от вражеских налетов стеною лесов. В новом краю, по Верхней Волге, Москве и Клязьме, по озерам Переяславскому и Ростовскому, по Сухоне, Вычегде и Северной Двине, русские, пришедшие с Днепра, встретили исконных жителей этих мест: чудь, корелю, мерю, вель.

Хотя русские были и сильнее и культурнее этих племен и лучше организован-

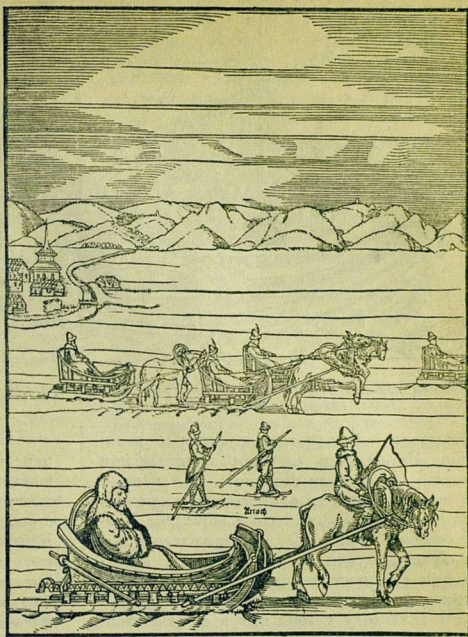
ны, они не вели себя как завоеватели. Встреча русских и чуди была мирной. Русские на новых местах стали заниматься земледелием и научили чудинов-охотников обрабатывать землю.

В нетронутой лесной чаще, где водились зубры, медведи и даже тигры, трудно было заниматься земледелием. Переселенец в девственном лесу, говорят древние грамоты, должен был «лес сечи и дворы ставити, пашню пахати и пожня (луга) чистити и людей к себе звати на те места...» Переселенец приходил на новую землю. Эта земля становилась его землей, когда он начал обрабатывать ее собственным трудом.

«Ту землю мы орали и косили», — говорил переселенец о своем участке земли. — Моя земля — та земля, куда мой топор, коса и соха ходили».

Много сил и труда понадобилось, чтобы раскорчевать леса, привыкнуть к новому климату, сдружиться с новыми соседями. Но русский народ с честью справился со всеми трудными задачами. В борьбе с природой русский народ стал еще более выносливым, упорным и предприимчивым. Он обжил огромные пространства земли, создал большие города, проложил дороги. Среди чужих племен русский народ сохранил и развил свой язык. В войнах с внешними врагами закалялись его мужество, расчетливая смелость и железная стойкость. А войны русским приходилось вести жестокие. Много хищников зарилось на обжитые русскими богатые места.

В 1240 году шведский ярл¹ Биргер с большим войском пошел на Новгород. Узнав о шведском наступлении, молодой новгородский князь Александр Ярославич вышел навстречу врагу. Ночью на Неве расположились два лагеря. В сторожевом посту русского войска находился один ижорянин, Пелгусий. Новгородский летописец рассказывает, что этому Пелгусию приснился сон, суливший победу Александру. Значит в войске Александра бы-

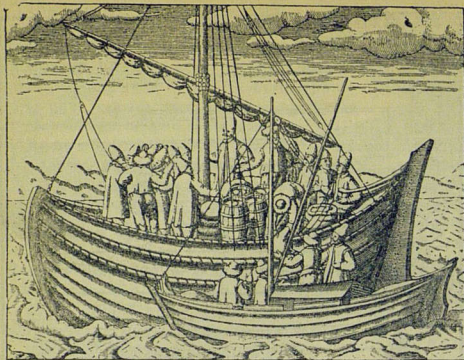

Езда на санях и лыжах в России (рисунок из книги, изданной в 1556 году).

ли чудины-ижоряне, и они горячо желали победы новгородскому князю и не хотели сменить дружбу с русскими на подчинение шведам.

Не успели новгородцы разгромить шведов, как им пришлось начать борьбу с немецкими рыцарями. Западнее новгородских и псковских земель в те времена, как и теперь, жили латыши и эстонцы. С начала XIII века на их земле стали обосновываться немецкие рыцари — крестоносцы. Латышам, ливам, курам и эстонцам трудно было отстаивать свою независимость против рыцарей, закованных в железо. Они часто звали на помощь русские дружины. Ходил бить немцев Ярослав, отец Александра, а еще раньше Мстислав Удалой. Но немцы всякий раз опирались на подкрепления из Германии, набирая наемников в Венгрии и других странах Европы. Папа римский слал рыцарям буллы (послания). Папские буллы

¹ Князь.

Русский корабль в Ледовитом океане (рисунок из старинной книги, изданной в 1598 году).

называли войну против русских и народов Прибалтики славным христианским делом, «крестовым походом». И у папы и у немецких дворян одинаково разгорались глаза на пушные и лесные богатства Новгородской земли. Им также хотелось заполучить в свои руки торговлю с азиатскими странами, которая шла через Новгород по Волжскому водному пути.

В 1241 году немцы изменною захватили врасплох Псков, Изборск и Копорье у Финского залива. Рыцарские отряды проникли в долину реки Луги и показались под самым Новгородом. Новгородцы не могли рассчитывать на помощь из других русских земель. Все княжества в это время были разорены татарами. Опасность татарского нашествия угрожала и Новгороду. В этих условиях надо было вести войну быстро, кончить ее коротким ударом. Вот когда сказались дружба русских с их соседями. Александру, получившему за победу над шведами прозвище Невского, в бою под Копорьем помогали карельские и ижорские племена. Когда отряды Александра под командой храброго новгородского кожевника Домаша пробились в немецкий тыл, латыши и эсты хорошо встречали их и помогали им.

Александр отнял у немцев Псков, разбив высланные против его рати рыцарские войска. Магистр (глава рыцарского ордена), рижский и юрьевский епископы собрали силы со всех городов и замков Прибалтики. К ним пришли подкрепления из Пруссии, от тевтонских рыцарей, и тысячи новых наемников: лучников, арбалет-

чиков, конников. Наконец, немцы вооружили чужд, латышей и эстов и сформировали из них пешеходные полки.

5 апреля 1242 года рыцарское войско двинулось по нарастающему, благодаря холодной весне, льду через пролив между Псковским и Чудским озерами. На другой день здесь, у Вороньего камня их встретила рать Александра Невского. В организованном порядке — клином, «свиньей», как тогда говорили — немецкие рыцари подошли к русской линии обороны. Сначала конный железный строй немцев врезался в русские ряды и прорвал фронт новгородских полков. Тогда Александр вывел из засады запасный полк. Под яростным натиском конников Александра немцам пришлось

перестроиться. Русские войны рубили топорами немецкую броню, подсекали ножами немецких лошадей. Рыцари смешались, сотни немцев провалились под лед. Крестоносцы, закованные в тяжелые латы, не умели драться в пешем строю. Спасти немецкое войско от окончательного разгрома могла только пехота. Но большая часть немецкой пехоты состояла из насильно мобилизованных чудиню. Увидев поражение ненавистных угнетателей, чуждые полки повернулись к русскому берегу спинами и побежали. Да и что могло заставить этих людей воевать на стороне немцев? Ведь рыцари относились к ним как к животным, запрягали их вместо лошадей для работы на полях, издевались над женщинами, отбирали детей у родителей.

Победа русского войска была полной. На 7 километров лед окрасился кровью тысяч павших врагов. И битва эта вошла в историю под названием Ледового побоища. Немцы после поражения надолго присмирели и просили о мире.

4. Московское государство

В XIV веке из числа других русских родов выделилась Москва. Город лежал на перекрестке речных и сухопутных дорог. Отсюда по рекам и речушкам можно было добраться на север, к Белому морю, на запад — к Балтийскому, на юг — к Черному и на юговосток — к Каспийскому морю. Здесь скрещивались дороги на юг и на запад.

Московские князья стали главными среди других русских князей и возглавили борьбу против татар.

В 1380 году московский князь Дмитрий Иванович собрал дружины подвластных и союзных князей. Под знамя Дмитрия сошлись суздальцы, владимирцы, ростовцы, ярославы, белоозерцы, муромцы, брянцы и псковичи. Летописец говорит, что Дмитрий выставил армию в 150 тысяч воинов.

В августе это войско двинулось на юг, чтобы не дать неприятелю вторгнуться на русские земли.

6 сентября войско Дмитрия дошло до реки Дона. Чтобы отрезать всякую мысль о возможности отступления, Дмитрий приказал переправиться через Дон. Через два дня переправа была закончена, войска подошли к устью реки Непрядвы и стали на Куликовом поле.

День был пасмурный, густой туман растелился над землей. Но часам к десяти стало светло. К полудню показались татары. Вскоре началась сеча.

Такой битвы на Руси еще не бывало. Она шла на фронте в 10 километров шириной. На этом огромном пространстве бойцы бились грудь с грудью, плечом к плечу. Кровь лилась потоками по земле. Татары стали вначале одолевать русских, и русские отступали, оттягивая за собой татар. Тогда из засады вышел отборный отряд, которым командовал князь Владимир Андреевич Старицкий, и ударил татарам в тыл. Татары побежали. Огромная масса рать была почти уничтожена.

Велико было значение этой победы в истории русского народа. После нее Москва быстро окрепла и стала центром всей русской земли.

Чтобы оградить труд своих пахарей от новых нападений татар, Московское государство устроило длинную цепь заграждений между Рязанью, Тулой и Калугой. На опасных местах, там, где мог пройти враг, устраивались древесные завалы. Деревья подрубали на высоте человеческого роста; они падали, не отделяясь от высоких пней. Сквозь такой подрубленный лес прорастал молодой, и место становилось непролазным для конницы; завалы укреплялись плетнями и кольями. Там, где проходили дороги, в лесной чаще прорубали ворота, и около них устраивали небольшие крепости. В этих крепостях всегда стояла стража.

В самых опасных местах каждую весну расставлялись десятки тысяч вооруженных

воинов, которые должны были встречать и отражать степные набеги.

Мало того, чтобы предупреждать о готовящихся набегах, далеко на юге, за переходом Харьковом, на пространстве в несколько тысяч квадратных километров несли дозорную сторожевую службу тысячи легких, подвижных и быстрых казачьих станиц, по 5—10 человек в каждой. Станицы эти были рассыпаны на речных перелазах (бродах), на высоких холмах, на опушках больших лесов.

Дозорщики, заметив приближение татар, разжигали в условленном месте костер. Дым от костра замечал следующий дозор и разжигал свой костер. Длинная цепь вспыхивающих друг за другом костров сообщала в штабы сторожевой армии о грозящей опасности.

Русскому народу приходилось защищать свою землю не от одних татар. Рядом с русскими жили литовские и польские племена. Литовские князья соединились с польскими и пошли войной на русские земли, они захватили Смоленск, часть Белоруссии и Украины. Русских крестьян польские паны обращали в свою веру, делали их крепостными.

В начале XVI века Московское государство дало отпор польским панам-захватчикам и вернуло России исконный русский город Смоленск.

Но в начале XVII века поляки опять сделали попытку развалить Московское государство. Польские паны воспользовались волнениями, которые происходили в Московском государстве, чтобы поработить русский народ. Они подыскивали подходящего человека и под видом русского царевича послали самозванца со своими войсками на Москву. Долго длеялась война русского народа против этого иностранного нашествия. Дважды изгоняли поляков из Москвы, дважды они вновь в ней появлялись. Зверства поляков подняли на ноги всю страну. Со всех концов земли двинулись на Москву народные полки. В ополчении под начальством Пожарского и при деятельном участии нижегородца Минина были не только русские: в ополчении участвовали мордва, марийцы и другие жители Нижегородского края. Поляков выгнали из русской земли.

5. Народ — старший брат

Как видите, чтобы отстоять свою независимость, русскому народу пришлось в

течение многих веков вести упорную борьбу против многих врагов сразу.

Для того чтобы успешно вести эту борьбу, была создана огромная армия. При Петре I она насчитывала 400 тысяч человек.

Но после побед Петра, после того как Россия укрепилась и уже можно было не бояться, что другие государства покорят ее, армия не уменьшилась. Наоборот, она становилась все больше.

С кем же воевала эта армия? Она завоевывала для царя и помещиков новые земли, она воевала со своим собственным народом.

Свободных крестьян дворянские императоры превратили в бесправных рабов-крепостных. Крестьяне восставали. Но в руках у царя и дворян была полумиллионная армия, которой командовали дворяне-офицеры; крестьянские восстания безжалостно подавлялись огнем и мечом.

Русские дворяне во главе с царем поработили не только свой народ. Рядом с русскими жило много других национальностей «инородцев», как их презрительно называли царские чиновники. Этих «инородцев» царские чиновники всячески притесняли, отнимали у них земли, облагали непосильными поборами.

И внутри страны царское правительство всячески раздувало вражду между народами. Полякам и украинцам не разрешалось учиться на родном языке. Евреев загнали в «черту оседлости» — так называлось несколько губерний, где им позволялось жить. Царские агенты натравливали русских на евреев, тюрков — на армян.

Так царская Россия превратилась в тюрьму народов.

Но как ни старались капиталисты и помещики сделать своего пленника — трудовой русский народ — сторожем и угнетателем других пленников, — это им не удалось.

Приехали царские генералы. Из окрестных сел согнали туркменов приветствовать высокое начальство.

И народы, населявшие Россию, умели отличать русский народ от хищников, именовавшихся российским столбовым дворянством и русским купечеством. Когда русские крестьяне подымались на господ, то к ним присоединялись и угнетенные русским царем народы. Башкиры, калмыки, казахи, мордва, марийцы и чуваша брали оружие по призыву Разина и Пугачева.

А когда русский рабочий класс создал могучую партию большевиков, лучшие люди всех национальностей влились в ее ряды.

В октябре 1917 года русские рабочие и крестьяне первыми подняли знамя победоносной социалистической революции. Освободившись сам, русский народ помог освободиться всем другим своим братьям-народам.

На фронтах гражданской войны рабочие и крестьяне всех национальностей Советской страны кровью спаяли свой перушимый союз. Красноармейцы-русские героически сражались в долинах Ферганы, в лесах Карелии, в степях Бурят-Монголии, чтобы помочь освободиться узбекам, карелам, бурят-монголам. Партизаны — эвенки и тунгусы — помогали русским рабочим и крестьянам прогнать с Дальнего Востока японских захватчиков.

Борясь и работая вместе, плечом к плечу, трудящиеся десятков национальностей

разгромили многочисленных врагов и построили Союз Советских Социалистических Республик — великий союз свободных народов.

Все народы нашей родины с большим подъемом и большой радостью выбирают ныне Верховные Советы союзных и автономных республик. Выбирает свой Верховный Совет и Российская Федерация — самая большая из всех союзных республик. Татары, чувашы, марийцы и трудящиеся десятков других национальностей, входящих в РСФСР, дружно вместе с русскими выставили своих кандидатов в Верховный Совет РСФСР.

Киргизы и казахи избирают Верховные Советы своих республик. Раньше Киргизия и Казахстан были автономными республиками и входили в Российскую Федерацию. Русский народ помог народам этих республик создать промышленность, развить культуру, и теперь Казахстан и Киргизия настолько окрепли, что превратились в самостоятельные союзные республики.

Все народы нашей родины с глубоким уважением относятся к великому русскому народу, народу, который дал миру гени-

ального вождя и учителя трудящихся — Владимира Ильича Ленина; народу, выращившему таких великих писателей, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Горький, таких великих ученых, как Ломоносов, Чернышевский, Менделеев, Павлов, Сеченов, таких мужественных исследователей, как Пржевальский, Миклуха-Маклай, Лаптев, Дежнев, Седов.

Презренные фашистские агенты, троцкистско-бухаринские шпионы и предатели, хотели расчленив Советский Союз. Они пытались продать украинский народ немецким фашистам, белорусский — польским панам, узбекский — английским капиталистам. Чтобы ослабить Советский Союз, они пытались посеять вражду к русскому народу. В школах национальных республик срывали они преподавание русского языка, чтобы ребята других национальностей не могли овладеть великой русской культурой.

Но это им не удалось и никогда не удастся: под водительством партии Ленина — Сталина продолжает крепнуть и побеждать наш могучий Союз, в котором первым из равных шагает великий русский народ.

Мать-узбечка провожает в полет сына-парашютиста. В той тюрьме народов, какой была царская Россия, узбеки и мечтать не могли о том, чтобы быть летчиками. Небо советской страны принадлежит летчикам всех народов Советского Союза. Летчики-узбеки вместе со своими братьями — русскими, украинцами, белорусами, вместе с сынами всех советских республик будут защищать свою социалистическую родину от нападения любого врага.

Судьба товарища

Евгения Немирова

Часть третья

Рис. Б. Винокурова

Сестра

Верхом на заборе сидит Витя Голиков с биноклем. Он вчера получил его в подарок от брата за «очхоры» и принес в школу похвастаться. Он уже рассмотрел в бинокль «школу и ее окрестности», а теперь разглядывает ребят из своей группы, точно близко не видал никогда.

Против забора, на бревнах, сваленных в кучку, сидят девочки. Уже многие без пальто, с непокрытыми головами. Телько одна танина шапочка голубеет.

— Танька, зачем ты азбуку к шапке приколола? — кричит Витька, поймав на шапочке у Тани металлическую заколку, букву «Т».

И тут же, поймав в бинокль тamarины глаза, приходит в восторг:

— Тамарка, у тебя глаза, как блюда!

Девочки смеются враз, дружно, как по команде.

«К биноклю» собираются любители. На заборе больше сидеть негде. Создаются два лагеря: мальчики и девочки. Оба перебрасываются словечками, как снежками. Кто ловче.

Витя командует:

— Сигида, опусти нос, подними подбородок!

Веселая перебранка обрывается на секунду, когда наверху, на заборе, появляется Яшка Бережнов. Но девочки тут же ополчаются против него:

— Слезай, «Воображало»!

— Ослепнешь!

В бинокль летят щепки, песок и мелкие камушки. Но Яшка деловито направляет объектив. Вот поплыло мутное пятно, и сразу в поле зрения попала Танька.

— Что это у тебя подвешено к шее?— смеется Яша, заметив у Тани кокетливую завязку.

Перед объективом мелькают разные головы: русые, черные, каштановые, прилизанные, растрепанные. Глаза узкие и крупные, носы тоненькие и курносые.

— Фу!— говорит Яшка. — Не стоит времени зря тратить!— и с обезьяньей ловкостью он соскакивает с забора.

«Война» кончается. Звонок собирает всех в класс.

Шел урок геометрии. Николай Егорович объяснял урок на редкость монотонно и скучно. Яшка переводил глаза с Тани на Тамару, с Тамары—на Таню. Он думал о своих соседках по группе. Они ему не нравились.

Во всей школе Яше нравилась только одна девочка—сестра Толи Айзмана. Она учится в пятой «Б».

У нее над лбом точно дымятся шоколадного цвета кудряшки. Ее галстук всегда отлетает на плечо, как легкое крыло птицы. И, когда она проходит по коридору, хочется смотреть ей вслед.

«А вообще,— заключил Яша,— я не мог бы дружить с девочкой!...»

И он задумался о том, о чем редко думал:

«Если моя сестра жива, она учится где-то, в каком-то городе, в школе. Интересно: как она значится в журнале, как ее вызывают к доске?»

— Брегман!

Тамарка протянула через соседнюю парту руку и дернула Яшу за рукав:

— Бережнов, не разговаривай на уроке!

— Я сам с собой,— оправдался Яшка.

Барвинки

После разговора о письме отношения Бережнова к Яше стали тревожными и неуверенными.

Когда после размолвки с товарищем в

школе Яша являлся домой молчаливым и на все вопросы Василия отвечал коротко: «Просто так»,— Бережнов искал за этой скрытностью несуществующую печаль. А теперь, когда Яша, столкнувшись на лестнице с Сеней, сгоряча влетал в комнату и швырял свой портфель куда-нибудь в угол, Бережнов думал: «Парень стал раздражителен. Прежде этого не было. Я сам виноват: он нашел письмо раньше, чем следовало».

Бережнов снова начал поиски Ковалея. Он достал со дна ящика пожелтевшие извещения. Ни в одном из них не было надежды. Нохим Брегман, по прозвищу «Коваль», не значится ни среди мертвых, ни среди живых. Заявки и запросы от бывшего партизана Василия Бережнова снова полетели из Москвы в города и местечки.

Бережнов искал. Он неутомимо, по многу раз, обращался в одно и то же место. Но след Нохима был неуловим. «Живые откликаются»,— печально думал Василий.

О деревне Барвинки он не переставал вспоминать. Ему всегда мерещилась погорелая баня, где он оставил умирающего Ковалея.

Запрос в Барвинковский сельсовет Бережнов послал еще десять лет тому назад, в первые дни поисков. Ответ тогда пришел короткий. Никто о Ковале и не знал. Немало бойцов здесь погибло в гражданскую войну. Бережнов повторял запросы. Ответ бывал всегда один. Хлеб выросал с тех пор на барвинковских полях уже тринадцать раз.

И вот сейчас, потерпев неудачу (нашелся где-то Нохим Брегман, но оказался глухим стариком), Бережнов решил сделать еще одну попытку.

Через отдел розысков милиции было послано письмо «Личное, срочное» на имя председателя сельсовета в Барвинки.

Первое апреля

Школьный двор был залит солнцем. Только у самого забора, в тени, еще лежали кучки почерневшего снега. Андрей Иванович смотрел на них из окна учительской.

По двору в школу торопливо бежал Витя. Было первое апреля. Даже торопясь на урок, Витя успевал обмануть по случаю первого апреля встречных товарищей. В прошлом году в этот день из-за Вити вся группа получила «неуд» по поведению.

Витя влетел тогда в комнату заведующей школой и испуганно доложил:

— У нас в группе парту сожгли!

— Как сожгли? — не понял заведующий школой.

— Очень просто, сожгли, — объяснил Витька и убежал.

Заведующий школой пришел в группу. Парты были все целы.

— Первое апреля, никому не верим, — пропели хором ребята.

И вся группа получила «неуд» поведению.

Дверь учительской приоткрылась, и просунулась витина голова. Андрей Иванович не дал ему сказать ни слова и замахал рукой:

— Иди, Голиков, иди, знаю, первое апреля! Дурацкий обычай — обманывать первого апреля, — рассердился Андрей Иванович.

Но Витька остановился у двери. В руке банка с опытом, подмышкой географическая карта. Вид у него деловой и смущенный:

— Если вы, Андрей Иванович, не верите, что я с правдой пришел, тогда я лучше уйду.

— Что же ты первого апреля правду вспомнил? Весь год не помнил, а первого апреля вдруг в голову пришла.

— Я насчет правды, Андрей Иванович, — настойчиво повторял Витька.

И так как Андрей Иванович на минуту умолк, Витька подошел ближе и выговорил сразу такое множество слов, что Андрей Иванович прижал ладони к ушам, точно боясь оглохнуть.

— Раздельно, Голиков! Кого ты хочешь взять на буксир, я не пойму.

— Стрепетову! — выпалил Витька.

Андрей Иванович достал очки, надел их и молча усталился на мальчика. Но он, не смущаясь, продолжал:

— Сегодня первое апреля, Андрей Иванович. Вот. Испытания будут в мае. Я ей помогать буду так, что держись. Мы в одном дворе живем. У нее мать больна, Андрей Иванович. Из моего окна все видно. У меня четыре «очхора», три «хора», один «уд». Я еще никогда никому не помогал, Андрей Иванович, — добавил он смущенно.

Андрей Иванович для чего-то внимательно рассмотрел свои руки и ответил хмуро:

— В этом году, брат, испытания будут покрепче. Не то, что в прошлом году. В прошлом году были первые испытания. А в этом году серьезные, с представителями. Но если...

Витя не дал ему договорить. Он выскок из учительской одним прыжком и только на одну секунду задержался в дверях:

— У вас рукав глиной испачкан, Андрей Иванович.

Еще Куза задумчиво чистил свой совершенно чистый рукав и думал о Стрепетовой, о Вите, об испытаниях, когда Голиков влетел в класс и объявил:

— Ребята, сегодня «общества» не будет, Куза ногу ошпарил.

Витя пришел

Рано утром в дверь к Стрепетовым постучали. Стук был необычный. Галя прислушалась: за дверью говорил голос Вити Голикова:

— Пусти, Стрепетова, у нас контрольная на первом!

Растрепанная, в калошах на босу ногу, Галя стояла у двери, не решаясь открыть. Она встревоженно гадала: «Зачем он пришел так рано? И главное, Витя!»

Они стояли по обе стороны двери и с минуту прислушивались друг к другу. Затем в щелку, под которой висел когда-то ящик для писем, просунулся карандаш, за карандашом полетели ластик, линейка.

— Тише, — сказала Галя в щелку, — мы еще спим!

Витя вошел в комнату на цыпочках, с той извиняющейся походкой, какой входят в комнату больного, но, как на зло, все под ним скрипело и хрустело. Галя отвела его к маленькому столику у печки, где на синем листе глянцевого бумаги в бутылке из-под лекарства стояла тонкая веточка вербы.

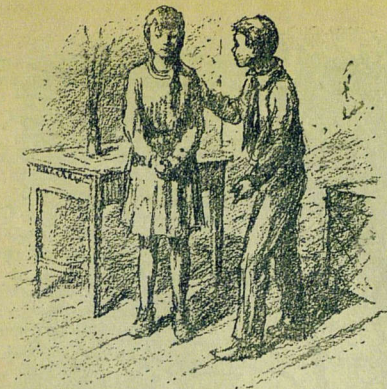
— Чего тебе надо, Голиков? Зачем ты пришел?

— У нас уже школьный двор весь зеленый, — сказал Витя, пощипав вербу и не глядя на Стрепетову.

— Ну?

Галя чопорно оправдала платье, как в гостях. Нет, она не желает слышать про школьный двор, который стал зеленым, она не хочет спрашивать о том, что делается в группе, с кем водится Сеня и вспоминают ли о ней ребята.

Витя осматривает комнату. Он знал ее только издали, видел из своего окна. А близко она совсем другая. То, что казалось на стене птицей, — всего-навсего ножницы, а то, что желтело в простенке у печки, — просто отполированная дощечка, на которой месят тесто. И нет здесь в углах той таинственной глубины, которая виднелась издали. Все просто, домашне, прикрыто салфеточками наискосок. Витя

Нет, она не желает слышать про школьный двор.

все осматривал, точно для того только и пришел сюда, чтобы изучить галино жилище.

— Меня к тебе Андрей Иванович прислал, — наконец, начал Витя. — Андрей Иванович ногу ошпарил. Андрей Иванович спрашивал, когда ты в школу вернешься?

Галья поморщилась и опустила голову. Рыжая чолка почти прикрыла глаза. Ресницы запрыгали, точно в глаза попала пыль. Она отвернулась. Тогда Витя неловко тронул ее за плечо.

— А кто на моем месте сидит? — спросила она, все еще стоя спиной к гостю.

К этому вопросу Витя не был готов. Точно его неожиданно вызвали к доске.

— Новенькая сидит! — выпалил Витя.

— А эта новенькая откуда?

— Из Откудакина перевелась.

— Она хорошая?

— Ну, тоже хорошая! Белобрысая, в клеточку.

— В какую клеточку?

— Обыкновенная клеточка: синяя с зеленым — и пуговики, как вишня.

Галья села против Вити и опять замолчала, затаив ревность к той новенькой в клетчатой блузке, что сидит за ее партой. В шуточных словах Вити, наверное, скрыта правда. Серые почки вербы, оборванные с веточки, валялись перед Галей на столе. Она их крошила и мяла, не жалея, и раздувала по комнате серый пух. Витя поглядывал на знакомую рыжую чолку, на веснушки, на прыгавшие ресницы и чувствовал,

что Галья сейчас заревет. Фу ты, леший! Трудно разговаривать с девчонками! И пошутить с ними толком нельзя! И, чтобы развеселить ее, он быстро разворочил свои книги в портфеле и вытащил старый, растрепанный учебник алгебры:

— Я тебе, Галья, «Николая Егорыча» принес. В полное, нераздельное. Я его вчера у Насти всю большую перемену клянчил. Вот! Повтори алгебру к испытаниям.

Она рассердилась:

— К чему мне «Николай Егорыч»? Я же ничего теперь не учу! Мне не надо. Я в школу все равно не вернусь. Отдай его новенькой. Ей пригодится.

Витя уже хотел сказать ей, зачем пришел, торжественно объявить тут же, что он берет ее на буксир и обязуется подготовиться к испытаниям, что для этого он и пришел сюда так рано и, может быть, даже опоздает на контрольную, что насчет Андрея Ивановича он наврал, а про новенькую выдумал тут же на месте. Это у Сени новая клетчатая рубашка с пуговицами, как у девчонки. Но ему было весело от того, что Стретенкова всерьез относится к его шуткам.

— У нас новенькая и без «Николая Егорыча» на «очхор» выдержит, — и добавил еще: — испытания у нас в этом году не то, что в прошлом. Тогда было что! Первые испытания, челуха! А теперь с представителями. На каждом испытании представители.

— С какими представителями? — не поняла Галья.

— Из самого ВЦИК, я думаю.

Витя ушел, деловито топая по ступенькам, и снизу крикнул:

— До свидания, Стретенкова! Все будет «очхор».

Костер

Новый председатель Барвинковского сельсовета, бывший партизан Никита Алексеевич Хорь, обещал пионерам своего села устроить Первого мая вылазку к Тихому логу. В этот день Тихий лог будет переименован в Красный лог. Здесь, у старых тополов, разложат костер.

Хорошо петь у костра, когда тихо хрустят догорающие сучья и к небу поднимаются легкие золотые искры. Все притихли, задумались. Но вот ветер налетел, притушил огонь. Огонь словно ушел под землю и неожиданно рванулся вверх. И снова грянула песня.

У Хоря было дел по горло. Тем не ме-

К вечеру под тополями вспыхнул костер и грянула песня.

нее каждый хлопчик с красным галстуком на шею мог заходить к нему в сельсовет, когда вздумается. Костер должен быть особенный, какого еще в Барвинках пионеры не видали.

Накануне Первого мая, накануне костра, в самый горячий час, Никита Хорь неожиданно выгнал пришедших к нему пионеров и закрыл дверь на крючок:

— Отчепитесь, дайте человеку подумать!

Хлопчики, обиженные и озадаченные, ушли и через минуту облепили окно сельсовета.

У крыльца сельсовета давно толпились колхозники «на прием до председателя». Но паренек, исполняющий обязанности личного секретаря Никиты Хоря, никого не пускал:

— Председатель бумагу важную получил из Москвы. Читает.

Весь день Никита Хорь выслушивал людей, как всегда, внимательно, но никто из односельчан не узнавал Хоря. Ни обычной шутки, ни веселья.

Но когда к вечеру под тополями и над логом вспыхнул костер, и грянула песня «Взвейтесь кострами, синие ночи...», и полетели в небо первые искры пионерского костра, явился Никита. Его встретили музыкой. Никита смущенно махнул рукой, прошел вперед, поближе к костру, и молча уселся, поджав ноги.

Но ребята не желали видеть Хоря молчаливым и грустным в такой день. Его заторможили, его взяли в плен.

— Дядя Никита, спой ту, партизанскую, про боевых товарищей!

И все смолкло, выжидая. Но Никита не запел. Он задумчиво разгреб сучья и сказал:

— Немало песен пропето и слов рассказано про славные годы. И про людей, что пронесли над родной землей, как орлы, и согрели своей кровью наш вольный хлеб. Но как забыть те годы и тех людей?

Никита помолчал. Все переглянулись: «К чему он это?»

— Вот у нас в логу, — продолжал Никита, — в братской могиле лежит партизан Нохим Коваль. Орел—парень! Вместе мы с ним ходили в боях. А когда он погиб, я сам на своих руках снес его сюда и схоронил...

...Я был ранен вон там, на том берегу, и ночью тонул в Пахорке. Это было как раз в тот час, когда и Нохим был ранен. Наш отряд отступал. Я вынырнул и пополз на брюхе. Под утро подобрала меня

барвинковская баба и полуживого сволокла к себе в избу. Она поила меня молоком и свой хлеб мне давала. От нее я вскоре по секрету узнал о парне из наших, из красных, что вот уже с неделю, как в обгорелой бане лежит у бабки Потылихи, не померет никак и во весь голос беляков ругает. Большой, голова кудлатая, а над глазом рана. Бабка от страху чуть живая сидит.

...Я так и подумал сразу: «Нохим». В селе засели белые. Ночью пополз я к бане. Пробирался садами, баштанами. Не будь моя нога ранена, я бы живо. А нога моя, как все равно камень. Я мимо белых патрулей нырком полз. И добрался только на другой день, к вечеру. Нохим был уже мертв. Он лежал, вытянувшись на полу, и такая стояла в банке тишина, даже кузнечики верещать боялись.

Я взвалил его на плечо и пополз. Что ни шаг, земле кланяюсь. Далеко до лога. А все-таки я донес и схоронил. Через два дня воротились наши, отбили беляков и развернули красное знамя над Барвинками. И тех бойцов, что пали в бою за наше село, по моей просьбе тогда к Нохиму Ковалю положили. Он с ними бок о бок шел живой и вот мертвый лежит не один. А потом мы поставили на могиле братский камень.

Никита умолк. В тишине никто не решился заговорить первым. Но Хорь сам тихонько затянул песню, его поддержали, и незаметно песня поднялась, развернулась и зазвенела над Тихим логом. В костре потрескивали сучья, и пламя стлалось низко, как боевое знамя, прислущенное над могилой героя.

Ответ

Ниже в лог уходила влажная тишина. Запахло черемухой и близким дождем. Долго говорили у костра. Никита вспоминал былое.

В эту ночь Никита Хорь спать не ложился. Он долго слушал, как барабанил по крыше первый майский дождь и как потом все стихло; только казалось, будто звенят на листьях не упавшие капли дождя.

Хорь достал письмо с штемпелем «Москва», то самое, что пришло вчера. Он прочел его опять с начала до конца, закрыл дверь на крючок, надел очки, как для особо важного дела, и сел писать ответ:

«В Н-ское отделение Рабоче-крестьянской красной милиции города Москвы.

Барвинки, где погиб и похоронен партизан Коваль.

На ваш запрос о судьбе бойцов-партизан, пропавших без вести в девятнадцатом году и раненых в районе нашего села, и, в частности, партизана Нохима Брегмана, по прозвищу Коваль, из местечка Ружин, я, председатель Барвинковского сельсовета отвечаю:

Нохим, по фамилии Брегман, по прозвищу Коваль, раненый белыми гадами, умер в девятнадцатом году в нашем селе, в горелой бане, и похоронен дружеской рукой в братской могиле, как подобает то славному красному партизану.

Могила его в Красном логу — священное для нас место. Мы шапку снимаем, когда идем мимо. И дети наши, пионеры нашего села, отдают ей салют.

Остаюсь навсегда боец того отряда, партизан Никита Хорь».

Никита прочел и спрятал очки. Потом снова достал очки и приписал в конце письма: «А еще шлю вам запрос в Москву насчет местонахождения друга моего, пропавшего без вести Василия Бережного, из села Ткачи».

На рассвете Никита сам отнес письмо к поезду. Поезд на минуту останавливался у семафора. Последний вагон был почтовый. Когда поезд умчался в Москву, увез письмо, оставив над перроном серый хвост дыма, Никита снял шапку и пошел. Он шел

домой, грустно напевая старую песню, ту, что сочинил когда-то сам, еще в отряде:

*«Шли мы берегом, садами,
Шли по долам, по горам,
Ночь лежала перед нами,
Смерть бежала по следам».*

Староста

— Бережного. Яшка! Яшка-а!

Витя уже трижды обегал всю школу, обшарил все углы, заглянул даже в шкаф в закутке у Насти. Яша не откликнулся, хотя давным-давно слышал громкий голос Голикова.

Он лежит в школьном садике под липой. Майское солнце пригрело его. За праздничные дни липа обросла клейкими зелеными листочками. Яша смотрит в небо и «плывет». Ему кажется даже, что он смотрит не в небо, а в море, где набегают волнами зыбкие облака. Они плывут, на ходу меняя свои очертания. Вот проплыл прозрачный корабль под легким дымчатым парусом и, вдруг, точно раздумав плыть, накренился в голубую гладь, прилег, замер, и только ки-сея клубится над ним. И вот, обернувшись уже всадником, с копьём в поднятой руке, облако поплыло дальше.

Яша и сам отделился от земли и поплыл за всадником. Позади школа, напутственно машут ему кумачовые флажки, оставшиеся

над окнами от первомайского украшения. А с земли настойчиво зовет Витя:

— Яша-а, иди! Группа в сборе, начинать пора!

Сегодня на собрании группы первый вопрос — о Гале Стрепетовой. Наверное, о ней Сеня что-нибудь скажет. Придется столкнуться с Сеней. Яша этого боялся и не желал:

«Не буду я решать галькины дела, и точка. Пускай хоть сам завшколой за мной приходит!»

Уже накануне Яше пришлось из-за Гали столкнуться с ребятами. На большой перемене пришел Коля и сделал «информацию»: Галя прислала в школу заявление и хочет держать испытания. Коля показывал заявление каждому педагогу в отдельности, и, пока читали, Коля восхищенно бормотал:

— Вот это да! Вот это дисциплина! Три месяца человек пропустил и сам берется нагнать!

Когда Коля читал заявление в шестой «А», первые парты слушали встревоженно и смущенно. Сеня чертил впереди себя костылем, Тамара озабоченно соображала, точно готовая ринуться в бой за Стрепетову и точно ей одной сейчас вверял Коля Подосенов судьбу Гали. Таня, как в зеркале, отражала настроение Тамары: «Мы, мол, сделаем так, что Стрепетова перейдет».

Витя Голиков подскакивал, мешал и подсказывал целые фразы. Он то и дело оглядывался на ребят, точно спрашивал:

— А здорово мы это с Галькой сечили?

А когда Коля прочел последние слова заявления: «Я все лето не буду гулять, только буду учить предметы, чтобы к осени сдать испытания и не отстать от своей группы, чтобы сестра опять за свою парту»,—Тамара зааплодировала, а Яша фыркнул:

— Подумаешь, герой! Все мы будем держать испытания, все мы будем готовиться, и никакого геройства тут нет. А Стрепетова решилась, подумаешь!

Яша понимал, что неправ. Но Сеня смотрел на него с таким нескрываемым возмущением, что в отместку хотелось сказать при всех ребятах что-нибудь очень злое о Стрепетовой.

Коля пресек всякие разговоры:

— Предлагаю обсудить вопрос на групповом собрании завтра же. До испытаний остались считанные дни, надо помочь Стре-

петовой единым фронтом. И о тебе, Бережнов, как о старосте группы поговорим тоже.

Яша улегся на скамье поудобней и накрыл лицо фуражкой:

«Не пойду я. Пускай без меня решают, я сегодня не староста, я заболел».

Яше хотелось еще посмотреть, как плывут облака, и вместе с ними уплыть подальше от школы, от неприятных разговоров с возжатым. Может быть, и отцу напишут, что не по-пионерски ведет себя Яша Бережнов. Не очень-то приятно! Яша совсем было уж решил встать и идти в класс, но, услышав близкий витин голос, застонал, схватился за живот и скорчился от «нестерпимой боли».

Витя сорвал шапку с Яши так быстро, что заготовленная гримаса страдания не успела лечь на лицо мальчика.

В «школьные» болезни Витя не верил.

— Ты мне, Яшка, страдальца не разыгрывай. Иди на собрание, я всю школу обегал, всю глотку ободрал.

— Не пойду! — решительно заявил Яша.

— Ну, если так, мы и без тебя обойдемся, Зимин поведет собрание.

Витя убежал. Он мчался наверх в класс, захватывая каждым шагом по пять ступенек. Он не успел отдышаться, как в класс вслед за ним вбежал Бережнов. Он оступился, точно с разгону наткнулся на что-то острое.

— Объявляю собрание шестой группы «А» открытым. Первый вопрос — о Стрепетовой Гале, — сказал председатель и настойчиво потряс колокольчиком.

Уточка

Групповое собрание вел Сеня Зимин. Он сидел за учительским столиком, важный и строгий, и поминутно хватался за звонок, призывая к порядку. Выступали все. Говорил Голиков. Обычно словоохотливый и щедрый на озорное слово, он не умел выступать по серьезным делам группы. Но сегодня Витя говорил без единой шутки.

Яша слушал и чертил на бумаге уточек. Уже целая страница заполнена уточками. Он чертил и думал о Гале. Лезли в голову самые неожиданные мысли. Например он мог бы сейчас ошеломить всю группу. Встать, попросить слова и сказать:

— Я один берусь подтянуть Стрепетову к испытаниям. Мне не нужно никаких помощников! Я один справлюсь.

А затем очень просто пойти домой к Гальке Стрепетовой и сказать:

— Я с тобой не собираюсь дружить, Галя, я это совсем не для тебя делаю, не думай. Если ты завалишься на испытании, группа не выйдет на первое место. А после испытаний дружи, с кем хочешь. Хоть с Сенькой Зиминим. Я тебе не товарищ, рыжая капуста!

Яша приделал одной из уточек чолку. Вышло совсем как у Гальки Стрепетовой. Пока, стреляя словами, говорила Тамара Щукина, Яша успел приделать всем уточкам чолки, надел им береты и раскрасил красным карандашом. Затем он занялся сложным вычислением. Рядом с уточками рос аккуратный столбик цифр. «Сегодня четвертое мая, испытания начнутся двадцатого. 20 минус 4 равняется 16. Если заниматься по 3 часа в день, выходит 48 часов. Ее надо подготовить по алгебре и по русскому. Два трудных предмета. 48 деленное на 2 равняется 24 часам на предмет. Мало!»

Яша прибавил еще по одному часу на предмет. В это время кто-то из выступавших отчетливо произнес фамилию Гали, и Яша размашисто черкнул поверх всех уточек красным карандашом: «Стрепетова».

Уже давно Тамара Щукина возмущенно сидела за работой Яши: «Безобразия! Идет групповое собрание, решается судьба товарища, а Яша чертит каких-то уточек». Тамара перегнулась через парту и ловко, одними кончиками своих цепких пальцев, вырвала у Яшки лист. В один миг листок облетел подгруппы и попал на председательский стол.

Яша сердито взглянул на Тамару: «После собрания я с тобой рассчитаюсь!» Тамаре было «совершенно все равно и абсолютно безразлично, что «Воображало» ей грозит».

Когда уточки перешли из рук Сени в руки Андрея Ивановича и Андрей Иванович даже надел очки, чтобы лучше рассмотреть, что нарисовано, Яша встал и, даже не собрав своих учебников, пошел к двери. Председательский колокольчик вступил:

— Призываю к порядку!

Но Яша не пожелал даже оглянуться.

— Я призываю к порядку! — сухо повторил председатель.

— Бережнов, ты староста, — сказал Андрей Иванович, — не уходи.

— У меня голова болит, — процедил Яша. — Я на воздух пойду. Здесь душно...

— Я прошу тебя остаться, — повторил Андрей Иванович.

Яша молча стоял у двери.

— Бережнов, ты староста группы, — угрожающе повторил Сенья. — Ты не имеешь права уходить. О тебе сегодня речь будет.

Тогда Яша толкнул дверь локтем и выскочил в коридор. Вдогонку ему понеслось тревожное дребезжанье звонка.

За бревнами

Новый приступ болезни начался у Пелагеи Стрепетовой неожиданно и застиг Галю врасплох.

Девочка растерялась. Надо было немедленно отбросить все свои дела, думать только о маме, скорее налить бутылки горячей водой и звать Филиппьевну, доктора, а Галя топталась на месте и неотступно думала о своем: «Витя сегодня опаздывал».

Сегодня в школе групповое собрание, и, наверное, уже говорили о ней. Витя обещал прибежать прямо из школы. Что ответили на заявление, что говорили ребята, что сказал Сенья Зимин?

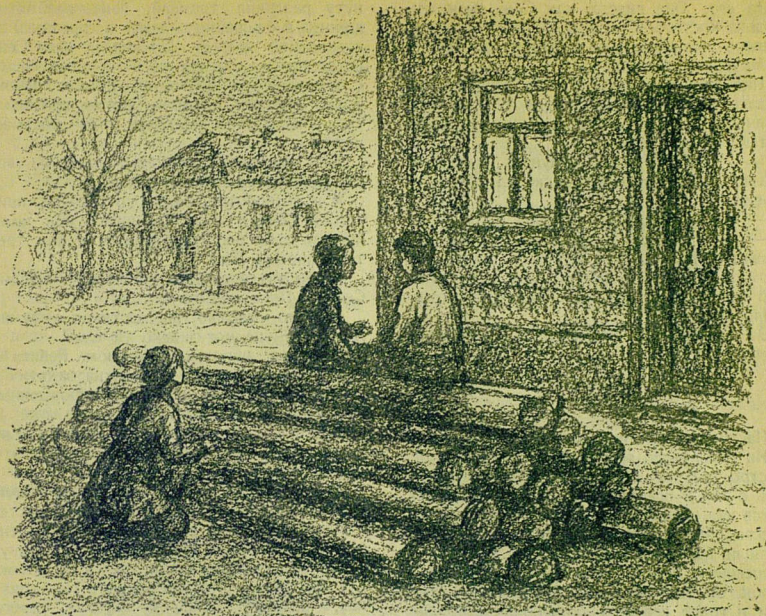
Мать стонала. Витя не шел. Часовая стрелка показывала девять. Скоро месяц, как ровно в семь Витя приходит и они садятся и занимаются до десяти.

Уже стемнело, когда Галя со «срочным лекарством» бежала из аптеки домой. Сегодня вместо пяти задач она самостоятельно решила восемь, и ей не терпелось рассказать об этом Вите.

Девочка бежала по переулку. Она непременно должна была или столкнуться с Витей или услышать его голос за своей спиной. Но во всем переулке не было ни души. Промчавшись по двору мимо бревен, сваленных перед сараем, Галя вдруг услышала знакомый голос. Витя! Витька говорил с кем-то. Она хотела крикнуть: «Голиков, ну что? Как решишь?» — но услышала сенин смех.

Сенья и Витя сидели на бревнах. Они продолжали горячий разговор, как всегда после собраний, когда хочется досказать невысказанное, запоздалым словом возразить товарищу, понять, кто был прав, кто неправ. Мальчики сидели против окна, но окно не было освещено, и лица расплывались в темноте. Мелькала лишь белая рубашка Виктора, и что-то потемнее мелькало там, где сидел Сенья.

Галя незаметно юркнула за бревно. Она присела на корточки и сжалась в комоч. Она была так близко от Сени, что могла

Галя незаметно юркнула за бревна.

бы потрогать его локоть. Ей было слышно, как ветер треплет его рукав. Мальчики говорили вполголоса, и, чтобы лучше слышать, она придвинулась вплотную к бревнам. Она оцарапала руку и чуть не выронила пузырек с лекарством.

— А ты ему все прощаешь, — горячился Витя. — Если бы это сделал, допустим, я?..

— Допустим, ты, Витя, еще хуже делал, — возразил Сеня.

— Ну, это, допустим, ты врешь, Зимин. Я ее не обижал никогда. Опять ты Яшку защищаешь!

Мальчики замолчали. Галя придвинулась еще ближе. Она почти касалась ногой костыль и рисковала его опрокинуть.

— Где утки? — спросил Витя.

Сеня ответил:

— Ты не горячись, Голиков, я их спрятал. Я еще с ним поговорю об этих утках как-нибудь.

Какие утки? Гале так нетерпелось узнать, что говорили сегодня на групповом собрании, а здесь речь шла о каких-то ут-

ках. И вовсе незачем было сидеть здесь, когда дома дожидаются лекарства.

Надо бежать. Галя неловко выползла из-за бревен и задела костыль. Он упал с грохотом. В ту же минуту осветилось окно, крайнее справа, окно Филиппевны, свет прошел по лицам мальчиков и лег на бревна. Галя спряталась. Старушечий тревожный голос звал, рассыпаясь по закоулкам двора:

— Галина, Га-ля, Га-а-лька!

— Должно быть, в аптеке задержалась, — сказал Витя.

Галя дрожала. Ах, как тревожно звала Филиппевна! Надо было сию же минуту откликнуться, бежать, но Филиппевна ушла из комнаты, не погасив света, и выйти из засады было невозможно: увидят мальчики! Они поймут, что она подслушивала. Она притихла за бревнами, как испуганная мышь. Ведь можно кашлянуть, слишком громко вздохнуть или оступиться, тогда все пропало. От страха она до того сжала в руке пузырек, что чуть не разда-

вила его. Она видела, как Сеня нагнулся, поднял костыль и пересел поближе к краю. Теперь уже отсюда не выйти ни за что!

Мальчики помолчали.

Над двором, в чистом небе, ясно вычертилась молодая луна. Откуда-то издалека принесло ветром запах черемухи. Горьковатый, свежий запах мая.

— Коля обещал в будущий выходной маевку в Сокольники, — сказал Витя. — Поехали?

— А она поедет? — спросил Сеня.

— Она уезжает в деревню, с матерью. Может быть, она и не вернется. Но она не должна остаться в шестой. Мы всей группой поручились, что Галя выдержит испытания осенью.

За бревнами послышалась какая-то возня.

Май

Наступила середина мая.

Ни один месяц в году не проносится так быстро, как май. Ждешь его долго и мечтаешь о нем в осенний день, когда нудно тянется над улицей дождь, и в зябкий зимний рассвет. Но вот торжественно, с песнями, прошли первые дни мая. И дни понеслись впергонку. Каждый день мая — новый подарок. За одну ночь вылезла трава из земли и голое дерево обросло побегами. Не успеешь заметить, как окрепнут вчерашние еще слабые листочки и дерево под окном тряхнет яркой листвой, такой свежей и веселой, какой уже не увидишь до следующей весны.

Май — месяц ожиданий и горячих дел. Но незаметно промчатся и эти горячие дни и наступит день, подчеркнутый в календаре еще зимой, — конец школьных занятий.

Яша встал пораньше. Он сорвал вчерашний листок календаря. Под ним было число, подчеркнутое красным карандашом. Не Яша думал не об этом. Не напившись даже чаю, он побежал в школу. До перекрестка спешил, точно хотел догнать кого-то, и на бегу оглядывался, чтобы не проворонить. Но, заметив издали клетчатую рубашку Сени, он вдруг замедлил шаг и перешел на другой тротуар: «Я ни за кем не гнался, никого не искал».

Мальчики шли на двух противоположных тротуарах, незаметно равняя шаг. Когда один заглядывался на афишу, другой засматривался вслед пробежавшей машине. Они шли, точно держась через всю улицу за концы одной ниточки. Но, когда их на ми-

нуту разлучил трамвай, Яша незаметно юркнул в ближайшую лавку и спрятался за стеклянной дверью. Он видел, как Сеня остановился, поискал кого-то, даже сошел с тротуара на мостовую, пожал плечом, точно сказал: «Сквозь землю провалился», — и, быстро подтянув свой костыль, пошел к школе.

Яша подождал с минуту и вышел из своего прикрытия. Сени не видно.

А в подворотне, рядом со школой, притаился Сеня и ждал. Он видел, как мимо прошли двое ребят из группы и как третьим прошел Яша.

«Надо его окликнуть сейчас же, — решил Сеня. — Пока никого нет...»

«Я его нагоню на лестнице, — думал Яша. — Он не мог далеко уйти...»

Переулочек наполнялся шумом. Ребята в последний раз весело бежали на занятия в школу. Размахивая руками, освобожденными от ранцев и портфелей. Все налегке. И все пришли раньше обычного. Ни за что не пропустишь последнего дня в школе: это самый легкий день!

И продавщица конфет пришла к школе спозаранку. Все лучшее припасено в застекленном ящике на лотке, свежее выкрашенное к маю синей краской. Яша на минуточку задержался и засмотрелся на лоток.

«Как давно я у нее ничего не покупал, — подумал Яша. — С «того» самого дня...»

И он вспомнил ноябрьское утро, то утро, когда он нашел письмо, получил первый «неуд» по географии и поссорился с Сеней. Как много времени прошло с тех пор! Сколько событий!

Он вспомнил, как они в день перемирия, еще зимой, когда вернулись с катка после соревнования, вместе прочли письмо Златы, составили о Нохиме, думали о сестре. Сеня был в этот вечер добр и уступчив и, прощаясь с ним на лестнице, сказал:

— Если что-нибудь узнаешь, сейчас же стучи. Даже ночью...

Кроме Сени никто из товарищей о письме не знал. Никого, кроме Сени, не могло опечалить известие, полученное от Хоря. Может быть, стоило ради этого простить Сене все и помириться.

Яша осмотрелся. Он сложил губы для привычного свиста и позвал тихо:

— Се-е-ень-ка!..

И ему послышалось, что такой же условной трелью ответило:

— Я-а-аш-ка!..

Они столкнулись в коридоре.

— Зимин!

— Бережнов!

Сеня сразу же притворился, точно спешит куда-то по очень важным делам (скоро испытания — горячая пора!), но, так и быть, одно—два слова выслушать может.

— Ну, — спросил Сеня, — в чем дело, Бережнов?

Сеня притянул костыль.

— Мы ответ получили, — сказал Яша. — Из Красного лога. О Нохиме. Он умер...

Мир

Майские крупные и веселые капли дождя прыгали по земле, по крышам, по деревьям, по лицу и по затылку. Солнце играло в каплях. Яша с Сеней стояли под навесом, на одной ступеньке, до того узкой, что приходилось держаться друг за друга, чтобы не упасть или не угодить под дождь.

Дождь утих, а мальчики все еще стояли на крыльце.

Говорили о всяких мелочах, точно боясь говорить о самом главном, о чем каждый неотступно думал.

— А как твоя Галка? — не вытерпев, все-таки с'язвил Яша.

Но Сеня будто не расслышал.

— Мне отец рассказывал, — начал он осторожно, — что мастер из его цеха нашел свою сестру через пятнадцать лет. Они потеряли друг друга в гражданскую войну. Они встретились почти как чужие...

— Не может этого быть, — ответил Яша. Разговор не ладился.

Мальчики пошли домой вместе, рядом. Улица была омыта дождем, и весеннее солнце быстро высушило тротуары.

— Купим конфет, — сказал Яша.

И он сам вынул из синего лотка знакомой конфетчицы две конфеты: одну себе, другую Сене, — косолопого «мишку» и ромовую бутылочку.

Они шли дружно и ели свои конфеты медленно, с наслаждением.

— Конфеты стали вкуснее, — сказал Яша. — Тебе не кажется?

Сеня, облизав бумажку, промычал:

— Я таких еще не ел никогда.

И это означало: «Все, что было, не считается. Мир!»

Яша и Сеня стояли под навесом на одной ступеньке.

Испытания

Наступил день первого испытания. Никто не смог бы сказать, кто пришел в этот день первым: Коля Подосенов, Настя или Андрей Иванович. Дела было по горло. Особенно затормозили Колю. Как назло с вечера он потерял свой «вечный» блокнот. Какое-то важное дело надо было сделать сегодня же после испытания, но какое именно, Коля припомнить не мог.

Наверху не успели вовремя повесить кумачевое полотнище «Привет ударникам учебы», а лозунг «Сладим испытания на «очкор» надо было перевесить так, чтобы он сразу бросался в глаза, как только откроешь дверь.

Было уже без четверти восемь (даже часы тикали в школе торопливо). Через час все начнется, а Настя еще возилась с партами и ворчала: парты должны были быть, как стол к празднику.

Никто не помогал сегодня. Активисты тоже не шли. А в пионерской комнате еще лежала стенгазета шестой «А», которую вчера не успели повесить. Газета была разложена на полу, огромный заголовок, мастерски вырезанный из красной глянцевого бумаги Сеней Зиминным и Яшей Бережновым, кричал во все горло: «Все перейдем!» Это звучало, как начало песни.

— «Все перейдем. Все перейдем...» — запел Коля.— Об этой группе я все-таки напишу в «Пионерскую правду». Была же это самая отсталая группа!

«Все перейдем,
Все перейдем...»

Мысль о неотложном деле опять выплыла в мозгу. Коля перерыл все свои бумаги, вывернул карман: не попал ли за подкладку блокнот? Но проклятой книжки нигде не было. А время несло.

Еще не успели расставить все по местам, как ввалилась первая смена.

Испытания! Все год ребята опаздывали, а сегодня, как назло, на час раньше явились.

Все спешили, торопились, напирали, хотя стояли на одном месте в раздевалке, так как наверх ход до звонка был закрыт.

Внизу, у двери, напор сдерживала Настя: — Только по линейке и только с учителем, организованно, иначе ходу не будет.

Настя, упершись спиной в косяк двери, протянула руку, как шлагбаум:

— Не пушу наверх без учителя!

— Дай взглянуть разочек, Настя!

Настя была непоколебима.

В раздевалке, во дворе и у ворот становилось все пестрее и гуще. Трепетали галстуки, рябили яркие полоски маек, вздувались, как для полета, летние платья девочек. Ребята на ходу доучивали правила, повторяли формулы. Примеры решали мелом на воротах, углем на стенах школы и даже щепочками на песке. И всюду слышно было:

— Боишься?

— Боюсь!

Во всех уголках вели вычисления. Если в году «хор», а на испытании «уд», что будет? «Хор» плюс «уд» равняется «уд».

— А если завалишься?..

Таня Сигида волновалась откровенно, по-«девчоночьи».

Она жалась к Тамаре и без конца спрашивала:

— Тамара, надо бояться?

А Тамара решила во что бы то ни стало показать «класс храбрости» и отрезвляла Таню:

— Ну что бы с тобой было на экзамене в старой гимназии? Ты бы умерла. Ты имеешь понятие, что такое царский экзамен?

И Тамара уже который раз начинала рассказывать, как это было на царском экзамене. Ей дядя рассказывал... Стол в огромном зале накрыт зеленым сукном, за столом сто человек и больше, все закованы в мундиры. Главное — поп. Он сидел на каждом экзамене и ловил на удочку. Он спрашивал хитро и «резал».

Ну что в сравнении с этим был свой класс, своя парта, и учительский столик, и классная доска, и свой Николай Егорович?!

— Значит, не надо бояться...

С вечера Тамара обещала Тане сесть с ней за одну парту, чтобы в случае провала оказать «скорую помощь». Еще вчера они уговорились с Витей ехать провожать Галю. Галя уезжает в деревню, ровно в двенадцать уже надо быть по дороге на вокзал. И еще забежать купить Гале подарок. На это решили потратить скопленные за зиму деньги. Но уговор пришлось отменить, так как Витя явился необычайно рассеянный и мог сорвать все дело.

— Я сию с Голиковым, и точка, — объявила Тамара.

Витю сегодня узнать нельзя было. Новая майка резала глаза яркими синими полоса-

ми. Рукава аккуратно засучены с умыслом: кисть левой руки была перехвачена широким ремешком, и на ремешке в кожаном гнезде настоящие часы. Жаль, что всем было не до витинных часов: приближалась тревожная минута испытания, и Настя стала пропускать вверх первую линейку — шестую «Б».

Но Сеня часы заметил. Он моргнул Вите понимающим глазом, и Витя шепнул ему на ухо:

— Они со звоном в заводе. Я завел на двенадцать ровно.

— А если к тому времени не успеешь кончить?

— Сдам чистую и утеку. У меня в году «хор». Устная вывезет.

— Давай честно, — нахмурился Сеня.

Договариваться пришлось на ходу, так как уже строились в линейку, чтобы идти наверх, и к тому же Яша подозрительно на них поглядывал.

— Помни, — шепнул Сеня, — кто первым кончит, первый едет на вокзал.

— Ясно!

На лестнице Яша спросил:

— О чем вы с Витькой шептались?

— Я ему формулу объяснял.

— Знаем мы, какую формулу! Вокзал!

— А ты поезжай с нами, — смущенно предложил Сеня.

— Подождет твоя Галька, чтоб я ее прождал!

Пять минут

Задачи дали разные, по рядам. Николай Егорович продиктовал условие первой задачи. Задача была легкая. Витя подмигнул Сене и показал ему на часы: «Они и прозвонить не успеют, как я сдам и побегу». Сеня мигнул ему в ответ: «И я!» Затем Витя указал в сторону Тамары и сложил из пальцев «оx». Дела хорошие, и Тамара не задержит. Таня ловко списывала через плечо соседа, то всплывая, то опускаясь над партией. Сеня пригрозил Тане пальцем, но она будто бы не заметила. Она в это время невинно стирала ластиком какую-то ошибку, так как совсем близко проходил Николай Егорович. Сеня слышал, как учитель шепнул успокоительно:

— Не торопись, Сигида, времени еще много.

Яша перехватывал немой разговор Вити с Сеней и напутал условие задачи. Решение пошло неверным путем, и числа сразу раз-

рослись до необычайных размеров. Цельный лес иков с игреками уже стоял на странице. Но Яша не сдавался. У него не могло быть ошибки! «Не может быть, чтобы я не решил задачи, которую уже дописывает Тамара!». Он упорствовал, он путал...

Николай Егорович, строго уложив пенсне на переносицу, ловил каждый взмах руки, каждый шорох.

Испытания были в разгаре.

Первой тихонько скрипнула парта Тамары Щукиной. Тамара вышла на цыпочках и осторожно понесла к столу тетрадь. Затем Тамара исчезла, сделав кому-то в дверях таинственный знак рукой, и вслед за Тамарой, краснея перед учителем за незаслуженное первенство, выскочила Таня Сигида.

Яша с досадой и с завистью посмотрел вслед девочкам и усталился на Сене. Тот уже подписывал свою тетрадь. Кончил. Через одну секунду хлопнет третья парта, и Зимин сдаст работу. В первый раз за все школьные годы мальчику стало страшно, точно его покидали одного в лесу, из которого он один не выберется никогда.

«Бережнов на испытании провалился», — подумал про себя Яша и крепко куснул своей карандаш.

Костыль, стоявший в ожидании сбоку парты, переместился поближе. Сеня уже вытирает руки платком, он улыбается товарищу, точно говорит: «Не стоит волноваться из-за такой пустяковой задачи!» Но Яша отвечает не так уже спокойно. Он указывает глазами на свою тетрадь и отрицательно качает головой.

— Бережнов! — говорит Николай Егорович и предупреждающе смотрит на первую парту.

Напрасно Витя ерзает, кашляет, делает Сене знаки, показывает на часы, недоуменно пожимает плечами. Сеня тихонько опускает край своей парты и снова раскрывает свою тетрадь. Он для чего-то обводит уже написанное и нетерпеливо оглядывается по сторонам. И вдруг в тишине он слышит, вернее, угадывает, звон. Точно дрожит самая тонкая стрелка необыкновенных часов. Двенадцать. Ровно. Осталось тридцать минут.

— Ничего! — вдруг решает Сеня. — Я и так опаздываю. И вообще не буду! Раз и навсегда! Тамара ведь сама решила, а у нее с Яшей пример один. Пусть сам подумает...

Сеня придвигается к краю скамейки, еще раз промакает свою уже сухую страницу, торопясь сдать, но кто-то сзади осторож-

но дергает его за рукав. Рядом на скамейку падает записочка.

Сеня сначала отодвинул записочку, затем накрыл ее ладонью и под партой прочел два слова:

«Заело, помоги».

Все вышло просто. Сеня списал с доски на промокашку яшину задачу и стал решать. «А если он и вправду без помощи провалится?»—соображал Сеня. И рука пошла быстрее.

Сеня уже кончал задачу, когда Витя сдал тетрадь и вышел. Было слышно, как шаги его нарастали и ускорялись и как нетерпеливо он побежал по коридору. «Шпаргалка», направленная к первой парте справа, уже шла по рукам. Сеня увидел, как Толя Айзман, заполучив ее, развернул, не торопясь, сверил ответ и послал дальше. Сеня видел все это, а думал о Гале.

Через несколько минут Сеня уверенно положил свою тетрадь в общую стопочку, лежавшую на столе перед представителями и, стараясь не очень громко тукать костылем, вышел. Вместе с ним поспешно вышел в коридор Николай Егорович. Он погладил сухой ладонью свою плешку, точно согнал назойливую муху, и сказал:

— Зимин! На устное испытание явишься со второй сменой. А Бережнову и Айзману передай, что ты им испортил отметку.

Николай Егорович скрылся в классе. Сеня остался один. Он стоял, крепко прижав к боку свой костыль. Сквозь зеленоватое стекло в двери класса он видел, как Яша воровато списывал с промокашки.

Школьные часы показывали двенадцать двадцать пять, когда Коля Подосенов выбежал из пионерской комнаты со старым, исписанным блокнотом в руке. Сразбегу Коля наткнулся на Зимина:

— Когда Стрепетовой поезд уходит, Зимин? Точно! Я блокнот потерял с утра и все позабыл.

Сеня безразлично взглянул на Колю, потом на часы и махнул рукой:

— Пять минут остался.

И Сеня пошел, стуча костылем.

Поезд умчался, увозя с собой Галю.

Уехала!

Витя стоял посреди перрона один. Как быстро все произошло. Только что тяжелый поезд стоял вот тут, фыркая и отдуваясь, все жило в нем поспешной и веселой жизнью, толкалось, бранилось, воевало,

только что вот тут, у окна, стояла Галя в знакомом синем платье, чолка ее трепыхалась, ресницы прыгали, и глаза обиженно высматривали опаздывающих ребят.

Только что он показывал ей пример, который достался ему на испытании, и она решила его пальцем на стекле. Только что Гале попала соринка в глаз (а может быть, она просто скрывала слезы). Она вернула ему «Николая Егоровича» и сказала:

— Клянись Насте.

И вдруг все исчезло. Только вдалеке, за водонапорной башней, вьется сероватый дымок.

Перрон опустел. Мимо Вити, настойчиво звоня, проехала пустая багажная дрезина, пробежала женщина, похожая на Настю.

— Черепахи! Гориллы-мандриллы! — выругался Витя вслух. — Все, как один, опоздали!

Он надвинул кепку на брови и зашагал, ступая башмаками по деревянному насту перрона. Это он, Витя Голиков, один проводил Галю Стрепетову и простился с ней за всю группу.

Витя шагал, крепко держа в одной руке растрепанный учебник алгебры, завернутый в синюю глянцевитую бумагу, снятую с галиного столика, в другой — шоколадку с дирижаблем, которую купил и постеснялся отдать Гале.

В конце перрона Витя вдруг заметил издали Тамару, Таню и Колю Подосенова. Они опоздали. Они толкали встречных людей и бежали вперед. Он кинулся им навстречу:

— А Зимин где?

Вдогонку Вите крикнули:

— Мальчик, книжку потерял! Книжку!

Он обернулся. «Николай Егорович» широко веером разметнулся по перрону. Витя на лету поймал верхнюю страницу и поднял ее. За ней потянулись остальные. Все разрозненные и разорванные страницы книги повисли на одной крепкой суровой нитке.

„P. S.“

Филиппевна долго и бестолково, по-старушечьи, охала, загордив собой дверь галиной комнаты, и объявила:

— Уехали! На все лето уехали!

Сеня упрямо мотнул головой:

— Знаю, в двенадцать тридцать, на Казань.

Но Филиппевна была неумолима:

— Коли знаешь, чего зря толкаться тут! Они и ключ увезли. Иди с богом!

Сеня взглянул за косяк двери и отыскал глазами гвоздик. Маленький, согнутый. Здесь на красном шуручке всегда висел ключ от двери. Условное место. Его знали только Галя, мать, Филиппевна и он.

Нет, ни красного шуручка, ни ключа не было здесь больше. Голый гвоздик торчал одиноко.

— Она мне тут книжки оставила. Я ей одалживал,— озабоченно соврал Сеня.— У меня испытания идут, мне без этих книжек нельзя.

И, чтобы уломать старуху, добавил:

— Вы же меня знаете, Филиппевна. Я не чужой. Я каждый день ходил сюда. Вы же помните...

Пока Филиппевна, ворча, доставала из глубокого кармана ключ на красном шуручке, Сеня думал: «Почему так хочется сейчас во что бы то ни стало попасть в эту опустевшую галуну комнату? Точно как в театр на необыкновенный спектакль, когда не имеешь билета и достать его невозможно». Никаких книг, конечно, здесь не осталось. Ну просто он давно здесь не был, и хочется посмотреть, что изменилось.

Когда Филиппевна отперла дверь, Сеня вошел в комнату по старой привычке на цыпочках, точно боясь разбудить больную. Но никто сейчас не спит здесь. Кровать Стрепетовой пуста. Ничем не покрыт полосатый матрац, а на галиной постели, на том месте, где была башенка из подушек— мал-мала-меньше,— брошена одна подушечка в слинявшем напернике. Нет на столике синего листа бумаги, на котором Сеня вычертил столько замысловатых фигур, вырисовывал рожи, записывал формулы. Из столика выдвинутый ящичек так и остался незадвинутым. Здесь Галя хранила свои заветные вещи. А на стене, где висели фотографии — Галя пятилетняя в капоре и Пелагея Ивановна, молодая, в платье с рюшами,— остались голые гвоздики и квадратики потемнее стен.

Пусто. Уехали надолго.

На полу, на подоконнике, на столе валяются пузырьки, баночки, конверты, исписанные тетради, лоскутья и корочки хлеба.

У самых сениных ног прошел кот Дымка; он прыгнул на стол, безнаказанно лег на самую середину, точно и он понял, что хозяев нет.

Сеня взял из горки мусора тетрадь. Знакомый почерк. Диктант ученицы 3-й группы Галины Стрепетовой.

«...Третья группа! Как давно это было. А сейчас все перейдут в седьмую. А Галя? Если осенью она не вернется к испытаниям, тогда как? Я за нее ручался, а она там, может быть, все лето будет бабочек ловить и грибы собирать? И ни разу в книжку не взглянет! Все девочки—пшенная каша»,— решил Сеня. Он хотел уже сказать: «Ну, я пошел!», но Филиппевна напомнила:

— Ну, как тебя там? Ищи книги свои.

Старуха прочно уселась на стул сторожить доверенное ей добро, а Сеня, прижав к боку костыль, смущенно стоял посреди комнаты, не зная, за что взяться. Не поймет Филиппевна, зачем он сюда пришел.

— Ищи, ищи! — поторапливала Филиппевна.

Неловко перерыв скудную стопочку галиных книг, Сеня наткнулся на знаменитую книжку «Фрегат «Паллада», которой неизвестно почему так гордилась Галя, и глянцевою открытку — букет фиалок. На открытке была безграмотная надпись: «На память Гале. Когда с тобой мальчишки поссорились, будем вечные друзья. Тамара».

«...Хорошо бы написать Гале письмо»,— несмело подумал Сеня. Купить новенький конверт с синими краешками и листик бумаги почтовой. Он еще никому сам не писал писем. Это будет его первое самостоятельное письмо. Письмо к девочке. Его можно написать мелко, убористо, сверху пометить число римской цифрой и поставить слово «Москва». А в самом конце последней страницы, после подписи «Сеня Зимин», поставить латинские «P» и «S», те самые, которые недавно считал за «P» и «З» и не мог понять их смысл. Это значит «Постскриптум», то есть добавление после написанного. Это будет настоящее письмо.

Например можно написать: «P. S. Будет очень хорошо, Галька, если ты вернешься к осени пораньше», или: «P. S. Галька, я тебя люблю».

Сеня покраснел и робко спросил у Филиппевны:

— Вы не знаете адреса Стрепетовых? Я его потерял. Наверное, она с собой мои книги увезла...

И он продолжал искать. Вещей мелких, никому ненужных, брошенных на перепутье, было много. По каждой из них можно было узнать что-нибудь о Гале. Вот завалился небольшой узелок, что-то заверну-

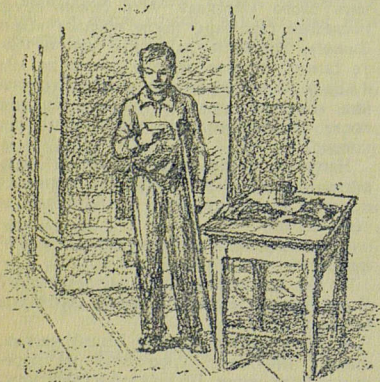
тое в старый платочек. Серый в черную клеточку. Почему из него торчит конец буденновки? Сеня заглянул. Какие старые вещи хранятся в семье Стрелетовых: буденновка, непарные шерстяные носки, изъеденные молью, сплюснутая жестяная кружка, в которой Сеня увидел свое лицо перекошенным, какие-то странички, пожелтевшие от времени и исписанные непонятными буквами!

«Откуда у них буденновка? — подумал Сеня.— Кто у них в семье воевал?»

Он осторожно вынул шапку. Из нее выпала серая бумажка. Какой-то документ с выцветшей печатью, на котором русскими буквами было написано слово «посвидченья». К документу приклеена выгоревшая фотография женщины в буденновке. Сеня без интереса прочел эту бумажку. Но близкие и знакомые имена вдруг мелькнули, как знакомые лица в чужой толпе:

«...Дано гражданке местечка Ружин Злате Брегман, погромленной петлюровскими бандами, в том, что она с двумя детьми, сыном Яшей и дочерью Симой, направляются на поиски мужа-партизана Нохима Брегмана, пропавшего без вести. Комитет бедноты просит оказать ей помощь в дороге до г. Москвы, что подписью и приложением печати удостоверяется.»

Трижды Филиппевна входила и выходила из комнаты, а Сеня, крепко прижав к боку костыль, стоял с непонятным документом посреди комнаты и вглядывался в

Сеня стоял с непонятным документом в руках посреди комнаты.

лицо женщины. Как она похожа на Галю! Откуда этот документ у Стрелетовых!?

Почти сбегая с лестницы, насколько позволял костыль, он крепко держал в руке «посвидченья» и разговаривал зараз и с Яшей, и с Бережновым, и Нохимом, и с Златой.

В письме к Гале он решил сегодня же написать обо всем этом и добавить: «Р. S. Яша пока ничего не знает».

«Посвидченья»

Был легкий майский день. В такой день не было места сомнениям. Только Сене не шли в голову школьные дела. Он забыл о том, что дома ждет его Яша, что надо готовиться к следующему испытанию. Он спешил, не думая даже о том, что сейчас должно произойти. В кармане брюк лежала маленькая потрепанная бумажка. Даже начинало казаться, что он все это сам придумал. Бывают же одинаковые имена и фамилии. Но тут же вспомнил рассказ Яши о том, как Злата Брегман сизым морозным утром приехала в Москву в буденновке, в башмаках, перевязанных шпагатом, и привезла с собой двух детей: мальчика и девочку.

«Во что бы то ни стало надо было сейчас же отыскать Василия!»

Он увидел Бережнова издали. Высоко, в сложном и запутанном лабиринте лесов, казавшихся на расстоянии ажурными и непрочными, мелькнул знакомый зеленоватый френч. Василий бежал вниз по мосткам, так ловко перескакивая через какие-то перекладины, точно состязался с кем-то в легкости бега по этим сложным и путаным ходам. Он что-то громко кричал, приложив ладонь рупором к губам. Сеня засмотрелся в восхищении: «Здорово он как!»

И вдруг дрогнул от испуга, чуть не выронив костыль: «А что, если эти мостки сорвутся, проломаются и Василий упадет, разобьется насмерть?» Мальчик подхватил костыль и побежал по перулку, крича:

— Дядя Василий, дядя Василий!..

В тесной проходной будке, отделяющей улицу от строительной площадки, Сеня ждал долго. Здесь над низенькой дверью висела дощечка: «Вход посторонним воспрещается».

Сеня ждал. Он нетерпеливо перекладывал «посвидченья» из одного кармана в другой и решил оставить его в руке. Вот так просто протянуть его Василию и сказать:

«Прочтите это». Но так казалось слишком просто, и Сеня стал придумывать, как ему объяснить Бережнову, зачем он рылся в галиновых вещах.

В проходную входили, выходили люди, они с любопытством поглядывали на мальчика с костылем. Некоторые кивком головы спрашивали у сторожа: «Чей?», — и тот почтительно объяснял, показывая два уха, обвисших книзу: «Бережновский».

Бережнов, увидев Сеньку, стал быстро застегивать френч, никак не попадая петлей на пуговицу:

— С Яшкой что-нибудь? Где Яшка?

Сеня не смог ответить. От недавнего ли испуга или от смущения он не смог ответить ни слова.

— Я нашел «посвиднения», — сказал он и, сунув в руку Бережнова бумажку, покраснел и отвернулся, точно вмешался не в свое дело.

Он почувствовал себя неловко перед этим человеком с добрыми и знакомыми усами, которые вдруг, как показалось Сене, стали злыми и оцетинились.

— Какое «посвиднения»? — и Бережнов растегнул пуговку у ворота, точно ему вдруг стало жарко. — Откуда это, Сеня? Где ты взял?..

— У Стрепетовых. У рыжей Гали. У той, вы же знаете, что уехала, в веснушках.

— У Стрепетовой?.. — недоуменно повторил Василий.

Он отвел мальчика в сторону, и Сеня, захлебываясь словами, точно они обжигали его, шопотом, чтобы не услышал дед, стал рассказывать все, как было. С начала. С отъезда. С утра. Подробно.

Оттуда, из-за двери, куда «вход воспрещался», звали и торопили Бережнова. Дед подымался и кашлял на разные лады. Проходили какие-то люди, но Бережнов не видел и не слышал никого, кроме Сени. Он держал в руке бумажку и, часто покусывая левый ус, торопился:

— Дальше, дальше...

Мальчик стоял теперь близко-близко. Он видел, как шевелились седые волоски в усах от слишком частого и напряженного дыхания. Он больше не чувствовал себя неловко. Все, что он говорил, было нужно и важно. В его руках была судьба товарища.

Сеня кончил, кашлянул глухо. Ему хотелось еще спросить, что означает слово «посвиднения», но Бережнов оборвал:

— Ни слова Яшке! До конца испытания... Понял?

И он исчез, точно и не случилось того, что могло нарушить его обычный трудовой, доотказу перегруженный день.

В проходной стало пусто. Дед сочувственно кашлянул:

— Письмо батьке пришло? Важное, ма-буть?

— Важное. А вы не с Украины? — спросил Сеня, точно вдруг заметив деда.

— А как же!

— Что значит «посвиднения»? Пожа-луйста?..

Дед растегнул тулуп, довольный тем, что знает то, чего не знают другие, и сказал:

— «Посвиднения» — это что ж? Это, сынок, просто удостоверение.

Дед хотел еще что-то рассказать, но мальчик уже убежал.

Перышко

Испытания кончились. Наступил конек школьного года. Целое лето было впереди. Яша проснулся поздно. День был свободный, мысли были свободны. Глядя на одну точку в потолок, он успел уже мысленно раз десять съездить в парк культуры и обратно на новеньком велосипеде. Как опытный наездник чуёт под собой горячего коня, так ощущал Яша ровную тряску упругих шин, и нога, на ходу нажимая педаль, внезапно тормозила с крутого спуска, что вызывало восхищение всех.

Сегодня, самое позднее завтра, в этом углу будет стоять новенький велосипед. Василий обещал, и это точка.

Потом Яша встал и распахнул окно. Какая-то птичка влетела и, клюнув хлеб, улетила, оставив в воздухе легкое перышко. Яша долго смотрел, как перышко это кружится в солнечном столбе перед окном, то идя штопором вниз среди мириад пылинок, то ложась набок, то исчезая в тени.

Перышко кружилось. Попадая в яркий столб света, оно становилось совсем цвета червонного золота. Совсем таким, как волосы у Гальки Стрепетовой. Яша дунул:

— Пфф, рыжая!

И ему сразу вспомнился вчерашний досадный разговор с Сеней. Опять, конечно, дело вышло из-за Гальки. Вчера утром он вместе с Сеней пришел на школьный двор посмотреть списки перешедших в седьму. И хотя каждый из них знал, что выдержал испытание — чего еще сомневаться! (С алгеброй удалось Яше уладить на устном), —

Золотая рыбка

хотя каждый из них знал, что увидит свою фамилию: один — на «Б», другой — на «З», все-таки где-то в груди щекотало беспокойство. А вдруг по ошибке пропустили фамилию? Но фамилия оказалась на месте. Яша посмотрел на Сеню, улыбнулся и сказал:

— Даешь седьмую!

Но Сеня не ответил и стал еще кого-то отыскивать в списках.

— Ну вот, поздравляю,— сказал он, наконец, радостно,— Гальке испытания на осень перенесли. Читай! — и он подчеркнул ногтем строчки, приписанные красными чернилами.

— Можешь поздравить с этим бабушку Христофора Колумба. Мне-то что!

— Все-таки твой любимый товарищ, — явно издевался Сеня и глядел так задиристо, точно ему ужасно хотелось, чтобы Яша сказал о Гале что-нибудь очень плохое.

— Для кого—любимый, а для кого—пустое место,— не вытерпел Яша.— Я о ней вообще не разговаривал.

— И не будешь?

— И не буду, не угрожай, пожалуйста.

Настроение было испорчено. Как всегда в самые лучшие минуты, и сейчас впуталась Галька. Со двора вышли с Сеней вместе. Они бы так и дошли до самого дома молча, неся каждый про себя обиду, но Сеня неожиданно заговорил о книге Виктора Гюго «Отверженные», и герой романа, беглый каторжник Жан-Вальжан, примирил обоих товарищей. Уже решено было идти к Сене читать вместе, вволю, как Сеня опять удивил. Нажимая кнопку звонка у своей двери, он вдруг предложил:

— Я написал Гале письмо. Хочешь написать привет?

Это было слишком! Ничего не ответив, Яша убежал. Показалось или действительно Сеня крикнул ему вслед что-то? Нето «Еще сам передашь», нето «Еще сам напишешь».

— Еще бы, рыжая капуста! — громко выругался Яша и поймал на лету кружившееся перед глазами перышко — то самое, золотистое, как волосы у Гальки Стрепетовой; он смял его пальцами и неожиданно для себя подумал: «А за что я ее, в самом деле, ненавижу? Эту рыжую?..»

Толком подумать о Гальке не удалось. Дверь приоткрылась, и кто-то просунул в комнату удочку. Вслед за этим показалась витина голова в тесной белой панамке.

— Пошли на Клязьму китов ловить! Собирайся.

Впереди было целое лето. Столько заманчивых и веселых дел. А до отъезда Василия, до отъезда из Москвы, оставалось еще полтора месяца — сорок пять дней.

— Пошли!

Вернувшись с рыбалки поздно вечером в отсыревших ботинках, перегруженный новостями, Яша застрял у сениной двери. Но Сеня не жалел слушать ни о рыбалке, ни о предстоящем шахматном турнире, ни о статье в «Пионерке», в которой говорилось о шестой группе «А». Сеня был чем-то встревожен и задержал Яшу на пороге:

— Или, тебя отец ищет.

Но Яша вытащил из кармана завернутую в клочок газеты сонную крохотную рыбешку и хвастливо выложил ее на ладонь:

— Смотри, я золотую рыбку поймал. Мы с Витькой на Клязьму ездили.

Сеня даже не взглянул на рыбешку.

— Мы тоже золотую рыбку поймали. Живую. Или домой, тебя отец ищет,— и, почти вытолкнув Яшу, он захлопнул дверь.

На пороге своей комнаты Яша сразу понял, почему так торопил его Сеня. К ним приехал гость. Гости! На стуле стоит раскрытый, незнакомый чемодан. Стол завален покупками, свертками. Он пестреет коробочками. Должно быть, приехала и какая-то девочка: на коробке с печеньем лежат василькового цвета берет и еще какие-то девчачьи вещи.

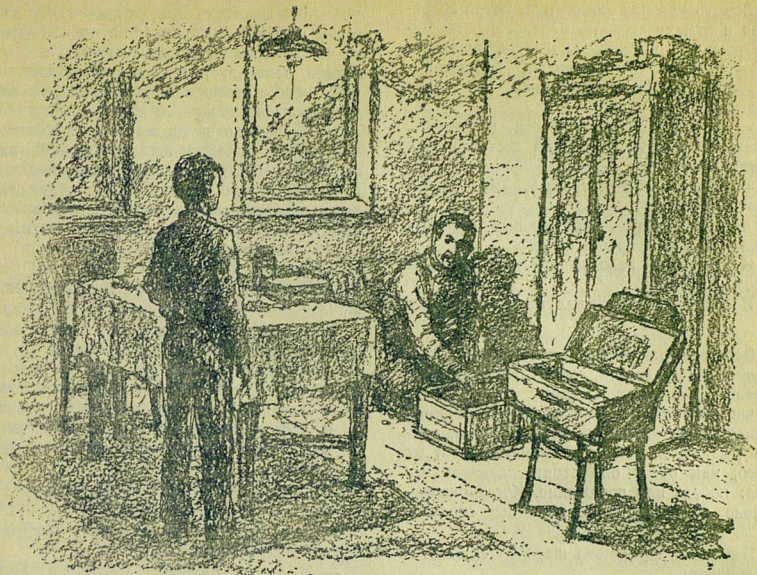
Гости к ним никогда не приезжали. Яша несмело переступил порог, швырнул рыбку в угол, потерял один грязный башмак о другой и пригладил пытерней волосы. Где гости? Никого нет. Только в углу на корточках сидит Василий и перекладывает старье в сумочке.

— Василий, кто это к нам приехал? — спросил Яша.

— Никто не приехал. Мы сами уезжаем завтра, на рассвете.

И Бережнов, даже не встав с места, не изменив голоса, точно речь шла о чем-то таком, что случается ежедневно, объяснил:

— Сестренка твоя, злодейка, отыскалась наконец-то. Едем знакомиться.

— Василий, кто это к нам приехал? — спросил Яша.

И проворчал уже сердито:

— Нашла время тоже: разгар строительного сезона.

Яша стоял смущенный. Он был похож на ребенка, которому протягивают давно желанную вещь, а он еще не знает, дарят ли ее ему «на совсем» или только дают подержать и, может быть, сейчас же отнимут.

— Почему сестра? Какая сестра? Откуда сестра?

Он сел на корточки рядом с Василием. С минуту молча и заинтересованно он разглядывал старые спутанные электрические шнуры, гвозди, ремешки, гайки. Точно здесь, в этом сундучке была главная разгадка. «Откуда сестра. Какая она?»

Они сидели рядом, как два товарища, в чем-то очень виноватые друг перед другом. Один постарше, с обвисшими усами, под которыми губы пытались хранить спокойствие, другой — совсем юнец, не умеющий ничего скрывать. Лицо у Яши было бледное, и Василий впервые заметил над верхней губой мальчика несмелый пушок. «Две-

надцать лет пронеслось», — подумал Бережнов.

— Ты куда ходил? — спросил он.

— Я на Клязьму ездил с Витькой, — выговорил Яша, и это означало: «Где нашли? Куда мы едем? Какая она?»

Бережнов неожиданно оживился, но спросил как бы невзначай:

— А Витька — это тот самый, что вашу Стребутову один из всей группы на вокзал проводил?

— Стрепетова, а не Стребутова. И оставьте вы меня с вашей Стрепетовой! — вспылил Яша.

Яша хотел выбежать из комнаты, по-мальчишески хлопнуть дверь, но вместо этого уткнулся в грудь Василия и, чтобы не заплакать и не всхлипнуть даже, он крепко прикусил подвернувшуюся пуговицу. Где-то над ним, у самого уха, открыто дышал Василий.

— Стрепетова не при чем. И отчего ты, скажи мне кстати, с этой девчонкой всегда воюешь? Из-за чего ты, скажи на совесть, ее ненавидишь?

Локоть мальчика вздрогнул, точно возвращая и отмахиваясь, но Бережнов осторожно тронул его, успокоил и продолжал:

— Из-за чего у вас вражда началась?

— Пусти. Не желаю о ней, мы давние враги...

— А если Галя Стрепетова, например... оказалась бы твоей родной сестрой? Как тогда?..

— Этого не может быть. Так не бывает.

— А если бы? — настаивал Бережнов. — Мало ли что в жизни бывает.

И он выждал, неловко щекотнув усами за ухом мальчика.

Но Яша только пожал плечами.

Весь остаток вечера Бережнов хлопотал, напичкал свои сапоги, совсем как накануне праздничной демонстрации.

Он расставлял и перекладывал коробки и пакеты с такой серьезной важностью, точно располагал войско, командуя им, и от того, как будет оно стоять, зависит исход: победа или поражение. Когда очередь дошла до голубого берета, Яша спросил:

— К каким волосам идет голубое?

Бережнов расправил шапочку и ответил уклончиво:

— Голубой — цвет неба. А под небом все молодое красиво выглядит...

Дальше разговор не пошел, велено было немедленно ложиться спать, чтобы не проспать утренний поезд.

«Куда мы едем?..» — думал Яша.

Уже совсем засыпая, он вдруг вспомнил о Сене и приподнялся на постели:

— Сенке же надо сказать, Василий!

Яша нетерпеливо стал доставать свои ботинки, брошенные далеко под кровать, когда Бережнов отозвался:

— Спи, рыбак! Сеня твой с нами едет.

Георгина

Наступила осень. По дороге в школу Андрей Иванович купил георгину, пуночковую, с буйно разросшейся упругой головой. Был первый день учебы, начало нового школьного года. Важный день. Опять сегодня Куза возвращался в свою группу, которую не видел целое лето. Сегодня предстояла интересная встреча. Подумав об этом, Андрей Иванович неловко сунул цветок в карман выцветшего за лето пальто. Твердый зеленый стебель цветка нелепо торчал из кармана.

Андрей Иванович замурлыкал в нос песенку и пошел быстрее. Окна по всей улице были позолочены, на перекрестках от лотков, доотказу перегруженных яблоками, шел необыкновенный аромат. Школьный двор был уже полон. Он звенел. Он шумел. Здесь были и отзвуки моря, и дразнящее эхо леса, и всплески весел по речной глади. И как будто бы даже пахло ягодами. И о чем только ни рассказывали эти веселые ребячьи лица, щедро поджаренные солнцем, прясневшие от отдыха глаза!

Кузу встретили весело:

— Андрей Иванович!

— Здравствуйте опять, Андрей Иванович!

Куза шел к раздевалке, увлекаемый живым кольцом ребят своей любимой группы. Все были знакомы, но каждому прибивилось за каникулы что-то такое, что уловить невозможно, а не заметить нельзя. Тамара стала степенней, она уложила свои черные, вечно растрепанные косы вокруг головы.

— Важничает! Взяла первый приз за авиомодель в детском городке.

У Толи Айзмана лицо обрело энергию и юношескую волю.

— Я, Андрей Иванович, с отцом от Керчи до Байдарских ворот пешком прошел. Я камней привез полный чемодан. Уникумы!

— А я тоже здорово грести научилась, Андрей Иванович, — и откуда-то над всеми поднялась заглубевшая открытая ладонь Тани Сигиды.

— Тише, — говорит Андрей Иванович, — вы меня с ног свалите! А еще что нового? — и он хитро шурит знающий глаз.

...Ну, нового! Конечно, история с Галькой и Яшей. Кто бы мог подумать? Брат и сестра. Вдруг, пожалуйста!

Кольцо вокруг Андрея Ивановича становится теснее. Каждому хочется что-нибудь прибавить к этому событию. Всем завидно, что такая слава выпала на долю Сени. Немного славы пытается отвоювать себе и Тамара:

— Я еще раньше замечала, что у них много общего. Посмотрите: у них глаза одинаковые. И смеются одинаково. Конечно, похожи.

— Похожи как дождь на кастрюлю, — не выдерживает Витька. — Они чихают одинаково, прислушайся, Тамарка. Вот так!

И он чихает так громко, что Андрей Иванович отодвигается, готовый не на шут-

ку рассердиться. Но уже опять со всех сторон Кузу забрасывают вопросами:

— С кем будет жить Галя?

— Правда ли, что она по всем предметам слала на «ох»?

— Под какой фамилией они оба будут значиться в журнале — под старыми или по-настоящему — Брегман?

— Говорят, даже и имя у Гальки ненастоящее.

— Перепетуя Поликарповна — ее имя, — серьезно замечает Витя под общий смех.

— Ужасно интересно! — вдруг восклицает Таня Сигида, точно дочитав последнюю страницу книги. — Я бы тоже не возражала, чтобы меня нашел какой-нибудь мой брат.

— Только не я, — отскакивает Витька.

Увлеченный разговором, Андрей Иванов не заметил и уронил георгину. Навстречу несетя из школы звонок. И он точно окреп за лето. С сегодняшнего дня часы и работа опять будут размерены этим звонком. Он всегда одинаковый, но каждый год после каникул кажется иным, его голос меняется, точно он взрослеет вместе с головами ребят.

На полу в раздевалке, на минуточку опустевшей, чтобы уступить место другой волне, нянечка Настя подобрала растрепанную и примятую георгину. Настя расправила цветок и, торжественно подержав перед собой в руке, точно поздравляя кого-то, улыбнулась, но тут же бросила цветок на прилавочке у вешалки: слишком много было дел в этот день, чтобы можно было любоваться цветами.

С шумом, как к себе домой, вваливались знакомые «старые» ребята; неловко, с любопытством разглядывая школу, входили новички, неумело держа перед собою свежие тетради и еще ни разу не окунутые перья.

С новичками хлопот не оберешься. Но, завидев издали Яшу Бережнова, Настя на секунду оторвалась от дел и крикнула мальчику:

— С сестренкой поздравляем!

«Даже Настя уже знает, — подумал Яша краснея. — Вся школа знает, все меня поздравляет будут сегодня. Кое-кто посмеется, конечно. Все-таки рыжая — Галька». Он хотел ее увидеть такой, какой видел всегда в школе, и не смог: до того он за лето свыкся с тем, что она его родная се-

стра, что у нее волосы, как у покойной мамы. Он даже испугался при мысли, что здесь, в школе, опять может вспыхнуть у них прежняя вражда. Так, просто. Из-за какого-нибудь пустяка. И тогда опять сестры не будет.

Захватывая по три ступеньки, он помчался наверх, в класс. Гали еще не было. Не было и Сени. Яша сел за парту и впервые с утра вспомнил о Зимине Конечно, Сеня не зря дуется со вчерашнего дня, и Яша смутился при мысли о том, что сенино место сегодня с ним рядом займет Галя. Но об этом они все договорились еще летом.

«Зато домой будем ходить втроем», — успокоил себя Яша.

Он с удовольствием вспомнил, как весело они недавно ходили втроем к Волге, как ласково и легко Галя клала одну руку на плечо ему, другую — Сене, точно они оба были ее братья. А когда она говорила что-нибудь одному из них, она никогда не забывала другого:

— Хотите, мальчики, я вам вышею тубетейки? Крестиком?

Яша улыбнулся довольный, почти гордый ею.

В класс вошел Витя. В нарочито торжественно протянутой руке он держал большую растрепанную алую георгину. Подув на примятые лепестки, он обломал крепкий зеленый стебель и сразу же вставил цветок в гнездышко для чернильницы на первой парте.

Уже класс был полон, уже первые восторги и разговоры с Яшей отошли. Повеселевший Сеня уместился рядом с Толей, когда в класс вошла Галя. Ее встретили шумно, некоторые даже приподнялись с задних парт, чтобы увидеть ее.

— Галька!

— Стрепетова!

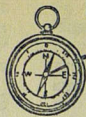
— Рыжик!

Галя с минуту постояла у двери; смущенно и виновато улыбаясь, она переводила глаза с первой парты, где сидел Яша, на третью, где сидел Сеня, и, как бы решившись, быстро откинула со лба чолку и пошла к первой парте справа. Яша ловко отодвинулся, чуть не с'ехав с края скамьи, и сказал, улыбаясь уголками глаз:

— Садитесь, «тетя Лидия»!

Галя улыбнулась, покраснела и прикрыла смущенное лицо растрепанной георгиной.

Конец

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер». № 19

„Человек с луны“

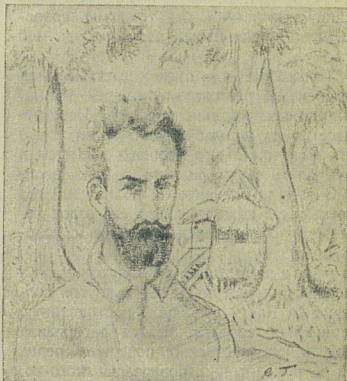
М. Лоскутов, Р. Фраерман

В тропическое лето 1871 года на закате дня медленно шел, лавируя между белыми коралловыми рифами, большой двадцатипушечный корабль. Это был русский корвет «Витязь», после годичного океанского плавания подошедший, наконец, к неведомым доселе берегам Новой Гвинеи.

Слева по борту корвета садилось в океан солнце, огромное и багровое, без лучей, а справа поднималась из воды земля. Очертания ее были неясны. Но в сумерках, быстро наступавших, чувствовалось присутствие гор, влажных от вечных облаков и тумана.

Ни одного звука не доносилось с таинственной земли. И на океане было тоже тихо. А над бушпритом корвета уже загорались созвездия.

На рассвете на пустую, мокрую от росы палубу корабля, где стояли открытые батареи, поднялся человек и, поставив к глазам бинокль, стал смотреть на берег. Теперь земля была хорошо видна. Отвесно стояли горы, и вершины их были открыты, чисты от туч и облаков. Весь край казался черным от лесов. Они клубились по ущельям и склонам, по горным террасам, точно широкие потоки, падая прямо в море. Это был северо-восточный берег Новой

Миклуха-Маклай и его хижина.

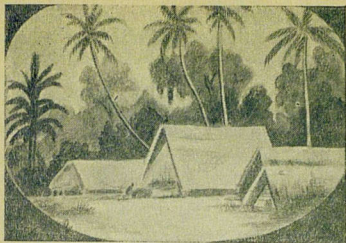
Гвинеи, где еще не успел побывать ни один европеец: ни матрос, ни купец, ни ученый.

Долго не опускал бинокля человек, стоявший на палубе, разглядывая еще не известную землю, на которую он собирался ступить.

Наконец, он опустил руку и неторопливо пошел мимо пушек и башенок, где на вахте стояли часовые.

На палубе военного корабля среди матросов и офицеров, одетых в форменные кители, совершенно необычайно был вид этого человека в поматой шляпе, небрежно одетого и нестриженного. На ногах у него были калоши.

Это был русский путешественник Миклуха-Маклай, зоолог, натуралист, последователь Дарвина, ученик знаменитых ученых Геккеля и Бэра.

Деревня Горенду.

Полтора метра синеватой океанской воды, где ныряли акулы и мерцали медузы, отделяли его от загадочной земли. На берегу, над лесом то там, то здесь был виден дым, струившийся вверх. Значит, земля эта, нанесенная на карты под именем земли Папуа, была обитаема. Но папуасы? Что это за люди, о которых даже белые плантаторы, добывающие себе здесь, на Полинезийском архипелаге, рабов, купцы, торгующие жемчугом и копрой¹, приказчики немецких факторий,² христианские священники-миссионеры, вооруженные револьверами, говорят со страхом как об ужасных людоедах и которых буржуазные ученые Европы и Америки называют низшей расой, неспособной от природы ни к какому развитию?

Но Миклуха-Маклай, этот худощавый, невысокого роста человек, с вислоколенной бородой, с профессорской привычкой к калашам, думал совсем не так.

С ним не было ни каравана носильщиков, как у Ливингстона и Стенли, ни вооруженной охраны, никого, кроме двух слуг, шведа Ульсона и полинезийца Боя, обязавшихся по вольному найму следовать за ним повсюду. Но и они казались ему теперь лишними. Ульсон был трус, а полинезец слаб здоровьем.

И, наконец, ученый был беден, так беден, что за старую шляпку, подарен-

ную ему капитаном корвета Назимовым, очень долго и сердечно благодарил.

Много ли купишь на 1300 рублей, которые с таким трудом удалось выпросить для экспедиции у императорского Географического общества? Хорошо еще, что на корвете дали бесплатный проезд.

С корвета спустили шлюпку. В это время с борта корабля заметили на берегу дикарей. Один из них подошел к самой воде и положил на песок кокосовый орех, а другой потряс копьем. Это значило: мы желаем вам мира, но никого из вас не просим в гости.

В последний раз офицеры попытались отговорить своевольного, странного пассажира от его безумной затеи. Но Маклай попросил грести к берегу.

Через день, прощаясь с командой, которая помогла ему выстроить хижину недалеко от деревни Горенду, он указал матросам на старую панданусовую пальму, под которой в медной трубке зароем свои записки, если смерть будет угрожать ему.

Прошел год. Никто не знал о судьбе Маклая и его спутников. Только глухие разноречивые слухи распространялись время от времени по всему миру: говорили, что Маклай умер, что он убит, что он с'еден людоедами... Наконец в одной австралийской газете было напечатано сообщение о том, что торговое судно, случайно зашедшее в бухту Астролябии, в которой высадился Маклай, нашло в живых только его слугу, отчаявшегося и полубезумного шведа Ульсона.

Тогда русское правительство приказало клиперу «Изумруд», совершавшему кругосветное плавание, зайти в Новую Гвинею.

...В это время на другом берегу огромного острова Новая Гвинея, недалеко от бухты Астролябии, на океанском берегу, заросшем пышной травой, араукариями, фикусами, панданусами, на песчаных и коралловых отмелях, бегала и прыгала группа людей, довольных солнцем и воздухом, бросая в морскую пену камешки. Все эти люди были темнокожие и полуголые, кроме одного из них, который был в остатках европейского платья, в измятой и порванной

¹ Сушеная мякоть кокосовых орехов.

² Торговые конторы.

шляпе на голове и в старых калошах на ногах.

После состязания в бросании камешков принялись бегать вперегонки.

«Я был удивлен, — записал в своем дневнике Миклуха-Маклай, — что, не смотря на одежду, штилеты и сверх того еще калоши на своих ногах, я оказался в беге выносливее туземцев».

Когда «Изумруд» подошел к берегу у хижины Миклухи-Маклая, то команда с удивлением увидела, что Маклай цел и невредим.

Капитан клипера, с волнением обняв ученого, которого все давно уже считали мертвым, спросил, когда он намерен перебраться с вещами на борт «Изумруда».

— А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? — удивился Маклай. — Это далеко еще не решено...

Он чувствовал себя на этом диком берегу, среди папуасов, неплохо. Вероятно, гораздо лучше, чем чувствовал себя когда-то мальчиком в Петербурге, в гимназии, откуда был исключен «за своеправный характер» и «излишнюю любознательность», а позже юношей, в том же Петербурге, когда по приказанию жандармского управления был выгнан из университета за «неблагонадежность».

Но в земле Папуа Миклуха-Маклай любил. Вся деревня Горенду, близ которой поселился Маклай, вышла провожать своего друга. Пришли старшины и из других деревень. Они просили Маклая остаться, не уезжать от них никогда.

Он сказал им, что вернется вновь, и пригласил их с собой на клипер. Как ни мучило папуасов любопытство, но придти на корабль, полный белых людей, было страшно. Никогда не приносили им белые ничего хорошего. Но с Маклаем они готовы были и на это.

Они пришли на корабль, и каждый из них, ради собственной безопасности, хотел держаться за руку или плечо Маклая. Но их было слишком много, и Маклай велел обвязать себя длинным канатом, за конец которого держались папуасы. И так ходили они вслед за Маклаем по палубе, с любопытством

Папуас из деревни Горенду.

разглядывая пушки и странных животных — быков, которых они принимали за русских свиней с зубами на голове. Все было тут для них удивительно и страшно, но одного только прикосновения к Маклаю было достаточно, чтобы успокоить самого боязливого из них. Маклай! Это было высшее для них существо, доброе, честное, никогда не обманывавшее их даже в самых малых пустяках. Это был не белый, это был «человек с луны», как называли его папуасы.

И верно, как будто не было другой белой страны, откуда бы он мог явиться. Он совсем не был похож на торговцев, даром отбиравших у жителей жемчуг, на солдат «тамо-инглис» и «тамо-голланд», приходивших с оружием в деревни, чтобы увести с собой скот и сжечь хижины, ни на миссионеров, находившихся под защитой этих солдат, ни даже на других ученых.

Он пришел без оружия, без торговли, без солдат, только с одним намерением — думать и понимать окружающее — и только с одной целью — доказать всему миру ту простую истину, что нет низших и нет высших рас, что все расы равны, что человек — всюду человек.

Если туземцы иногда убивают белых людей, то совсем не потому, что они худшая раса. Однажды Маклай, путешествуя по островам и побережьям Новой Гвинеи, услышал от своего проводника плачевную историю некоего тредора О-Хара. Это был дрянной и хитрый человек, поселявшийся среди одного дикого и людоедского племени, чтобы нажиться здесь. Он обманывал и обирая туземцев, пьянствовал и совершал насилия. Кончилось тем, что папуасы силой отобрали у него все свои и его вещи и оставили одного, раздетым и без хижинки. Только один старик жалелся тогда над ним. Это был самый бедный человек в селении, по имени Мана-Салайу. Несмотря на насмешки односельчан он приютил О-Хара в своей хижине. Этот человек из племени людоедов показал белому цивилизованному купцу пример перадожности и человечности!.. Растроганный этим случаем, Маклай велел вести себя в это селение и разыскать старого Мана-Салайу. Он одарил старика самыми лучшими подарками и велел проводнику подробно объяснить всем туземцам, за что он это делает. Старик был так растроган, что заплакал, а его односель-

чане проводили Маклая с почестями, как белого человека, совсем не похожего на других белых, которых они видели. Он и не собирался наказывать их за их проступок, как делали другие, а только отличил лучшего из них.

Много позже Маклай писал в Географическое общество:

«Вина белых, по моему мнению, так громадна, что всякое так называемое наказание туземцев только увеличивает число преступлений против них...»

Сам Миклуха-Маклай шел к туземцам не с револьвером в руках, не с крестом и не с рублем: он шел навстречу им с открытым лицом и честной душой, как товарищ. Он их лечил, помогал им чем мог, учил их и сам учился у них. Он поставил себе за правило внимательно относиться к окружающим и никогда не говорить неправду.

Однажды друзья-папуасы спросили его: может ли он умереть, как все обыкновенные люди? Маклай глубоко задумался. Он посмотрел внимательно на людей, окружавших его; это были его младшие товарищи, люди, верящие ему, даже преданные ему, лоботыпые, но неразвитые и полудикие. Сказать им «да» — опасно и поколеблет необходимый авторитет. Сказать «нет» — значит солгать...

Тогда он нашел другой выход. Он взял в руки копьё, протянул его папуасу Саулу и сказал спокойно:

— На, попробуй: умру ли я?

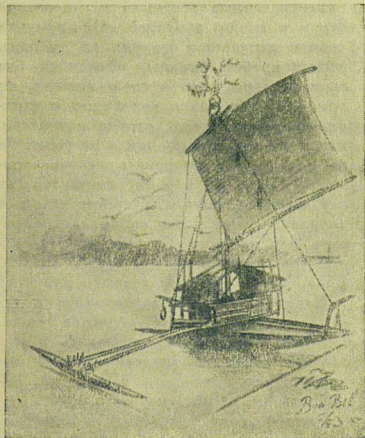
Тут все и даже сам Саул закричали:

— Не надо! Не надо! — и бросились защищать Маклая.

Эти люди поражались всему: белой коже «человека с луны», его штиблетам, его охотничьему ружью, зеркалам, гвоздям, резиновой подушке, зажигающимся спичкам. Но так же остро и тонко ощущали они качества его души: деликатность, правдивость, честность и мужество...

Когда-то, еще высаживаясь со шлюпки «Витязя» впервые на эту землю, он твердо решил не употреблять оружия и отказался от вооруженной охраны, которую предложил ему капитан.

Через несколько дней после высадки он решил отправиться в первую экскурсию для знакомства с бытом папуасской

Большая пирога с острова Били-Били.

деревни. Он приготовил записную книжку, карандаш, спички, сумку... «Стоит ли брать револьвер?» — задумался он.

«Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, — записал он в дневнике, — но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести пользы моему предприятию... Моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении».

И он отправился в деревню. Первым он увидел полуголого мальчишку, который в ужасе побежал от Маклая. Затем показались мужчины. Они начали потрясать копьями, кричать и делать угрожающие знаки. Маклай спокойно продолжал двигаться вперед. Тогда мимо него полетели стрелы. Спокойно, не моргнув глазом, Маклай подошел к толпе. Сбегались новые туземцы. Они окружили Маклая, были возбуждены, кричали, один папуас замахнулся копьем, которое пронеслось в двух сантиметрах от лица Маклая, пушенное нарочно искусной рукой, очевидно, чтобы напугать белого пришельца. Белый же человек оглянулся по сторонам, увидал дыновку, спокойно подтащил ее в тень дерева и... улегся спать. Он проспал свыше двух часов, а когда проснулся, над ним пели птички «коки», солнце шло к закату, несколько папуасов сидело поодаль, разговаривая шопотом, очевидно, боясь разбудить спящего. Они были без оружия и смотрели на белого с удивлением, но без вражды; они уже поняли, что этот человек пришел сюда без худых намерений...

...Много месяцев спустя ленивый и трусливый слуга его Ульсон поднял тревогу: к хижине приближались яковы люди враждебного его соседям-друзьям племени. Маклай вытащил револьвер и увидел, что он совершенно заржавел; за все долгое время этот «инструмент» ни разу не потребовался; одного этого факта было уже достаточно, чтобы удивить многих других ученых!.. Маклай с улыбкой вспомнил свою первую экскурсию в деревню, опасения капитана «Витязя», басни разных «ученых», свои многочисленные путешествия по этой стране... Теперь здесь у него было уже много друзей, молва о нем ходила дале-

Папуасы несут свинью для пиршества.

ко вокруг, его приглашали навсегда жить в разные деревни, о нем даже пели песни — о добром, справедливом и мужественном человеке с луны...

Миклуха-Маклай так сдружился со своими соседями, что ему и самому не хотелось уезжать. От удобства европейской жизни он давно отвык, да и слишком увлекала его наука, чтобы замечать неудобства.

Вскинув на плечи свой ранец, с которым когда-то он, гейдельбергский и иенский студент, бродил по Швейцарии и Германии, он долгими днями путешествовал по селениям папуасов, по горам и среди зарослей. Он приучал себя к папуасской жизни: ел трепанг, живых крабов, бананы, обходился без соли. Возвращаясь в свою хижину, он приводил в порядок коллекцию и записи. Дел было много, страна интересна, наука захватывающая, так и не успел он за целый год поправить свою «постель»: одна из корзин, составлявших эту постель, выпирала своим углом и давила в спину... Все собирался поправить эту корзину Маклай, да тут, через год, вдруг пришел клипер «Изумруд». Что же делать: уезжать или нет?

Наконец, Маклай договорился с туземцами, что он еще вернется сюда. Все-таки нужно было отправить в Петербург свои антропологические и зоологические коллекции и записки, раздобыть их, сделать научный отчет.

Маклай уехал и уже в 1874 году снова вернулся в Новую Гвинею. Он облетел югозападное побережье, посетил

берег Папуа-Ковийи и Новогвинейские острова, потом побывал на Яве и совершил большое путешествие в глубь полуострова Малакка, посетив места, в которые до него не ступала нога европейца, и впервые повидал «лесных людей» — карликовые племена дикарей. Веаде он собрал этнографический материал и антропологические записи; он опровергал басни о том, будто строение черепа и тела туземцев доказывает принадлежность их к «низшим» расам, будто волосы в отличие от других «нормальных» людей у них растут пучками, и другие бредни — такие же, какими могли верить только дикари.

Маклай поспешил выполнить свое обещание вернуться, данное папуасам.

Об этом возвращении на Берег Маклая он оставил такую краткую и замечательную запись:

«27 июня 1876 года прибыл на шхуну «Sea Bird» к Берегу Маклая. Заметил значительные изменения вида высоких вершин гор. Туземцы были обрадованы, но несколько не изумлены моему приезду: они были уверены, что я сдержу свое слово. Когда я с'ехал на берег у Горенду, в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбегались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось возбужденным моим возвращением».

Подобной записью в своем дневнике не мог похвалиться, кроме Миклуха-Маклая, ни один, даже самый лучший, самый известный и самый цивилизованный ученый. Так встречать туземцы могли только человека, добившегося такого авторитета среди них, что одного слова его было достаточно, чтобы останавливать войну между разными племенами.

Почти 16 лет, самую зрелую пору своей жизни, Миклуха-Маклай провел в путешествиях, в неустанном изучении природы человека, никогда не ожидая и не требуя для себя помощи или защиты. Маклай надеялся только на себя — не на свое закаленное здоровье: оно было слабым: он болел и тропическими лихорадками, и скорбутом, и дизентерией, — но на свое знание человеческой природы, мужество и человеколюбие, которые никогда не изменяли ему. Это они останавливали копы дикаря, занесенное над его головой, и направляли в сторону стрелу. А белых он просил только не мешать ему. В 1879 году, когда он снова посетил берег Новой Гвинеи, то потребовал от американского шкипера, который привез его на своей шхуне, чтобы во фрахтовый договор был внесен такой пункт:

«Если мистер Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не чинить никаких на-

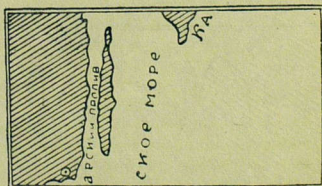
(Окончание на стр. 98)

„...арский пролив ...ского моря“

Перед вами карта довольно крупного острова. Отделенный сравнительно узким проливом от восточного побережья материка (точнее, одного из его больших частей), он лежит, омываемый волнами холодного моря. В суровые зимы пролив замерзает. Очертания острова крайне характерны: он похож на какую-то гусеницу или улитку, вытянувшуюся с севера на юг. Вглядитесь внимательно в карту и постарайтесь припомнить, что это за остров. Догадываетесь или нет?

Боюсь, что да. Потому боюсь, что можно почти поручиться: догадываетесь вы неверно. Не стоит спорить об этом. Лучше просто посмотрите на вторую карту на следующей странице.

Л. Успенский

МАСШТАБ 1 : 15 000 000
150 0 150

силей по отношению к туземцам под предлогом наказания...»

Эти-то драгоценные качества его души и характера больше чем какие бы то ни было подарки: бусы, ситец или стекло, — больше чем какие бы то ни было проповеди привязывали к нему простые сердца дикарей и приводили в изумление европейцев. Имя Миклуха-Маклая стало знаменитым. Его великие современники, Лев Николаевич Толстой и другие, восхищались им, папуасы любили, и только ученые глупцы издавались над ним. Но зато как их было много!

И когда в 1887 году уже женатый, с двумя сыновьями он вернулся на родину в Петербург, его встретили там сухо.

И через год, больной водянкой и ревматизмом, он слег в постель. Он умирал

в больнице в такой же страшной нужде, в какой он начинал свою жизнь.

Между тем именно тогда ему нужна была помощь. Его замечательные коллекции валялись на таможенных, его докладные записки сушились в академических канцеляриях, его рукописи не издавались.

И бедный Маклай так и не увидел в печати своих удивительных дневников, которые среди ливня и гроз новогвинейских ночей в хижине на берегу океана он вел изо дня в день.

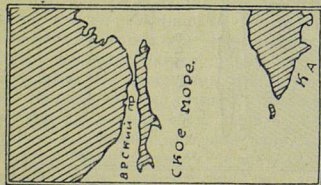
Только при советской власти они увидели свет. И мы, наследники, наслаждаемся ими. Читать их, — поистине, наслаждение, потому что Миклуха-Маклай был не только ученым: он был великой души человек; он был художник и был поэт.

От совета общества

Всем членам общества „Компас“ совет общества разослал задания по летней географической работе. Те, кто еще не получил задания, сообщите совету, и оно будет немедленно выслано.

„...арский пролив ...ского моря“

«Позвольте! — скажете вы. — Да ведь разве это не два изображения одного и того же острова? Смотрите: и тут и там его отделяет от материка какой-то пролив, название которого оканчивается на «...арский» И тот и другой лежат в «...ском море». И у

МАСШТАБ 1 : 45 000 000

500 0 500

клочка земли, видимого в водах этого моря на северовостоке, в обоих случаях написано «Ка...». Наверное, это просто две карты острова, составленные в разное время, с разной точностью. Одна — врет, а другая — нет...»

Увы, вы жестоко ошибаетесь! Вы самым настоящим образом принимаете муху за слона. Тот, кто разглядывает карту, не обращая внимания на ее масштаб, подобен чтецу газет, читающему в них только объявления и происшествия. Приглядитесь к масштабам. Измерьте циркулем по ним оба острова. Вы убедитесь, что первый может уложиться вдоль второго раз 7, не менее. Площадь второго острова — 75 тысяч квадратных километров, а ничтожного островинки первой карты — всего-навсего 1320 квадратных километров. Словом, это два различных острова, лежащие за добрый десяток тысяч километров друг от друга. Назовите же, в наказание, оба острова.

Кавказский заповедник

Один из самых выдающихся советских заповедников — это Кавказский. С 1936 года по нему разрешено устраивать экскурсии. Дорога через заповедник начинается от столицы Адыгейской автономной области — Майкопа — и, перевалив через Кавказский хребет, оканчивается в Красной поляне, в 50 километрах от Адлера, города на берегу Черного моря.

В заповеднике звери гораздо менее пугливы чем в других местах. Проводники по заповеднику утверждают, будто животные понимают, что здесь они неприкосновенны, или, точнее говоря, у них здесь не вырабатывается таких рефлексов настороженности против людей, как в других местах.

Путешествующий по заповеднику проходит все климатические пояса и все растительные зоны Кавказа: от лиственных лесов в предгорьях Майкопа, через хвойные боры, альпийские луга, а затем на перевалах гор Очишко и Псеашхо через полосу тундр, вечных снегов, фирновых полей, чтобы затем, по другую сторону хребта, опять попасть в полосу хвойных и лиственных лесов, а у моря — в полосу субтропической растительности: пальм, кактусов, магнолий, лимонных и масличных рощ. Выехав из Майкопа в жаркий день, вы как бы обращаете время обратно: от лета переходите к весне, а затем к зиме (на перевалах).

Единственная охота, которой можно заниматься в заповеднике, — это охота на животных с фотографическим аппаратом. Она труднее чем настоящая охота, но зато результаты от нее остаются надолго. На этой странице я показываю вам результаты такой охоты.

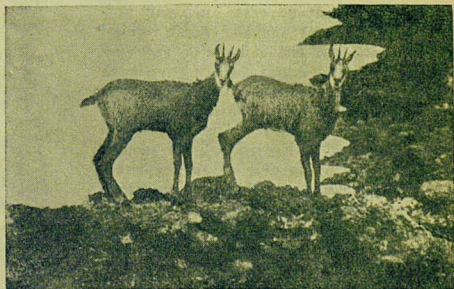
Профессор А. М. Ладыженский

Горная индейка.

Тур.

Серны.

Фонд
Географического
Общества.

Георгий Марков (Ойрот-Тура, Ойротия) прислал описание путешествия в Инно по Чуйскому тракту:

— На тракте много опасных мест. Он все время идет или недалеко от Катунь или на самом краю обрыва в Катунь. В Мунах я видел шлифовальную фабрику, шлифующую мрамор. Я проезжал по двум мостам через Катунь: один — в Усть-Семе, а другой — подвесной в Ине — и через Саминский перевал (2100 метров над уровнем моря). Он мало похож на перевал, просто длинный подъем и длинный же спуск. На нем еще лежал снег, а внизу уже зеленеет хлеба. Начало быстро темнеть. Здесь темнеет очень быстро: как только солнце зайдет за гору, так и темно станет. Дальше пошли горы, казавшиеся красными: они были покрыты маральником. Я с нетерпением ожидал, когда мы подедем к Чике-Таману (этот перевал гораздо выше и много круче Семиинского). Дорога на него идет изгибами, так как прямой подъем невозможен. С верхней точки перевала все кругом видно как на ладони. Спуск был еще труднее; на спуске есть «мертвая петля»: дорога идет сначала вниз, потом крутой поворот влево, идет по кругу, и крутой поворот вправо. После перевала идут бомы — такие места, где с одной стороны дороги идет обрыв в реку, а с другой — сплошная стена скал в сотни метров высотой. Катунь в этих местах очень красива, на ней много островов, покрытых пихтами и лиственницами. Через несколько десятков километров есть «мертвая деревня» — это груда камней, очень похожая издали на настоящую деревню. Дальше мы проехали по подвесному мосту через Катунь (она здесь идет в узких каменистых берегах: сваи бить нельзя) и очутились в Ине.

Коля Маклаков (село Снегиревка, Николаевской области, УССР) прислал историю села, в котором он живет.

В 1812 году, во время нашествия Наполеона, здесь, в густых зарослях курстарника, поселились первые жители. Это были крестьяне, бежавшие из Могилевской губернии. Они разгромили имения помещиков, а Наполеон приказал вернуть помещикам их вещи и земли. Опасаясь расправы, крестьяне бежали в южнорусские степи. К 100-летию существования (1912 год) в селе было уже 1500 жителей. В 1905 — 1906 году за попытку захватить земли помещиков царские солдаты жестоко расправились с крестьянами. Во время гражданской войны много героев-партизан из села погибло, сражаясь с немецкими оккупантами и белыми бандами. Сейчас Снегиревка — колхозное село. В нем 4 школы, полклинника, строится большой стадион с парком, водной станцией и отделением аэроклуба.

К. Максимов (село Старая Майна, Куйбышевской области) прислал в редакцию образцы слюды, которую он нашел на берегу реки Утки — в Майне.

Саша Шестаков (Ново-Пятигорск, Орджоникидзевский край) описывает восхождение на гору Бештау. По дороге ребята наши родник. В лесу, на вершине горы, наткнулись на заросли диких груш. При спуске видели орла. Сложив крылья, он камнем полетел на землю, и только метрах в 5 над землей он опять расправил крылья и плывко сел.

Выступление лошадей окончено. «Повитой» раскланивается с публикой, а «Руби» — посмотрите, он четвертый, если считать слева, — воспользовавшись тем, что товарищ Анисимов не смотрит на него, уже задирает своего соседа (к стр. 106)

ЦИРК

Н. Ильина

Под куполом цирка

Цирк!.. Открываешь входную дверь и сразу испытываешь легкую приподнятость. Волнуют огни, музыка, запах лошадей, особенный шум цирка. Гудит человеческая толпа, откуда-то из глубины временами доносится рыканье львов.

Цирк!.. Самое праздничное из всех искусств! В цирке все ярко, нарядно, необычно. Тут слон исполняет обязанности милиционера, лошади играют в футбол, а морские львы жонглируют шарами. Тут мы убеждаемся внезапно, что можем делать такие вещи, о которых обычно и не думаем. Вам страшно пройти по стволу дерева, переки-

нутому через ручей? Какая чепуха! Человек отлично может ходить по туго натянутому канату. Человек может прыгнуть с трамплина и, сделав в воздухе сальто-мортале, попасть прямо на протянутые руки верхнего из пяти стоящих друг на друге людей; может кувыркаться на кончике шеста, который держит на лбу его товарищ; может ходить колесом и танцевать на спине бешено мчащейся лошади.

В цирке меня всегда волнует вопрос: как? Как удастся человеку так овладеть своим телом, так прыгать, кувыркаться и перелетать с трапеции на трапецию?! А когда познакомишься с работой цирковых артистов поближе, поговоришь с ними, по-

бываешь на репетициях, то поймешь, что больше всего цирк, блестящий, веселый, искрометный цирк, замечателен терпением.

Под самым куполом цирка висит продолговатая серебристая торпеда. Вертится пропеллер. Торпеда гудит и быстро кружится над ареной. К торпедке приделана штанга. А на ней в вышине, вырванные из темноты слепящим тревожным светом прожекторов, кувыркаются и кружатся два человека. Сверкают атласные, расшитые блестками костюмы. Зацепившись носком одной ноги за кольцо, накинутое на штангу, акробат бросается вниз головой. В зубах у него полоска кожи с крючком на конце. Точно такая же в зубах у партнерши. Смыкаются крючки, и акробаты, сцепившись зубы в зубы, покачиваясь, пролетают над ареной. Внизу молчание. Зрители замерли. Молчит оркестр Тишина. Только ревет мотор торпеды. Выключен весь свет кроме прожекторов. Арена и весь огромный, наполненный людьми амфитеатр цирка погружены в темноту. Все мы, не отрываясь, смотрим вверх, боимся за каждое движение акробатов. Но трюк благополучно сменяется трюком. Акробаты улыбаются, и кажется, что во всем цирке только эти двое людей наверху, под

самым куполом, не думают о страшной высоте, на которой они работают.

Одновременно с общим облегченным вздохом оркестр ударяет веселый марш, гремят аплодисменты. Валентина и Михаил Волгины легко соскальзывают по канату вниз и раскланиваются.

И только за кулисами я вижу, что они очень серьезные и очень утомлены.

— Мы работаем наш номер всего восемь минут,— говорит Волгин.— Но это требует такого напряжения, что уходишь с мажежа совершенно вымотанный.

И мудрено ли? Если акробат, работающий на земле, или жонглер сделает неверное движение, то он только, как говорят в цирке, «завалит трюк». Это, конечно, неприятно, особенно если перед зрителями, но непоправимой беды в этом еще нет. У воздушных же акробатов не должно быть сшибки: малейшая неточность движения — и человек может упасть. За время своей работы в цирке Волгин падал пять раз и каждый раз из-за самого, с нашей точки зрения, пустяка. Однажды они делали такой трюк. Валентина Волгина висит, ухватившись рукой за штангу, а Волгин держится руками за носки ее ног, потом отрывает-

Это и есть летающая торпеда Волгиных. На ней они проделывают свои головокружительные упражнения под самым куполом.

ся, переворачивается в воздухе, выбрасывает ноги и ими цепляется за ноги Валентины. Сотни раз проделывали они это, но тут Волгин на какую-то долю секунды замедлил во время переворота, упустил нужный момент и сорвался. Сетки под ним не было. Но, к счастью, работали они тогда на сравнительно небольшой высоте — одиннадцать метров, Волгин разбилась не очень сильно и через три с половиной месяца смог работать. Снова, не задумываясь, он пошел в воздух.

Другой раз беда случилась в тот момент, когда Волгины сцепились кожаными полосками, которые каждый из них зажимал зубами. Валентина только на них и держалась. Поворачиваясь, она сделала несколько более сильное движение чем надо, натяжение кожанных полосок ослабело, крючок подпрыгнул и расстегнулся Волгин смотрел сверху, как Валентина падала. Он ничем не мог помочь. Она вся вытянулась. Руки у нее были плотно прижаты к телу, ее быстро вращало вокруг собственной оси, а полоску кожи она так и не выпустила изо рта. Спасло Валентину то, что внизу была сетка, она попала в нее и не разбилась.

Старый цирк часто нарочно играл на нервах зрителей, показывая такие номера, весь смысл которых был только в опасности, их так и называли «смертный номер». А советскому цирку совсем не нужно, чтобы артист рисковал своей жизнью, поэтому опасные и сложные трюки сейчас обычно делают над предохранительной сеткой. Правда, сами артисты не любят сетки и часто спорят из-за нее с охраной труда. Репетируют-то они, конечно, над сеткой, но когда номер окончательно отделан, они стремятся показать его в полном блеске, подчеркнуть абсолютную уверенность в себе и снимают сетку.

Волгины тоже работают на летающей торпедо без сетки. Они говорят, что лучше рассчитывать не на сетку, а только на самих себя. Зато весь их день, все двадцать четыре часа суток, — это, по существу, подготовка к тем восьми минутам наверху, на торпедо, под куполом цирка. Питание, отдых, сон — все строго организовано, все налажено так, чтобы поддерживать себя в лучшей форме. Иначе в нужный момент нервы и мускулы могут подвести. Каждое утро артисты долго упражняются на манеже. А вечером, минут за 20 до выступления, уже одетые и загримированные, они

За секунду до того, как сделан этот снимок, Волгин держался за ноги Валентины руками, потом он перевернулся в воздухе.

проделывают ряд акробатических движений, чтобы размять мышцы для трудной работы.

Волгины давно работают вместе, в цирковом деле это очень важно. Почти все артисты цирка работают всю жизнь с одними партнерами. Переходить на сложные и опасные номера можно только тогда, когда люди так сработались, что ощущают друг друга почти как самих себя. Волгины рассказывают, что наверху во время работы они сразу забывают о публике, они ничего не слышат, не видят и не чувствуют, кроме своих движений. Если у одного из них что-нибудь идет не так или он внезапно чувствует себя плохо, другой осознает это одновременно с ним и оба, не сговариваясь, принимают одно и то же решение.

Волгины задумали свою летающую торпеду, когда работали в Мюзик-холле. Они заменяли артистов театра в пьесе «Под куполом цирка» в тех местах, где нужно было выступать с цирковыми номерами. В пьесе рассказывалось, как советские цирковые артисты обгоняют иностранных, как они создают удивительный номер — летающую торпеду. И Волгины решили создать

такую торпеду на самом деле. Они продували и заказали аппаратуру. Год они разучивали намеченные акробатические трюки внизу, на манеже, затем перешли на торпеду. Сначала она висела неподвижно и совсем низко. Когда все трюки стали получаться безупречно, торпеду привели в движение. Затем подняли повыше. Постепенно Волгины увеличивали высоту и скорость. На это ушел еще год.

С кем из артистов цирка ни заговоришь о цирковой работе, всегда услышишь: терпение, настойчивость, тренировка.

— Иной трюк не удается тысячу раз,— говорит Волгин.— Что ж, делаешь его тысячу первый и тысячу второй... Из того, кто сразу слается при неудаче, не выйдет хорошего акробата. И беда, конечно, не в том, что трюк выпадает из номера, а в том, что это сбивает кураж: артист бесознательно теряет уверенность и привычку к настоящему цирковому упорству.

И Валентина и Михаил Волгины хотят стать летчиками. Они проходят школу высшего пилотажа. И тут им очень пригодилась их тренировка, умение владеть своими нервами и телом, способность быстро принимать решения.

Номер прыгунов — Вавиловой и Фаертага — не кажется даже особенно трудным, а между тем он не легче номера на летающей торпедке, хотя, конечно, менее опасен. «Прыгуны с бочками» — так этот номер называется в программе. На арене один на другой ставится несколько столов. Каждый верхний стол короче нижнего, поэтому с одной стороны столы образуют ступеньки, на каждой из них довольно высокая бочка. Вавилова вскакивает на плечи Фаертагу. Ему завязывают глаза. Гоп! Сильным прыжком прыгун взлетает на стол и прямо в бочку. И так все выше и выше. Из верхней бочки он выпрыгивает вниз на арену. Кажется, что это делается совсем легко. На самом же деле прыжки в бочку — результат долгой тренировки. Семь лет тому назад, еще учащимся циркового техникума, Фаертаг задумал и начал готовить этот номер. Чтобы не переломать себе ног, Фаертаг и Вавилова полгода репетировали на лонже, т. е. на предохранительном тросе, один конец которого прикреплен к поясу акробата, а другой пропущен через блок наверху и находится в руках помощника. В нужный момент помощник поддерживает акробата. Большинство акробатических трюков в цирке репетируют сначала на лонжах.

Склонив головы, высоко вскидывая точеные ножки, вылетают на арену лошади. На сбруе у каждой свой номер: первый, второй, третий — целая восьмерка. Впереди «Партизан» — рыжий, горячий красавец. Обиная круг и на бегу слегка наклоняясь внутрь, лошади косятся на публику. Но вот они выстраиваются в одну шеренгу, и теперь все, не отрываясь, смотрят на дрессировщика. Высокий, очень спокойный человек стоит посредине арены. Это Михаил Дмитриевич Анисимов. Сейчас, во время представления, Анисимов почти не командует лошадьми, кажется, что верховодит всем «Партизан». Это, конечно, только кажется. На самом деле дрессировщик все свое внимание сосредоточил на лошадях, но поразительно, как сами лошади великолепно помнят, что им надо делать. Вот сейчас, когда они вышли восьмеркой, они проделывают те трюки, которые их учили делать именно восьмеркой. А если к ним прибавляют еще двух лошадей, то они без подсказки дрессировщика начинают работу десятки.

Конечно, я знаю, что «Партизан» не умеет считать, но во всяком случае состав групп он запоминает прекрасно.

Недавно я была на репетиции. Выполнив свою работу, лошади убежали в конюшню, а мы с Михаилом Дмитриевичем разговаривали посредине манежа. Вдруг рысью прибежал «Партизан» и, упершись головой в спину моего собеседника, вытолкнул его за кулисы.

— Простите, — на ходу крикнул Анисимов, — сейчас я вернусь.

А возвратившись, объяснил: иногда во время представления он нарочно остается на манеже и делает вид, что не хочет уходить, «Партизан» в таких случаях приучен насильно уводить его. Вот и сейчас лошадь решила, что требуется ее вмешательство.

— Пришлось дать себя вытолкнуть, — улыбаясь, сказал Анисимов. — Не хотелось сбивать его с толку.

Каждая лошадь твердо знает свое место в группе. Если «Руби» идет третьим, то он уж не станет на четвертое место, как бы сложно лошади ни перестраивались. Вначале, на репетициях, чтобы приучить всех к своим местам, на каждую лошадь сажают наездника, который ею управляет. Но потом лошади прекрасно запоминают все сами. Михаил Дмитриевич рассказывал мне, что они даже помогают ему, если в группе приходится взять новую лошадь: делая-

Попробуйте удержать в равновесии двадцать два предмета!

ют промежутки там, где ей полагается становиться, подталкивают. А если новичок ошибется и займет чужое место, его бесцеремонно выкидывают. Причем нападают обыкновенно сразу двое — передняя лягает, а задняя покусывает.

Конечно, так гладко дело идет далеко не сразу. При всей понятливости лошадей дрессировка их требует много времени, терпения и любви к делу. У каждой лошади свой характер, свои особые повадки и вкусы. С этим надо считаться. И способности у лошадей разные: одна понятливая, легко все усваивает и запоминает, другой приходится долго показывать одно и то же. «Омруд», например, никак не мог научиться подниматься на задние ноги, остальные лошади пошли очень быстро, а «Омруд» не мог понять, что от него требуется. Измученный берейтор говорил Анисимову:

— Что мы мучаемся с ним, продайте его и купите другую лошадь.

Утром в пустом цирке Владимир Дуров репетирует со слонем «Максом».

Но этого Михаил Дмитриевич еще ни разу не делал. Начав дрессировать животное, он всегда доводит это до конца. Он перестал приставать к «Омруду» во время общих репетиций, но, после того как тот поест и отдохнет, дрессировщик снова брал его в манеж и, обняв за шею, долго ходил с ним, прикармливая лакомствами. Когда «Омруд», совершенно расчувствовавшись, клал голову на плечо Анисимову и шел куда угодно, тот выводил его на середину манежа, внезапно выкрикивал команду и взмахивал руками. «Омруд» пугался и слегка вскидывался от земли передними ногами. Тогда Анисимов гладил его, угощал свеклой и опять начинал прогуливаться. Потом повторил все сначала. Так продолжалось две недели. И теперь «Омруд» поднимается на задние ноги даже лучше остальных лошадей.

Иногда лошадь прекрасно понимает, что нужно сделать, но почему-нибудь не любит

Морская львица «Любочка» — великолепный жонглер. На снимке: «Любочка» со своим дрессировщиком Владимиром Дуровым.

эту работу. Вот «Туркай» — это «лошадь-математик». Ему задают задачи на сложение, вычитание, умножение, а он из разложенных на барьере цифр выбирает как раз ту, которая является ответом на задачу. Между нами говоря, «Туркай» не знает ни сложения, ни вычитания, да и в цифрах он не разбирается, но тем не менее номер с цифрами очень интересен. Лошадь проявляет здесь огромное внимание, так как достает нужную цифру по знаку дрессировщика, настолько незаметному, что публика не улавливает его.

Почему-то «Туркай» терпеть не может этой работы. Как-то раз он устроил настоящий бунт. Перед тем как выступить с ним перед публикой, Анисимов, как это всегда делается в цирке, собрал всех артистов и попросил их шуметь, аплодировать и задавать «Туркаю» задачки. Десять раз «Туркай» дал правильный ответ. А потом вдруг вцепился в руку дрессировщику и так разбушевался, что разогнал всех с манежа.

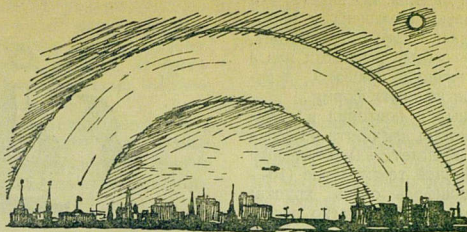
«Туркай» — вообще страшный озорник и задира. Он любит подраться с лошадьми и поиздеваться над конюхом. Часто, потихоньку забрав в зубы повод и став хозяином положения, он таскает конюха по манежу в полное свое удовольствие. Когда «Туркаю» приносит воду, надо смотреть за ним во все глаза, он пьет тогда со страшно благонаравным видом, но стоит на секунду отвернуться, как этот святоша мгновенно хватается зубами ведро и вылескивает воду вам под ноги.

Во время представления Анисимов не спускает глаз со своих воспитанников. Он знает, что лошади лобят пошлать. И это ему нравится: с вялыми, безжизненными животными неинтересно работать. Но шалить во время представления нельзя: перед публикой надо работать и работать красиво, чисто, четко. А именно перед публикой-то лошади и выражают особую склонность к проказам. По утрам, во время репетиции, они не шалят, отлично зная на опыте, что если выкинут во время исполнения номера какую-нибудь «штучку», то Анисимов заставит их повторить его заново. Другое дело перед публикой: там шалость может сойти безнаказанно. «Руби» и «Туркай» — первые заводилы. Но Анисимов обычно вовремя улавливает плутовской блеск в глазах у лошади.

— «Руби!» — тихонько окликает он, а иногда даже не окликнет, а только качнет головой.

Публика ничего не заметила, но «Руби» понял.

В детстве я очень любила цирк. Я и теперь люблю бывать там, люблю разговаривать с цирковыми артистами об их искусстве. Но теперь я смотрю на какой-нибудь блестящий номер совсем другими глазами, я знаю, сколько труда вложено в него и, любуясь четкими движениями, с уважением думаю о человеческом терпении, настойчивости, смелости. Во всякой работе бывают такие моменты, когда после долгого черного копанья вдруг очень радостно увидишь результат. В цирке это особенно ощутимо. Словно волшебная палочка внезапно прикаснется к нему. Наступает час представления — и долгий, терпеливый труд развертывается в веселое искусство. Гремит особенный, бравурный цирковой оркестр, все залито светом, публика, весело переговариваясь, отыскивает свои места, пахнет опилками, пудрой и конюшней. Дети волнуются и смотрят на арену: скорей, скорей! И вот выстраивается униформа, выбегают разноцветные клоуны, один номер сменяет другой. Пестрые шарiki оживают в руках жонглера, они кружатся по его шее и плечам, как послушные зверьки, прыгают, вскакивают на протянутую палочку. Коричневый пес «Шайтан», по знаку Дурова, садится за парту и решает задачки. С бешеной скоростью кувыркаются акробаты. И впереди восьмерки лошадей, кося лукавым глазом, выбегают на арену «Партизан».

Планета из канифоли и кольца Сатурна

Сергей Григорьев

В раннем детстве кого не увлекают пленительные сказки о происхождении звезд, Солнца, планет, Земли и Луны! И я тоже был пленен в свое время астрономией Фламариона, теорией Лапласа о происхождении Солнца и планет. В моей детской лаборатории я пытался в крошечном масштабе повторить некоторые явления, которые в гигантском масштабе происходили в мире. Особенно мое внимание привлекали кольца Сатурна (рис. 1). Теперь каждый

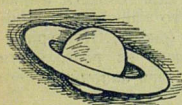

Рис. 1. Схема кольца Сатурна.

может увидеть их в трубы и телескопы, выставляемые во многих городах на площадях и бульварах. Пятьдесят лет тому назад это было доступно очень немногим. И я знал, что кольца Сатурна существуют, только по рисункам в книгах.

Тогда еще не было доказано, что кольца Сатурна не сплошные, а состоят из множества небольших спутников, быть может, даже из космической пыли. Я же мальчиком думал, что кольца Сатурна представляют собой сплошной диск. Поэтому я пытался посредством самодельной центробежной машины (рис. 2) повторить известный опыт. На шпиндель центробежной машины укрепляется большой тяжелый шар (я делал их из мокрой глины с песком и высушивал). Шар приводится в быстрое вращение. Затем на него сверху осторожно наводится кольцо из жесткой бумаги. Отверстие кольца должно быть несколько, чуть-чуть, больше диаметра шара. Выпустив кольцо из руки, я видел, что оно бьет-

ся о края шара, тоже начинает вращаться и очень короткое время удерживается, вращаясь вокруг шара, в плоскости его экватора, а затем срывается и улетает. Еще не

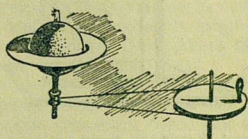

Рис. 2. Центробежная машина.

зная небесной механики, я пришел к заключению, что кольца Сатурна не могут быть плоским твердым кольцом. Такое кольцо непременно «сорвалось» бы от какой-нибудь причины, и, значит, на Сатурне и близ него случилась бы мировая катастрофа.

Тогда я перешел к другому роду опытов, которые придумал сам. Я исходил из того, что когда-то планеты были в размягченном, почти жидком состоянии. Но все знакомые мне вещества было трудно при обычной температуре держать, быстро вращая, в таком размягченном виде. Знаменитый опыт француза Плато мне был не по средствам. Для опыта Плато нужно приготовить смесь из воды и спирта одинакового удельного веса с маслом. Осторожно вливая масло в такую смесь, можно добиться, что внутри сосуда масло приобретает вид огромной капли, свободно висящей в глубине раствора. Можно посредством оси из палочки привести каплю масла во вращение, причем капля сплющивается: вместо шара полу-

чается эллипсоид вращения. Вы знаете, что земля тоже несколько сплюснута у полюсов. Стало быть, опыт Плато подтверждает, что и земля когда-то была в жидком или в пластическом состоянии и, вращаясь, получила несколько сплюснутую форму...

Этот тонкий опыт я повторил в измененном виде. Веществом для опыта я избрал канифоль. Она обладает замечательным свойством. При обычной температуре (10—20° выше нуля) канифоль очень хрупка: маленький комочек канифоли легко растереть между пальцами в тонкий порошок, что мы и делаем, когда пользуемся канифолью для присыпки при пайке мелких вещей (например при пайке приводов в радиоприемнике). Вместе с тем канифоль очень пластична: она течет даже при обыкновенной температуре. Наверное, в

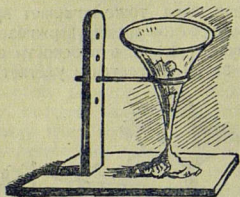

Рис. 3. Канифоль течет из воронки.

вашем физическом кабинете есть стеклянная воронка с канифолью или варом (рис. 3). Сохраняя хрупкость и видимую твердость, канифоль стекает твердой струей из узкого конца воронки и натекает на подставку. Течение это очень медленно: нужной недели, чтобы образовалась эта сосулька и потек.

Я воспользовался канифолью. Возможно, мои опыты одинаково удались бы и с варом, но у меня была канифоль, я ею и воспользовался.

Осторожно подогревая кусок канифоли над керосиновой лампой, я слепил из нее шарик диаметром 2—3 сантиметра (рис. 4). Конечно, такой шар можно и отлить в форме, но я действовал самым простым способом. Через шарик я пропустил ось из обыкновенной крученой нитки. Посредством нитяной оси можно без труда привести эту маленькую модель планеты в быстрое вращение, крутя натянутую ось между кончиками пальцев. Я уверен, что если грубо сделанный шар из канифоли, хрупкой и твердой с виду, долго (в течение

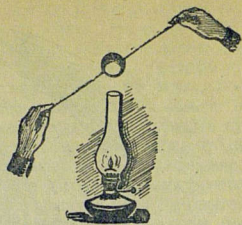

Рис. 4. Канифольная «планета».

500—600 часов) вращать на центробежном станке, то повторится то же, что и в опыте Плато. Форма канифольной планеты изменится, и шар получит форму эллипсоида вращения.

Мне приходилось делать более короткие опыты. Поэтому я вращал модель планеты из канифоли над верхним отверстием стекла горящей керосиновой лампочки, одновременно крутя нить. Канифоль размягчалась, текучесть ее возрастала. Шарик несколько сплюсчивался. И вдруг на экваторе вследствие центробежной силы возникало вздутие, оно выросло в удлиненную каплю, связанную с шариком тонкой ножкой. Если продолжать подогревание, капля отрывается и отлетает. Если отвести шарик в сторону от лампы, то канифоль затвердеет, сохраняя форму (рис. 5). При вращении свет от лампы дает на поверхности зайчик вроде кольца, очень напоминающего кольцо Сатурна.

В детстве мне казалось, что я сделал опыт, подтверждающий теорию Лапласа о происхождении планет и их спутников. Шарик из канифоли — солнце в огненно-жидком состоянии. Планета — кусок солнца — отлетает от него под действием цент-

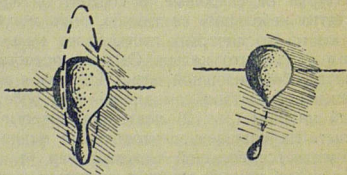

Рис. 5. Образование «спутника».

робежной силы. К сожалению, масса канифольного солнца была очень мала, чтобы удерживать каплю-планету на орбите, а вес планеты и ее притяжение землей очень ве-

дики, поэтому капля, отрываясь, падала. И сравнение канифольного шарика с Солнцем не точно: ведь Солнце огненно-жидкое. Вернее, назвать шарик планетой из канифоли, а капли, им отбрасываемые, — спутниками, лунами планеты.

На самом деле описываемый мною опыт, как, впрочем, и опыт Плато, дает только подобие того, что совершалось в нашем солнечном мире сотни миллионов лет тому назад. По теории Лапласа (а есть и другие теории), наше Солнце, планеты и их спутники образовались из раскаленного вещества туманности, шаровидного облака. Облако это медленно вращалось. Излучая тепло в пустоту мирового пространства, облако охлаждалось. При этом на экваторе центробежная сила становилась настолько большой, что часть туманности теряла связь с нею, отрывалась под действием центробежной силы, продолжая вместе с тем вращаться около общего центра тяжести. Дальше при охлаждении и сгущении из первичной туманности образовалось Солнце, а из вторичных — планеты; планеты в свою очередь при охлаждении и сжатии дали начало: Земля — Луне, другие планеты — своим спутникам, а Сатурн кроме того получил и свои великолепные кольца. Кольца Сатурна очень блестящи. Они дают ночью на Сатурне очень много света, действуя подобно зеркалу.

Мы уже всерьез говорим о межпланетных путешествиях, считая их выполнимыми, хотя и нескоро. Повторяя для проверки свои детские опыты с планетой из канифоли (это можете сделать и вы сами), я

думал вот о чем. В будущем люди на земле сольются в единое общество, владеющее всеми источниками энергии, и старыми и новыми. Если тогда возможны будут полеты в межпланетное пространство, то тем более окажется выполнимой другая, более легкая задача: пользуясь реактивными двигателями, построить вокруг Земли кольцевое зеркало из множества маленьких блестящих лун, выстрелив их с экватора Земли в мировое пространство на такое расстояние, чтобы они сделались спутниками Земли. Земля ближе Сатурна к Солнцу и может получить при помощи своего кольцевого зеркала значительно больше света, чем получает Сатурн от своих колец. И даже не только света, но и тепла. Про месяц говорят: «светит, да не греет».— на самом же деле Луна отражает на землю не только свет Солнца, но и тепло, хотя в очень малом количестве. Мне кажется, хотя я в этом и не вполне уверен, что, создав вокруг Земли кольцо искусственных лун и по-новому распределив массу Земли в мировом пространстве, можно изменить и скорость суточного обращения Земли, что будет иметь свои значительные последствия.

Возможно ли создать такое искусственное зеркало, земные «кольца Сатурна», — это должны проверить более чем я знающие люди. Со своей стороны, я обращаю здесь эти вопросы к моему старому знакомому профессору Иосифу Федоровичу Полаку: он большой мастер излагать трудные и сложные вопросы мироздания в ясной и доступной форме.

По поводу опытов С. Григорьева

Ответ профессора И. Ф. Полака

Опыты тов. Григорьева очень поучительны, и нашим читателям стоило бы их повторить, но по поводу их надо сделать одно общее замечание. Невозможно устроить модель, которая точно, но в уменьшенном виде изображала бы движения небесных тел. Невозможно это не потому, что небесные движения слишком сложны, а как раз по обратной причине: движения светил происходят в таких простых условиях, каких на земле мы не можем создать.

Приведем пример. Всем известно, что Луна — спутник Земли, ее «путчик» в вечном полете вокруг далекого Солнца. При этом она оказывается то справа от Земли, то слева, то впереди, то сзади. Короче говоря, она все время обращается вокруг Земли (один раз в месяц). Сила, которая удерживает Луну около Земли, есть земное притяжение.

Попробуем сделать модель движения Земли и Луны. Возьмем в руку два металлических шарика, один тяжелее другого раз в восемьдесят, и бросим их как можно дальше. Будут ли они лететь вместе? Будет ли маленький шарик при этом кружиться вокруг большого? Конечно, нет. Они скоро разой-

дутся и упадут на Землю совсем в разных местах. Между тем большой шарик действительно притягивает маленький, так как сила притяжения есть сила всемирная: все предметы притягивают друг друга. Но сила притяжения шарика к шарiku совершенно незаметна в сравнении с силой притяжения обоих шариков Землей. Кроме того шарики летят в воздухе, который оказывает сопротивление их движению, изменяет его, и это изменение движения оказывается у одного шарика больше, у другого меньше. Вот если бы мы смогли бросить наши шарики в безвоздушном мировом пространстве, и притом далеко от Земли и от других больших тел, — тогда меньший шарик при полете все время кружился бы около большого под действием их взаимного притяжения.

Теперь читателю должно стать понятным, что первый опыт тов. Григорьева с надеванием бумажного кольца на вертящийся шар не доказывает, что кольцо Сатурна не может быть сплошным твердым кольцом. Сатурнско кольцо вовсе не прикасается к планете и вращается вокруг нее в пустом пространстве под действием только силы притяжения Сатурна. Математический расчет доказывает, что если бы это кольцо было сплошным твердым обручем, то такой обруч не мог бы долго оставаться в равновесии и непременно упал бы на планету. При падении он, конечно, должен был бы разбиться. Между тем в опыте тов. Григорьева бумажное кольцо улетает прочь от «планеты» и в конце концов опускается вниз под действием земного притяжения и воздушных течений.

По поводу второго опыта надо сказать, что он действительно не подтверждает теорию Лапласа о происхождении планет, как это находит и сам тов. Григорьев. По теории Лапласа, от вертящегося шара должен отделиться ободок в виде кольца, похожего на кольцо Сатурна, это кольцо потом распадается на части, и части сбиваются в один комок — в планету. У тов. Григорьева кольца не получилось потому, что его канфолиный шарик вышел не совсем правильной формы и нитяная ось не прошла через его центр тяжести (добиться этого почти невозможно). Его опыт действительно напоминает объяснение происхождения Луны по теории Дарвина (младшего сына великого натуралиста), но силы при этом действуют совсем другие.

Наконец, о «проекте» образования вокруг Земли новых спутников. За триста лет, которые протекли со времени Галилея, основателя механики, техника достигла таких успехов, что никто сейчас не взялся бы ответить, что смогут и чего не смогут будущие инженеры через 300 лет. А что будет через 3000 лет? Через 300 000 лет?

Техника будущего социалистического человечества почти невообразимо превзойдет нынешнюю по своим возможностям: она сможет взяться за создание не только новых лун, но и новых солнц. Но уж, во всяком случае, она найдет более совершенные способы изменения климата Земли, чем устройство «кольцевого зеркала из множества блестящих лун». Дело в том, что эти луны вовсе не были бы блестящими, так как значительную часть своего обращения они проводили бы в затмении, находились бы в тени Земли. Чтобы этого избежать, их пришлось бы расположить очень далеко, но тогда они казались бы слишком маленькими и опять-таки давали бы мало света.

И тем не менее опыты тов. Григорьева интересны и поучительны. Многие подобные же опыты ставились в свое время известными учеными и натолкнули их на очень важные мысли. Вы знаете, конечно, об опыте Плато — о нем рассказывается в учебниках физики. Опыты же Григорьева еще проще — для них не требуется никаких особенных приспособлений и материалов. Каждый из вас сможет сделать такие же миниатюрные «планеты из канфоли» и, быть может, даже придумает какие-либо свои новые опыты. Надо не забывать только, что для успеха в этих опытах требуется немало терпения, внимательности и изобретательности.

П О Ч Т А

Алексей Максимович Горький и «База курносых».

Наша встреча с Алексеем Максимовичем Горьким

Галя Кожевина

Когда мы были пионерским активом иркутской школы № 6, мы написали коллективно книгу, которую назвали «База курносых». В этой книге мы рассказали о нашей жизни. Мы послали нашу книжку в подарок А. М. Горькому.

Вскоре нам пришло письмо от самого Горького, а на другое лето, когда мы поехали на экскурсию в Москву, мы встретились с Алексеем Максимовичем. Мы очень волновались, когда подходили к его дому. На крыльце стоял сам Але-

ксей Максимович. Мы подбежали к нему, обняли его и вместе вошли в дом.

Алексей Максимович был не молодой человек, но казался совсем молодым. Лицо у него было живое, усы то и дело топорщились в веселой, хитроватой усмешке, а смотрел он весело и ласково. Мы чувствовали себя с ним очень просто и хорошо, наперебой рассказывали о том, как мы живем, как доехали. Алексей Максимович слушал очень внимательно, спрашивал нас.

Весь он был какой-то светлый, и мы чувствовали, с какой добротой он относится к нам. Мы попросили, чтобы Алексей Максимович нам прочитал свои рассказы. Лицо Алексея Максимовича приняло озабоченное выражение, и, помолчав, он сказал:

— Наверное, ничего нет.

И он крикнул в дверь:

— Пожалуйста, посмотрите, нет ли там книг Горького.

Книг Горького в доме не оказалось, а пока за ними поехали, Алексей Максимович предложил нам почитать стихи. Стихи мы сочиняли все. Все поочередно прочитали свои стихи. Алексей Максимович то морщился, то одобрительно кивал головой. Когда очередь дошла до нашего пионера Рафы, он опустил голову и от смущения у него даже уши покраснели. Мы объяснили Алексею Максимовичу, что у Рафы стихи про Горького. Когда Рафа сочинял стихи, он ведь не знал, что когда-нибудь придется их читать самому Горькому. Алексей Максимович шепнул Рафе:

— Читай!

Все рассмеялись, и Рафа прочел. Рафа читал с волнением. Алексей же Максимович растерялся и покраснел: он был очень скромным человеком.

В тот вечер Горький рассказывал о своем детстве. Когда Алексей Максимович был еще маленьким, он любил вместе с товарищами, сбегая с горы, бросать камешки в фонари. Их очень забавляло, что фонарь горит, горит, а стоит бросить в него камешек — и он тухнет. И так они побили много фонарей. Но однажды Алексея Максимовича и его товарища поймал рабочий, возвращавшийся с работы. Они испугались, хотели убежать, но он не побил их, а посадил на скамью и рассказал о том, как трудно выделывать стекло. С тех пор Алексей Максимович фонарей не бил.

Незаметно мы перешли на разговор о нашей работе. Алексей Максимович сказал, что самая большая сила в коллективе, в том, чтобы помогать друг другу, раз'яснять, если кто чего не понимает.

Он был очень рад, что коллектив наш подобран из ребят разных национальностей и все мы связаны большой дружбой.

Алексей Максимович говорил о том, как нужно учиться писать.

Он советовал встать утром и посмотреть в окно на знакомую картину, сесть и описать ее — просто свое первое впечатление от того, что увидел.

Алексей Максимович сказал, что не нужно пока писать повестей и выдумывать рассказы, что сейчас мы не видим широты мира и ничего не скажем нового и нужного. Он сказал, что гораздо труднее и важнее сейчас для нас, ребят, научиться выражать свои мысли просто и ясно.

— Вы видите,—сказал Алексей Максимович,—около меня лежит большая собака. Собаке жарко. Если вы сможете об этом написать так, чтобы тот, кто прочтет ваши записки, представил себе, как собаке жарко, чтобы ему стало жаль собаку, это будет означать, что вы уже многого достигли.

Время шло незаметно, пора было уходить.

Горький встал, обошел нас всех и попрощался.

Алексей Максимович проводил нас до крыльца, долго махал нам платком, когда мы уходили.

С тех пор прошло четыре года. 18 июня 1936 года умер Горький. До самой смерти он не забывал нас. Он посылал нам в Иркутск новые книги. Эти книги всегда были аккуратно завернуты в серую бумагу, и на них стоял штамп «От Горького». Мы знали, что Горький помнит о нас и интересуется судьбой каждого. Когда кто-нибудь из старших ездил в Москву, то рассказывал, что Горький спрашивает о нас, называя по именам. Нашу художницу Ару Горький снабжал гипсом и красками, потом Ара поехала учиться в Ленинград, в Академию художеств.

Смерть Горького мы переживали очень тяжело. Но только сейчас мы узнали страшную причину смерти Горького. Теперь мы вспомнили, что когда были в гостях у Горького, там был и предатель Бухарин.

Милый Горький, веривший людям, разве мог он знать, что в глаза ему смотрит убийца его родного сына, смотрит враг, готовящий ему яд?

Теперь мы узнали, что враги убили Горького. Никогда не забудем мы Горького и никогда, ни за что не простим врагам убийство дорогого Алексея Максимовича!

1-07

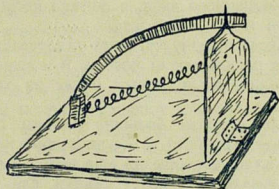
Ч

Приметы погоды

Письмо
Вани Рыбалкина,
Курская область

Зимой я наблюдаю за погодой. Я сделал рейку, чтобы измерять глубину снега, флюгер и анемометр. Флюгер показывает направление ветра, а анемометр — силу ветра. Анемометр я сделал так: взял дощечку длиной в 20 сантиметров и шириной в 16 сантиметров.

Мой анемометр

На дощечке я укрепил столбик и к верху столбика приделал планочку с делениями. Потом вырезал из фанеры дощечку шириной в 14 сантиметров и высотой в 13 сантиметров. Нижний конец дощечки я укрепил на доске, а от столбика к дощечке протянул пружину. Ветер ударяет в дощечку, и она отклоняется, а я смотрю, до какого деления на планке она дошла, и по этому узнаю силу ветра. Я нарисовал свой анемометр.

Каждый день я записывал в дневник свои наблюдения. Самый холодный день был у нас 19 февраля. Была сильная буря, ветер рвал и метал, в одну минуту снегом заносило следы человека.

Некоторые люди думают, что приметы погоды — выдумка, что нельзя по

приметам предугадать погоду. Помоему, есть верные приметы, не всякие, конечно, но часто можно определить погоду по тому, как ведут себя животные, растения. Я, например, заметил, что сороки предчувствуют, откуда будет ветер.

Однажды мой отец, посмотрев на сад, сказал: «Сороки садятся на верхнюю деревьев, их головки обращены к югу, значит, мороз будет с северным ветром». Я спросил его: «Папа, а верно ли это?» «А вот проверь, тогда и увидишь», — сказал мне папа. Так и оказалось: на другой день был большой мороз с северным ветром. А когда сороки прячутся вниз, в гущу деревьев, тогда обязательно пойдет снег. Вот какие умные птицы: они заранее поворачиваются головой в ту сторону, откуда будет дуть ночью ветер. Я думаю, они делают это для того, чтобы ночью, во сне, не свалиться с дерева. А раньше я думал, что сороки ничего не понимают, глупые птицы.

Многим, наверно, приходилось видеть летом влажные окна. А иногда бывает так, что вода даже капает со стекол окон. Это говорит о том, что скоро будет дождь.

Будет ли дождь, можно узнать и по растению погодник. У него широкие зеленые листья. Перед тем, как пойдет дождь, на листьях погодника появляются маленькие капельки воды. Это еще один помощник в определении погоды.

Я хочу узнать побольше примет, чтобы проверить, какие из них правильные. Это поможет определять погоду.

Замечание метеоролога

Пока Ваня только наблюдает над погодой. Но если он не бросит свои наблюдения, то скоро, наверно, сможет предсказывать погоду на один—два дня вперед.

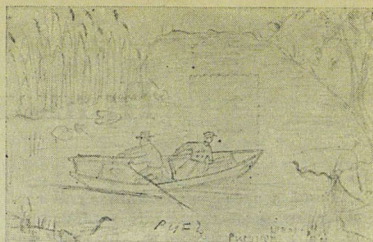
Ваня прав, когда он говорит, что есть верные приметы, которые помогают определить погоду. Но часто можно услышать просто выдумки.

Надо обязательно проверять приметы, которые вы услышали. Так поступил Ваня, когда отец рассказал ему про сорок. Он пришел к выводу, что это верная примета. Было бы интересно, если бы ребята в других городах также проверили ванины приметы и написали нам о результатах.

Г. Шабров

Ловля змей

Письмо

Илюши Даревского,

Киев

В моих террариях живут пресмыкающиеся. Я наблюдаю за их жизнью в неволе и записываю свои наблюдения в дневник.

Но больше всего мне нравится ловить змей. Это — опасное дело, в особенности когда имеешь дело с ядовитыми змеями. Тут надо быть очень ловким и осторожным.

В прошлом году, летом, я наловил много змей в Клавдиеве. Это была интересная поездка, и я хочу рассказать о ней.

Я поехал один, вышел из вагона и пошел прямо к хутору. Там живут мои знакомые ребята. За плечами у меня висел рюкзак, а в руках я нес развилку и походный террарий. Я шел по краю шоссе и смотрел по сторонам. У подножья молодой сосенки промелькнуло змеиное тело и скрылось в расщелине между камней. Я нагнулся и увидел змеиную шкурку. Это была шкурка ужа, я отбросил ее в сторону и хотел уже идти дальше. Но вдруг я увидел змею, свернувшуюся в клубок. Это была медянка. Я протянул руку. Медянка приподняла голову и вдруг стремительно рванулась к отверстию между камней. Я схватил ее за шею. Медянка пыталась меня укусить, то и дело высовывала свой язычок. Но я быстро посадил ее в террарий.

Я пошел дальше. Было очень жарко. Я увидел пруд, быстро разделся и прыгнул в воду. Вода была прохладная, я доплыл до середины пруда. Там плавало дерево. А на дереве грелись черепахи. Я с большим трудом поймал одну черепаху и поплыл к берегу, крепко ее держа.

После купанья я быстро зашагал по дороге. Жара начала спадать.

Около хутора я встретил знакомых ребят. Они вели лошадей в ночное. Я ска-

зал, что заночую с ними, а пока еще светло пойду в дубовую рощу. В роще, у поваленного дуба, я поймал несколько ужей и земляных жаб.

Когда я вернулся, было уже темно. Ребята раскладывали костер. Я и еще один мальчик, Коля, пошли в лес за хворостом.

Мы собрали большие охапки сухих сучьев, хвороста и, когда подбросили их в костер, он запылал еще ярче. Мы расказывали друг другу сказки, ели печеную картошку, было очень хорошо. Потом ребята уснули, а мы с Колей пошли на поляну, где паслись лошади. По поляне бегал жеребенок. Коля сначала подумал, что он никуда не убежит от матери, но жеребенок был такой бойкий, что Коля решил на всякий случай связать ему передние ноги.

Мы тихонько вернулись к костру, он уже догорал. Коля завернулся в тулуп и улегся на землю. Я разбросал тлевшие остатки костра и улегся рядом с Колей.

Проснулись мы рано. Я пошел в лесок. Там росли молодые, недавно посаженные деревья, вокруг леса была вырыта небольшая канава. Я залез в канаву, оставив террарий и развилку наверху. Разрыл листья, достал несколько тритонов, положил их в платок и вдруг отшатнулся: в канаве лежала гадюка и смотрела на меня злыми немигающими глазами. Откинув назад голову, она собиралась наброситься на меня. Я быстро бросил вперед платок с тритонами. Гадюка схватила его зубами, но тотчас же выпустила. Я протянул руку за развилкой. Посыпалась земля, гадюка угрожающе зашипела. Я схватился за край ямы, подтянулся на руках и случайно ударил ногой гадюку. Я впервые слышал такое шипенье: змея буквально вся

сдрогалась. Сухая земля крошилась у меня под руками. Я уперся одной ногой в противоположную стенку и выкарабкался наверх. Быстро схватив развилку, я прыгнул в яму и привоздил гадюку к стене. Она очутилась в моем террариуме.

Потом я встретился у пруда с Колей. Коля повел меня туда, где, по его словам, водились гадюки. Вскоре мы пришли к сосновому молодняку. Войдя в молодняк, мы долго ползли на коленях, чтобы не поколоться о колючую хвою. Наконец, мы вышли на небольшую поляну.

Крупный самец гадюки лежал на горячем песке. Я протянул развилку — он угрожающе зашипел, но я его все-таки поймал. Я наловил около десятка молодых гадюк. Одну такую гадюку я поймал у небольшого кустика. Она схватила молодую ящерицу и хотела проглотить ее, но ящерица ухватила ее за шею. Тут подоспел я, и ящерица ускользнула. Вскоре я поймал еще одну медянку.

Мы шли с Колей, оживленно болтая. Вскоре мы проголодались и решили закусить на скирде. Подкрепившись, мы направились домой и вскоре отдохали у Коли на сеновале. Отдохнув, мы отправились ловить рыбу и наловили сетью с десяток карасей. Колина мать зажарила их нам. Поев, мы пошли кататься на лодке. Было много комаров. Большие ужи пересекали воду во всех направлениях, высоко подняв головки. Коля рассказал мне, как однажды в лесу одного мальчика укусила гадюка и он ослеп, но вскоре выздоровел и теперь жив и невредим.

Эту ночь я провел на чердаке: на улице спать было холодно.

В ясном утреннем воздухе послышалось пение петуха. Я встал, плеснул себе в лицо колодезной воды и направился по пустынным улицам к станции. Коля вызвался меня проводить. А за Колей уезжал его пес.

К станции, громяхая, подходил поезд. Я вошел в вагон, уселся у окна и поехал домой.

„Б а р а н“

Письмо
Юры Колаж

Когда я учился в 4-м классе, мне, не знаю почему, дали кличку «Баран». Сначала я не беспокоился: «Ну пошутят ребята и перестанут», — думал я. Но, на самом деле, вышло не так. Это прозвище привязалось ко мне. Иногда, бывало, сидим, и вдруг кто-нибудь скажет: «Баран», дай карандаш», или, «Баран», иди сюда!..» Сначала я просто-напросто не хотел откликаться, но никто иначе меня не называл. Иногда случится маленькая ссора, — сразу говорят: «У, Баранюга!», «Барашка английская». Приходилось только скрипеть зубами, что тут поделаешь? Я никому не жаловался, но это прозвище меня очень обижало.

Из-за этого я перешел в другую школу. Ребята здесь были не такие, как в той школе, где я прежде учился: своих ребят не называли «Барашками» или подобными именами. Некоторое время я отдыхал. Но однажды один мальчик откуда-то узнал, что меня дразнили «Бараном». И опять все началось. Я стал избегать своих товарищей, а некоторых даже возненавидел. Иногда видишь, как ребята играют в мяч, хочется играть с ними, побегать, но не хочется услышать лишний раз это противное имя «Барашек». Я стал избегать ребят и хожу всегда один.

От редакции:

Некоторые ребята думают, что только тот хороший товарищ, который не оставит другого в беде. Это, конечно, верно. Но не только в беде можно узнать хорошего друга. Товарищ — это чуткий человек, он не станет зря обижать других. А ребята, с которыми учится Юра, — плохие товарищи: они изо дня в день обижают Юру, отталкивают его от себя. Не мудро, что Юра стал их сторониться. Может быть, не всякий высказал свою обиду и так же, как Юра, не заплачет и не пойдет жаловаться, но обида на ребят останется.

В первом номере журнала «Пионер» была напечатана повесть Б. Шатилова «В лагере». Хотя с тех пор прошло несколько месяцев, но мы до сих пор получаем письма от наших читателей. Многие ее хвалят, а некоторым эта повесть не нравится: говорят, что Ника, Серафим и Александр непохожи на настоящих ребят.

Мы решили напечатать некоторые письма ребят в журнале.

Петя Козлов говорит, что с каждым может быть такой случай, у каждого могут быть такие же переживания, как у ребят в повести.

А Иван Кычаков и Александр Иванов думают, что так не бывает. Они говорят, что так чувствовать и поступать могут только «мещане с пионерскими галстуками».

Как, по-вашему, ребята: кто из них прав? Пишите нам свои мнения о повести. Особенно мы просим девочек. От них мы получили пока мало писем. А мы знаем, что девочки говорят о повести, спорят между собой. Интересно узнать, что думают о повести не только мальчики, но и девочки.

Ждем писем.

Хорошая повесть

Петя Козлов,
БССР,
город Климовичи

Прочитав рассказ «В лагере» Б. Шатилова, я невольно задумался. Рассказ произвел на меня большое впечатление. Я пионер, так же был в лагере и так же переживал чувства, близкие к описанным. Со мной случилось очень похожее на то, о чем рассказывает Шатилов. Он изобразил все то, что может, или могло, или уже случилось. По-моему, события такие правдивые, что могут случиться с каждым. Многие взрослые представляют себе юношу-пионера каким-то замкнутым, думают, что у него нет таких высоких чувств, как дружба, любовь, которыми зачастую полно сердце. Показать переживания: печаль и радость, огорчения и дружбу — это вовсе не маленькая тема. Это большая задача для каждого писателя. Лев Толстой замечательно писал о молодом, подрастающем поколении своего времени. Но сейчас у нас растут новые, совсем не похожие на прежних, советские ребята. И настроения у ребят иные. Ведь наш пионер не лишен тех качеств и чувств, которыми награжде-

ны взрослые. Я знаю, что у многих ребят бывают очень хорошие, большие привязанности. Бывает и так, что любят не только товарища, учителя, но и близкую подругу-девочку. Но хорошее чувство к девочке всегда скрывают. Может быть, это потому, что боятся насмешек товарищей и это угнетает, а может быть, и потому, что и сами ребята не знают, как быть, как вести себя. Хорошо, если кто-нибудь поможет разобраться в этом, но это не всегда бывает, да и не ко всякому человеку обратиться за советом.

Показать дружбу, стремления пионера, его глубокую радость или печаль, я знаю, это очень трудно, но и очень интересно. Ведь это помогает ребятам понимать себя. Вот почему такие рассказы и повести читаются с восхищением.

Я от всей души приветствую это хорошее начинание — показать не только внешний облик, но и внутренние чувства ребят.

Мы таких ребят не встречали

*Иван Кычаков,
Александр Иванов,
Иркутская обл.,
село Куйтун*

В первом номере журнала «Пионер» был напечатан рассказ Б. Шатилова «В лагере». Мы остались недовольны этим рассказом.

Нам непонятно: почему автор показывает мешан с пионерскими галстуками на груди?

Мы что-то таких ребят не встречали!

Мы считаем: автор совершенно не знает советских пионеров.

Хандра и зависть овладевают влюбленными ребятами.

Всегда подвижный и веселый, Серафим становится грустным и вялым: он завидует Александру. А Александр недоволен своей наружностью.

«Ну что это за лицо! — восклицает он. — Ничего резкого, бросающегося в глаза!»

Затем следует «свидание» Ники с Александром в роще, причем в Александре «все клонотало и ему хотелось говорить, говорить, излить всю свою душу».

Кончается все это отъездом Ники и гарем Александром.

Бедный же Серафим так и остался одиноким, без всяких надежд. И кто знает, может быть он и по сей день хандрит, вялый и грустный?

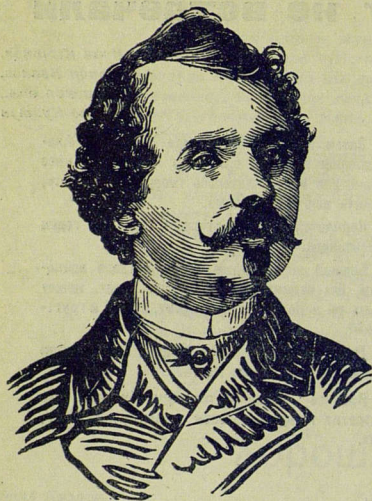
Ребят, подобных этим Никам, Александрам и Серафимам, у нас нет!

Крепкое товарищество, дружба — вот что встретит каждый человек в пионерских лагерях.

Встретились ли Саша с Никой?

*Кубякин Г.,
Башкова А.,
Сироткина А.,
Зарайск*

Повесть «В лагере», напечатанная в журнале «Пионер», нам очень и очень понравилась. Очень хорошо рассказано о дружбе между мальчиком и девочкой. А ведь это очень интересный вопрос. В нашей детской литературе мало книг на эту тему. А мы хотели, чтобы они у нас были. Мы очень хотели бы узнать: увиделись ли когда-нибудь Саша и Ника или хотя написала ли она ему письмо? Так жалко, что их дружба кончилась. И еще интересно узнать, кто был Саша. Так как рассказ ведется от первого лица, то можно подумать, что Саша — псевдоним автора, а может быть, это друг Б. Шатилова рассказал ему все это?

Родина

Ирландия — «самая беспокойная страна в мире, самый недовольный народ», — говорил один из министров английской королевы Виктории.

В течение нескольких столетий отставала маленькая Ирландия свою свободу и землю от алчных соседей — английских купцов и помещиков. Начавшиеся с 11-го века нашествия англичан на Ирландию закончились только в 18-м веке. Не раз за это время, казалось уже покоренная, подавленная страна вдруг просыпалась, расцветала огнями пожаров, и страшнейшие народные восстания сметали с лица Ирландии ее притеснителей. Они уходили, но вскоре возвращались вновь, и опять тогда лилась кровь ирландцев и горели их жалкие хижины. Ирландцы не сдавались. Восстания продолжались, то затихая, то вспыхивая вновь со страшной силой.

«Восстания в Ирландии — это гусыня, несущая золотые яйца, — сказал как-то один из членов английского парламента, — и верховные судьи, лорды, не так глухи, чтобы убить ее».

Это было верно: Англия, поработившая Ирландию, сама вызывала эти восстания и, топя их в крови, отнимала у восставших землю, отдавая ее английским помещикам — лендлордам. Так, мало-помалу, у ирландских крестьян не осталось почти ни клочка своей земли. Они жили в мрачных землянках, среди камней и торфа, в тяжелой, безысходной нищете. Они стали с'емщиками, арендаторами и за право пользования землей отдавали лендлордам весь урожай пшеницы, оставляя себе только картошку и овес. Овсянка, как уверяли англичане, была самым любимым кушаньем ирландцев. Ирландцы думали по-другому.

Сто двадцать лет назад, в 1818 году, в Ирландии родился Томас Майн-Рид, будущий знаменитый писатель, автор замечательных романов-приключений. К тому времени, когда подрастал Майн-Рид, восстания в Ирландии прекратились.

Борьба, однако, продолжалась, только теперь она велась по-новому.

Тайные общества

Вся страна покрылась сетью тайных обществ, таких сильных, что их опасались не только лендлорды, но и само английское правительство.

Эти общества были разбросаны по всей стране, но между собой они не были связаны. Они возникали по разным поводам и преследовали разные цели.

Среди них было много союзов разных «ребят»: «стальных», «справедливых», «белых», «белоногих» и «черноногих». Были союзы «чесальщиков», союзы «молотильщиков». Был, наконец, «Союз оборвышей» и даже существовала «Великая ложка оборвышей», которая поставила себе целью освободить Ирландию от англичан.

Эти общества жестоко расправлялись с теми, кто притеснял бедняков. Появляясь в длинных белых рубахах, «белые ребята» объявляли обвиняемым «приговоры народной мести» и тут же приводили их в исполнение. В одном из графств ими были убиты один за другим 7 богачей-крестьян за то, что те брали в аренду фермы

На запад!

изгнанных из Ирландии крестьян. «Чесальщики» расправлялись гребнями для расчески пряжи. «Молотильщики» — цепями.

Особенно сильным был «Союз оборвышей», целых 50 лет приводивший в трепет могучих лендлордов.

«Оборвыши» посылали помещикам предупреждения — всегда неграмотные, но, в то же время, очень вежливые:

уважательный сэр!
Если Вы приведете в исполнение свой план изгнания арендаторов, то знайте, что Вас ожидает: гроб готов, рубль заражено и жребий брошен какому Вас застрелить. Это последнее предостережение. Если Вы не хотите отправиться к Чорту, Вашему повелителю, откажитесь от Вашего плана. Иначе вот этим этот отправит Вас в Ваше жилище .

Один из 20.000.

Подучивший такое письмо знал, что, попробуй он не послушаться, он будет и сам убит, и семья его будет истреблена, и судьба погибнет в огне...

Так ирландские крестьяне боролись за свои права.

В этой обстановке вырос Майн-Рид.

Отсюда, из Ирландии, он вынес страсть ко всему необычайному, таинственному, увлекательному. Герои его романов, даже американцы, часто говорят языком ирландских заговорщиков, устраивают такие же таинственные сборища, выносят такие же беспощадные приговоры своим врагам. Да и сами, эти ирландские заговорщики, изгнанные и бежавшие в Америку, попадают на страницах майнридовских романов, всегда мужественные, честные, тепло относящиеся к маленьким и пришитленным людям.

Майн-Рид родился в семье священника, представителя английской протестантской церкви, которая хотела навязать ирландцам-католикам свои уставы и каноны.

Томас тоже должен стать священником, настоятелем церкви в родной деревушке — так решил отец, он заставлял Томаса молиться за притеснителей-англичан.

Но Томас не мог примириться с этим. Он не мог псулять, почему порабощенный, умирающий от голода ирландский крестьянин должен безропотно подчиняться угнетателям, своему вековечному врагу — Англии, держащей его в темноте и рабстве.

«Ничто в мире не может оправдать рабства», — сказал он впоследствии в одной из своих книг. Впервые он понял это здесь, в Ирландии.

«Священное писание скользит и падает из рук мальчика. Он не будет священником — никогда!..»

Насвистывая песенку, Томас бежит к морю. Песенку эту привезли матросы, побывавшие в Америке.

«На Запад, на Запад, — зовет она, — в страну свободных людей!..»

Наслушавшись рассказов моряков и прочитав все книги об Америке, какие он тогда мог достать, особенно Фенимора Купера, романы которого только что появились в Европе, Майн-Рид сделал то, что впоследствии не раз делали школьники, начитавшиеся его романов: он бежал в Америку.

Его, однако, не поймали на первой же станции и не вернули, голодного и расквашенного, перепуганным родителям. Томас уже не был школьником. Ему было 22 года, и он бежал на парусном судне вместе с эмигрантами, покидавшими Ирландию.

Америка ошеломила молодого Майн-Рида. После Ирландии, подавленной, пустынной, несчастной, «Новый свет», где были люди всех цветов и наций, пестрый, шумный, показался ему прекрасным. Здесь даже ирландцы ходили, высоко задрав свои рыжие лохматые головы...

Биографы Майн-Рида не сохранили нам подробностей о первых годах его американской жизни. Об этом периоде своей жизни Майн-Рид потом рассказал кое-что сам в своей первой книге «Стрелки в Мексике». Чем только он тогда ни занимался! Он был надсмотрщиком над неграми, куп-

цом, актером, школьным учителем, журналистом, наконец, солдатом...

«Я исколесил американский материк с крайнего севера до крайнего юга, — говорит он. — Пересек его от океана до океана. Нога моя попирала вершины Анд и взбиралась на Кордильеры. Я спускался на пароходе вниз по Миссисипи и поднимался на веслах вверх по Ориноко. Я охотился за буйволами с индейцами племени Пауни в степях Платте и за страусами в пампасах Ла-Плата. Вместе с трашерами Скалистых гор я питался вяленым мясом, а у индейцев племени Москито угощали меня жареной обезьяниной... Жажда приключений не знала границ!..»

Вероятно, эта жажда приключений привела Майн-Рида и на вербовочный пункт, где принимали волонтеров — «вольных стрелков» — в армию генерала Скотта, выступавшую против Мексики.

Американцы объясняли войну с Мексикой не тем, что Соединенным штатам спать не дает калифорнийское золото, а... защитой индейцев, якобы истребляемых мексиканцами.

Были люди, которые этому верили. Верил и Майн-Рид.

Второй лейтенант, Майн-Рид в отряде ньюйоркских волонтеров оказался храбрцом. Он отважно сражался под стенами «Города истинного креста» (Вера-Круц), смело вел своих стрелков на штурм Чапультепека, где в кровопролитном бою решалась участь мексиканских земель.

На помощь венгерским крестьянам

В бою под Чапультепеком Майн-Рид исчез. Его считали убитым и лишь много спустя случайно нашли в одном из госпиталей тяжело раненным, почти умирающим. Только в начале 1848 года он расстался с больницей и, отдыхая, начал писать свой первый роман. Он прервал свою работу только для того, чтобы поехать в Европу добровольцем на помощь Венгрии, в которой шла революция.

Горсточка собранных Майн-Ридом вольных стрелков спешит в Европу. Они пересекают Атлантический океан. Французский берег, Париж.

— Вы опоздали, — говорят им. — Все кончено, восстание подавлено...

В Англии

1850 год Майн-Рид встречает в Англии. Здесь вышла его первая книга «Стрелки в Мексике», но она была принята холодно. Майн-Рид «шокирует» (неприятно поражает) Англию. При всей занимательности его приключений в них есть то, чего Англия купцов и помещиков переварить не может. Это — отношение писателя к угнетению, к рабству. У него рабы — прежде всего люди. «Рабы-пеоны, работа, всегда поют, но песни их полны грусти — это песни угнетенного народа»... «Окружающая природа полна веселья и жизни, но все ликует здесь кроме человека. Богатая растительность развивает самые пышные формы, цветы и плоды играют радугой, и только одни люди придавлены и убоги»... Все это было не по вкусу англичанам, которые сами тогда в жажде обогащения не останавливались перед жестоким подавлением и эксплуатацией целых наций, и цветных и белых. Вот почему озлобление вызвала попытка Майн-Рида поставить те же вопросы в газете «Маленький таймс», которую он вздумал издавать вопреки воле влиятельному большому «Таймсу» — органу английской буржуазии.

Майн-Рид бросает газету: в политику лучше не ввязываться, решил он. Он становится фермером, но лендлорды его разоряют: на самом себе он испытывает их тяжелую руку...

Он снова бежит в Америку, и она принимает его как своего. Там (в 1868 году) он издает собрание своих сочинений, и они вскоре завоевывают ему весь мир, и прежде всего — мир отзывчивой юности.

Ей он и посвящает в дальнейшем остаток своей жизни.

Романы Майн-Рида

Романы Майн-Рида для молодежи («Ямайские мароны», «Квартеронка», «Сигнал Бедствия», «Охотники за скальпами», «Затерявшаяся гора» и др.) — не просто приключенческие романы. Увлекаемая естествознанием, Майн-Рид вводит его в свои романы, но вводит так умело, так увлекательно описывает природу, животных, растения и людей, что под влиянием прочитанного молодежь не только «бежит в Америку» в жажде захватывающих дух приключений, но и увлекается научной работой.

Навсегда остается в памяти как образ истинного рыдара науки фигура доктора, описанного Майн-Ридом. Даже раненый, он продолжает коллекционировать и в уюности работой подпускает к себе индейцев, которые тут же сняли с него скальп...

Известные русские ученые профессор А. М. Никольский и К. А. Сатунин говорят, что если они сделали зоологами, то только благодаря Майн-Риду. Никольский считает, что Майн-Риду он обязан и всем направлением своей ученой деятельности. Сатунин как важное достоинство Майн-Рида подчеркивает его знакомство с фауной и флорой почти всех зоогеографических областей, с любовью и совершенно верно сделанные им описания характерных представителей животного мира. Один из видов медведя, описанный Майн-Ридом в зоологии, так и называется: «*Ursus richardsoni* Maune Reid» — «Медведь Ричардсона Майн-Рида».

Умер Майн-Рид в 1883 году.

„Всадник без головы“

Роман этот, выпущенный сейчас Детиздатом, — один из самых занимательных романов Майн-Рида. Это не фантастика. В нем нет ничего сверхъестественного, — но все же на протяжении целых 400 страниц романа, от первой, где появляется таинственный всадник, до последней, где тайна его раскрывается, Майн-Рид держит читателя в исключительном напряжении.

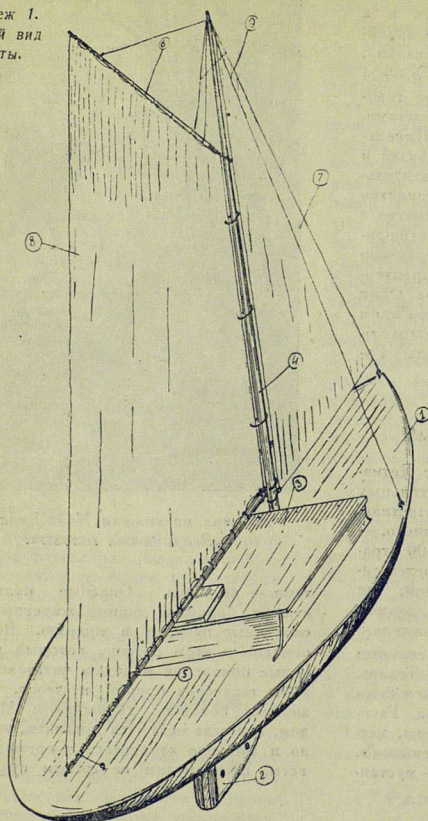
Действие романа происходит в военном форте Соединенных штатов — в Техасе. Поселок, возникший под прикрытием форта, — будущий американский город. Гасиенда плантатора. Солдаты, офицеры, негры-невольники, жуликоватые мексиканцы, охотники за дикими лошадьми — мустан-

Рисунок из книжки Майн-Рида
«Всадник без головы».

гами, — индейцы. Опасные положения, стычки, борьба с дикими животными, рискованные поездки в прерию. Вот что описано в этом романе, который увлек целые поколения молодых читателей. Картины техасских прерий и лесов, изображенные большим художником Майн-Ридом, навсегда остаются в памяти, учат тепло и любовно относиться к природе и ко всем, населяющим ее живым существам.

Чертеж 1.
Общий вид
яхты.

Парусная яхта

Г. Гаспарьян

Яхта состоит из корпуса 1 (чертеж 1), киля 2, каюты 3, мачты 4, гика 5, гафеля 6, треугольного паруса 7, четырехугольного косога паруса 8 и растяжек 9. Постройку проводите в том же порядке, в каком идет нумерация частей яхты.

Для корпуса возьмите де-

ревянный брусok размером $400 \times 120 \times 4$ (размеры в миллиметрах). На брусok по чертежу 2 нанесите план корпуса и лишнюю часть спилите. Затем рубанком или перочинным ножом придайте дну плавную округленную форму. Почистите палубу. После этого обработайте весь кор-

пус шкуркой или осколком обыкновенного стекла так, чтобы, кроме носа, не оставалось резких переходов.

Когда корпус готов, переходите к изготовлению киля. Киль необходим для того, чтобы яхта не могла быть ветром положена на борт, опрокинута. Мы к нашему килю приделаем еще и два свинцовых грузика. Яхты с такими килями называются «Бульб-киль». Эти грузики располагают центр тяжести яхты очень низко и повышают ее устойчивость.

Киль изготавливайте из фанеры по чертежу 3. Грузиком с помощью молотка или напильника придайте обтекаемую форму и скрепите вместе через отверстия в киле двумя свинцовыми заклепками.

Чтобы прикрепить киль к яхте, нужно в середине корпуса (под каютой вдоль яхты) проделать с помощью перочинного ножа или раскаленного докрасна гвоздика отверстие длиной 40 мм, а шириной равной толщине фанеры, из которой изготовлен киль. Когда отверстие в корпусе готово, проделайте такое же отверстие только немного короче в верхней части киля (чертеж 3) и, просунув киль в отверстие корпуса, закрепите его клином, как показано на чертеже 4.

Каюта состоит из двух боковых фанерных стенок, фанерной крыши размером 80×110 и двух поперечных стенок, сделанных из деревянных планок толщиной в 5—8 миллиметров. Общая высота каюты не должна превышать 20 миллиметров. Где расположить каюту, видно из чертежа 2. К задней кромке крыши каюты прибейте фанерный прямоугольник, изображающий люк. Перед каютой проделайте отверстие, в котором установите мачту, сделанную из дерева длиной 300 миллиметров. Мачту укрепите бечовочными растяжками 9 (чертеж 1). Крючки для растяжек, вделанные в борта, выгните из тонких гвоздей.

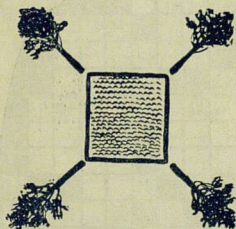
Гик и гафель сделайте не сколько тоньше мачты. Гик должен иметь в длину 240

Загадки, задачи, игры и фокусы

Как расширить пруд?

(Прислана И. Сурковым, Харьков)

В одной деревне жители вздумали расширить пруд. Пруд этот был квадратный, на каждом углу его стояло дерево. Жители пригласили техника и дали ему такое задание—расширить пруд так, чтобы деревья остались целыми, площадь пруда увеличилась в 2 раза и чтобы форма его осталась квадратной. Техник над этим долго думал и никак не мог этого сделать. Ребята, помогите технику разрешить эту задачу!

Два колхозника

Два колхозника одновременно возвращались домой с районного базара: один на паре лошадей—в колхоз «Первомайский», другой на паре волов—в колхоз «Заветы Ильича».

Когда первый колхозник проехал 40% пути, второму 40% осталось ехать. Где будет второй колхозник, когда первому останется ехать 40%?

Разделите пополам

Вы можете озадачить своих товарищей таким вопросом: «Какое число, близкое к тысяче, дает в результате нуль при делении его пополам?»

А впрочем, проверьте, сможете ли вы сами правильно ответить на этот любопытный вопрос.

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

(Прислана В. Бобровым из Москвы)

В	П	М	Ы	В	Е	С
Ч	Д	Ы	Н	С	Ы	Х
С	Т	О	К	О	Е	П
Я	Х	Д	Р	Р	Д	В
И	Й	С	О	К	О	Й
З	Е	С	Л	М	Л	И
Т	Р	И	И	Г	О	Р
Д	Ы	Е	П	Д	Л	Ь

С помощью ключа прочтите начало известного стихотворения

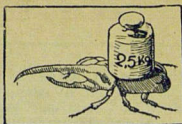
Сколько зверей могут здесь найти юннаты?

Какую тяжесть мог бы поднять человек

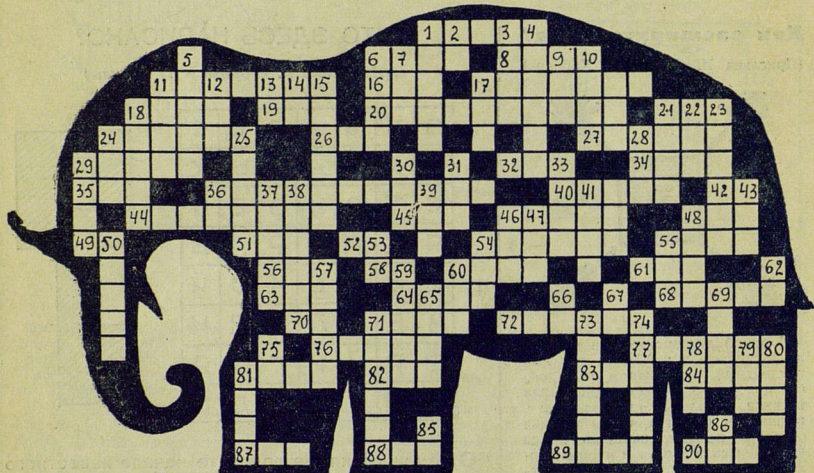
Жук-геркулес весит 6,5 грамма, но он может выдержать тяжесть в 2,5 килограмма. Высчитайте, какую тяжесть мог бы поднять человек, если бы его си-

ла была так же пропорциональна его весу, как у жука-геркулеса.

Средний вес человека — 70 килограммов.

Кроссворд, составленный И. Гитлиным, из Витебска

По горизонтали: 1. Вода. 6. Часть света. 8. Татарское государство. 11. Полярник. Герой Советского Союза. 16. Просьба повторить. 17. Базар. 18. Наружная часть дерева. 19. Порода деревьев. 20. Массовая оборонная организация трудящихся СССР. 21. Повесть русского классика. 24. Музыкальный инструмент. 26. Двухсложный стихотворный размер с ударением на втором слоге. 27. Фрукт. 29. Нарынное ОВ. 32. Водное животное. 34. Геометрическая фигура. 35. Известный путешественник. 36. Душевнобольной человек. 40. Небольшая посуда. 42. Местоимение. 44. Животное. 45. Селение в горной местности. 46. Вид физкультуры. 48. Бывшее название Автозавода имени Сталина. 49. Религиозное понятие. 51. Часть пьесы. 52. Единица сопротивления электрического тока. 54. Число. 55. Театр рабочей молодежи. 56. Рыба. 58. Предлог. 60. Животное. 61. Пар на пароходе. 63. Приток Волги. 64. Река на Дальнем Востоке. 68. Отрицательный электрод. 70. Мера измерения поверхности. 71. Окись углерода. 72. Прибор для определения направления звуков, распространяющихся по земле. 76. Дерево; название стихотворения А. С. Пушкина. 77. Река в СССР. 81. Народный певец Казахстана. 82. Рыба. 83. Состояние покоя. 84. Предмет, который исправляет дефекты зрения. 87. Посуда. 88. Партия в городки. 89. Государство в Азии. 90. Московский государственный университет.

По вертикали: 1. Часть черепа. 2. Нота. 3. Город, где родился товарищ Сталин. 4. Большой флот. 5. Французский революционер. 7. Автозавод в Москве. 10. Музыкальная пьеса для пения соло. 11. Порт на Черном море. 12. Движущая сила в паровой машине. 13. Отрицание. 14. Речной нанос. 15. Озеро в Африке. 16. Растение. 17. Остров на юге Азии. 18. Саперное орудие. 21. Часть тела. 22. Глаз. 23. Отход колосов. 25. Хищная рыба. 28. Древнее оружие. 29. Продукт питания. 30. Вид поэтического произведения. 31. Река в Африке. 33. Удар в боксе. 36. Нота. 37. Сорт кофе. 38. Предприятие для хранения и отпуска лекарств. 39. Сочетание крика, свиста и т. п. 41. Жилище кочевников. 43. Город на Аляске. 47. Праздество. 50. Печь для выплавки чугуна. 53. Нота. 54. Помещение для стрельбы. 55. Движение электричества. 57. Стенобитное орудие древних. 59. Изменение цвета кожи человека под действием солнечных лучей. 60. Животное. 62. Отрава. 65. Музыка при маршировке. 66. Река в Италии. 67. Греческая буква. 69. Рабочий текстильной фабрики. 71. Человек, учащийся в школе. 73. Химический элемент. 74. Город в Китае. 75. Крупное животное. 78. Время оборота земли вокруг солнца. 79. Рабоче-крестьянская инспекция. 80. Болотная птица. 81. Газ. 85. Польское имя. 86. Страна света.

Десять слов

Впишите в эти клетки недостающие буквы, чтобы получились слова, означающие:

- 1) большой населенный пункт;
- 2) алгебраический термин;
- 3) часть крепостной стены;
- 4) оружие боксера;
- 5) торжественный смотр войск;
- 6) птица;
- 7) часть мотора;
- 8) домашнее животное;
- 9) орудие;
- 10) развлечение.

1				Д
2	Б			
3				Я
4	К			
5				Д
6	В			
7				Д
8	К			
9				Д
10	Т			

Прыжок лягушки

	1		2	
3	4	5	6	7
	8	9	10	
11	12	13	14	15
	16		17	

Для этой головоломки сделайте на бумаге, картоне или фанере шахматную доску из 25 клеток, как это изображено на рисунке. Кроме того необходимо сделать 17 пронумерованных фишек или шашек из кусочков картона круглой или квадратной формы. Фишки пронумеруются цифрами от 1 до 17. Эти 17 фишек расставляются на доске по номерам.

Нужно снять все фишки, кроме одной, при помощи ходов прыжками, как в шашках. При этом ходы прыжками разрешаются как по перпендикулярным направлениям доски, так и по диагональным.

Фишка перепрыгивает через соседнюю фишку на соседнюю клетку, и та фишка, через которую сделан прыжок, снимается с доски. Если фишка попадает на свободную клетку и может прыгать дальше, то эти прыжки продолжаютя пока возможно, и таким образом за один ход с доски снимается несколько фишек (как в шашках).

Из рисунка видно, что первый ход в этой головоломке может быть сделан только фишкой 9, стоящей на среднем квадрате доски. При этом фишка 9 может начать прыгать по 8 различным направлениям.

Еще раз повторяем: серия непрерывных прыжков одной фишки считается за один ход.

А теперь мы подошли к заданию нашей головоломки: **ТРЕБУЕТСЯ СНЯТЬ 16 ФИШЕК ЗА 4 ХОДА, ЧТОБЫ В КОНЦЕ РЕШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КВАДРАТЕ ОСТАЛАСЬ ОДНА ФИШКА 9.**

Ответы на задачи № 3

ПРОЧИТАЙТЕ. Лагерь.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Нерон; Клава. 2. Египта. 3. Москва; лирика. 4. Аркан. 5. Ривон; ток; гипс. 6. Шкаф; Рона. 7. Ли; хор; зов; ре. 8. Агат; Гори. 9. Осел; тон; река. 10. Ситро; 11. Рецепт; ампула. 12. Орава. 13. Допор; ре; фа.

По вертикали: 1. Номер; обряд. 2. Ишнас. 3. Росток; Герцен. 4. Нахал. 5. Нева; спор. 6. Гарт; титр. 7. До; кот; бот; ар. 8. Злак; нрав. 9. Кани;

рот, омар. 10. Говор. 11. Англии; ребус. 12. Париж. 13. Аванс; атака.

ЧЕТЫРЕ КОНЯ

Вот одно из решений задачи-головоломки «Четыре коня» в 16 ходов: 1) 7—2, 2) 1—6, 3) 6—7, 4) 9—4, 5) 3—8, 6) 4—3, 7) 8—1, 8) 2—9, 9) 1—6, 10) 9—4, 11) 3—8, 12) 4—3, 13) 8—1, 14) 7—2, 15) 6—7, 16) 2—9. После этих ходов белые кони оказываются стоящими на квадратах 7

и 9, а черные кони — на квадратах 1—3.

ПЕРЕСТАНОВКА СЛОВ

Луза, лоза, роза, рога, нога, нога, рота, роса, коса, кора, гора, горе, море.

ТАИНСТВЕННЫЙ КВАДРАТ

Чтобы получить цифру 800, надо вычеркнуть: 64 — один раз, 32 — два раза, 16 — шесть раз, 8 — двадцать раз. И тогда $64 \times 3 = 192$; $32 \times 10 = 320$; $16 \times 14 = 224$; $8 \times 8 = 64$. $192 + 320 + 224 + 64 = 800$.

ПЕРВЫМИ ПРИСЛАЛИ РЕШЕНИЕ КРОССВОРДА И ЗАДАЧ:

Киевский С.—Ленинград; Тольконогов Б.—Москва; Кононов Слава—город Киров; Корымов Н.—город Горький; Ефимов Вадим—Рыбинск; Тарасов Лева—Москва.

СО Д Е Р Ж А Н И Е Н О М Е Р А

Два письма пионерам — <i>Н. К. Крупская</i>	3
Стихи Л. Квитко — <i>Перевод с еврейского Е. Блажиной, рис. М. Аксельрод</i>	9
Волшебная шкатулка — <i>Рассказ И. Василенко, рис. П. Кузьмичева</i>	14
Книги, служившие революции — <i>А. Роскин</i>	27
Грозное оружие — <i>Командир Батров</i>	30
Сказка о горбуне и молчаливом цырюльнике — <i>Арабская сказка. Перевел и обработал М. Салье, рис. П. Митурича</i>	36
Что рассказывают картины на камнях о первобытной Испании — <i>Г. Финюенов</i>	51
Четырнадцатилетним	60
Великий русский народ — <i>Проф. А. И. Яковлев</i>	62
Судьба товарища — <i>Часть 3-я. Евгения Немирова, рис. Б. Винокурова</i>	70
„Компас“ — <i>Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 19.</i>	
„Человек с луны“ — <i>М. Лоскутов, Р. Фраерман</i>	92
Кавказский заповедник — <i>Проф. А. М. Ладыженский</i>	99
Фонд Географического общества	100
Цирк — <i>Н. Ильина</i>	101
Планета из канифоли и кольца Сатурна — <i>Сергей Григорьев</i>	107
По поводу опытов С. Григорьева — <i>Ответ проф. И. Ф. Полака</i>	109
ПОЧТА:	
Наша встреча с Алексеем Максимовичем Горьким — <i>Письмо Гали Кожевинсой</i>	111
Приметы погоды — <i>Письмо Вани Рыбалкина</i>	113
Ловля змей — <i>Письмо Илюши Даревского</i>	114
„Баран“ — <i>Письмо Юры Колаж</i>	115
Хорошая повесть — <i>Петя Козлов</i>	113
Мы таких ребят не встречали — <i>Иван Кычаков</i>	117
Встретились ли Саша с Никой? — <i>Кубякин Г., Бажкова А., Сироткина А.</i>	117
Майн-Рид — <i>А. Гюль-Назаров</i>	118
Самodelки	122
Загадки, задачи, игры и фокусы	125

На обложке картина художника П. Кузьмичева — „Прилет почтового самолета к рыбакам“

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 822, тел. Д 3-30-73

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР**

Зам. редактора **В. Фраерман**

Отв. секретарь **В. Поддубная**

Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 17/IV—38 г.

Подписано к печати 16/V 1938 г.

Изд. № 462

Уполномоченный Главлита № Б—43171. 82×110 ¹/₁₆ бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ №1031. Тираж 84 500

